

ПОЧЕМУ МЫ
ЛЮБИМ СОБАК

ЕДИМ СВИНЕЙ

И
НОСИМ ШКУРЫ КОРОВ

ВВЕДЕНИЕ В **КАРНИЗМ**

Мелани Джой

Мелани Джой

**ПОЧЕМУ МЫ ЛЮБИМ СОБАК,
ЕДИМ СВИНЕЙ
И НОСИМ ШКУРЫ КОРОВ**

Введение в карнизм,
мировоззрение, которое позволяет нам
есть одних животных и не позволяет есть других

*О величии нации и ее нравственном развитии
можно судить по тому, как она обращается с животными.*
—Махатма Ганди

ГЛАВА 1. ЛЮБИТЬ ИЛИ ЕСТЬ?

*Мы видим вещи не такими, какие они есть,
а такими, какие мы есть.*
—Анаис Нин

Представьте на минутку следующую ситуацию. Вы — гость(я) на изыщном званом ужине. Вы сидите в окружении других гостей за пышно накрытым столом. В зале тепло, огонь от свечей трепещет в отражении хрустальных бокалов, ведутся расслабленные беседы. С кухни доносятся аппетитные ароматы изысканных яств. Вы не ели весь день, и в животе у вас бурлит.

Наконец, после некоторого ожидания, которое длилось, казалось, целые часы, ваша подруга, закатившая этот пир, появляется из дверей кухни с кастрюлей кипящего пикантного рагу. Комнату заполняют ароматы мяса, пряностей и овощей. Вы накладываете себе щедрую порцию и, проглотив несколько кусочков нежной плоти, просите у подруги рецепт.

— С удовольствием расскажу, — говорит она. — Для начала тебе понадобится два с половиной килограмма хорошо маринованного мяса золотистого ретривера, а потом...

Золотистого ретривера? Вероятно, вы замираете с непрожеванным куском во рту, когда понимаете смысл ее слов: мясо у вас во рту — *собачье*.

Что теперь? Вы продолжаете есть? Или вас выворачивает от осознания того факта, что у вас на тарелке золотистый ретривер, и вы только что отведали какую-то его часть? Быть может, вы отделите мясо и съедите только овощи? Если вы принадлежите к большинству американцев, то от известия о том, что вас потчевали собачатиной, ваше наслаждение сменится отвращением.¹ Возможно, вам внушают омерзение даже овощи, потому что соседство с мясом их испортило.

Но давайте предположим, что ваша подруга засмеется и скажет, что разыграла вас. Что на самом деле это мясо вовсе не золотистый ретривер, а говядина. Как вы теперь отнесетесь к вашей еде? Полностью ли вернулся к вам аппетит? Сможете ли вы снова вкушать блюдо с тем же энтузиазмом, с каким делали это изначально? Есть шанс, что хоть вы и знаете, что рагу на

---

¹ Несмотря на то, что некоторых людей может заинтриговать идея поедания собачатины, в США такие люди составляют меньшинство, в то время как в этой книге описывается в целом американский опыт.

вашей тарелке — это та же самая еда, что и несколько секунд назад, вы продолжите испытывать частичный дискомфорт; дискомфорт, который может преследовать вас и в следующий раз, когда вам подадут говяжье рагу.

Что здесь происходит? Почему определенная еда вызывает подобные эмоциональные реакции? Как такое возможно, чтобы пища, названная одним словом, воспринималась в качестве деликатеса, а при другом наименовании становилась практически несъедобной? Главный ингредиент рагу — мясо — на самом деле вообще не изменился. Он как был плотью животного, так ею и остался. Он просто стал — вернее, якобы стал, да и то лишь на мгновение — мясом другого животного. Отчего же у нас столь кардинально различные реакции на говядину и собачатину?

Ответ на все эти вопросы может быть сформулирован всего одним словом: *восприятие*. Мы реагируем по-разному на разные виды мяса не потому, что они отличаются физически, а потому что мы их по-разному воспринимаем.

ПРОБЛЕМА С ПОЕДАНИЕМ СОБАК

Подобный сдвиг в восприятии может ощущаться как нечто сродни переходу на встречную полосу на двухполосной дороге: пересечение сплошной линии резко обогащает наш опыт. Причина, по которой мы получаем столь мощный заряд от сдвига в восприятии, заключается в том, что наше восприятие в существенной степени определяет нашу реальность; то, как мы воспринимаем ситуацию — значение, которое мы ей придаем — определяет то, что мы думаем и чувствуем по этому поводу. В свою очередь, наши мысли и чувства склонны определять наши действия. Большинство американцев воспринимает собачье мясо далеко не так, как говядину; поэтому собачатина пробуждает в них совсем иные ментальные, эмоциональные и поведенческие реакции.²

Одна из причин, по которым мы столь по-разному воспринимаем говядину и собачатину, заключается в том, что мы по-разному смотрим на коров³ и собак. Наиболее частый — и, как правило, единственный — контакт, какой мы поддерживаем с коровами, возникает тогда, когда мы едим их плоть или надеваем их шкуры. Между тем, для огромного числа американцев наши взаимоотношения с собаками немногим отличаются от взаимоотношений с людьми. Мы обращаемся к ним по именам. Мы прощаемся, когда уходим, и здороваемся, когда возвращаемся. Мы делим с

---

² В различных мировых культурах широко распространен отказ от определенных видов мяса. Табу, касающиеся употребления мяса, встречаются куда более часто, чем запреты на другие продукты. Более того, нарушения табу на поедание мяса приводят к сильнейшим эмоциональным реакциям — как правило, к отвращению — и сопровождаются самыми серьезными наказаниями. Следует принять во внимание и диетические ограничения, устанавливаемые главными мировыми религиями; независимо от того, являются ли ограничения временными (как у христиан, когда они воздерживаются от мяса во время поста) или постоянными (как в случае с некоторыми буддистами, которые придерживаются вегетарианского образа жизни), мясо всегда является объектом запрета.

³ Несмотря на то, что говядину получают как от коров, так и от быков, в тексте я использую слово «коровы» для обозначения всех представителей крупного рогатого скота.

ними кровать. Мы с ними играем. Мы покупаем им подарки. Мы носим их фотографии в бумажниках. Мы таскаем их к врачу, если они заболевают, и можем потратить тысячи долларов на лечение. Мы хороним их, когда они нас покидают. Они смешат и огорчают нас. Они — наши верные спутники, наши друзья, наша семья. Мы любим их. Мы любим собак и едим коров не потому, что они фундаментально различаются — коровы, как и собаки, имеют чувства, предпочтения и сознание, — а потому, что по-разному их *воспринимаем*. И, следовательно, наше восприятие различных видов мяса тоже варьируется.

Примечательно, что люди разных культур воспринимают одно и то же мясо по-разному. Например, реакция индуистов на говядину вполне может быть такой же, как реакция американского христианина на собачатину. Эти особенности восприятия обусловлены нашими *общими представлениями*. Общие представления — это психологическая основа, которая формирует (и формируется) наши убеждения, идеи, восприятие, опыт и автоматически организует и интерпретирует поступающую информацию. Например, когда вы слышите слово «медперсонал», вы, вероятно, представляете себе женщину в белом халате, работающую в больнице. И хотя число медбратьев превышает число медсестер, большинство одевается не так традиционно и работает за пределами больничных стен, но если только у вас нет расширенного опыта общения с медперсоналом, ваши общие представления, скорее всего, будут поддерживать образ женщины в халате. Обобщения — это результат общих представлений, выполняющих свою функцию: отсортировать и интерпретировать огромное количество раздражителей, которым мы постоянно подвергаемся и помещать их в общие категории. Общие представления действуют как ментальные системы классификации.

У нас есть общие представления обо всех объектах, включая животных. Животное, например, может быть классифицировано как жертва, хищник, вредитель, компаньон или еда. То, как мы классифицируем животное, в свою очередь, определяет то, как мы к нему относимся — охотимся на него, удираем от него, истребляем его, любим его или едим его. Между категориями могут встречаться совпадения (животное может быть и жертвой, и едой), но когда речь заходит о мясе, то животное — либо еда, либо не еда. Иными словами, у нас есть общее представление, которое классифицирует, какое животное съедобно, а какое — нет.⁴

Интересно становится тогда, когда нам подсовывают мясо животного, которое мы классифицировали, как несъедобное: мы автоматически представляем себе живое существо, от которого оно было получено, и склонны чувствовать отвращение при одной мысли, что его можно есть. Процесс восприятия движется в данной последовательности: мясо золотистого ретривера (раздражитель) → несъедобное животное

---

⁴ Общие представления могут быть структурированы иерархически и содержать более специфические общие представления внутри сложных и крупных общих представлений. Например, у нас есть общее представление о том, что такое «животное», а внутри оно подразделяется на «съедобных» и «несъедобных». Эти более специфические общие представления, в свою очередь, могут делиться на еще более специфические, например, «съедобные» могут быть «дикими», «одомашненными» и «сельскохозяйственными» животными.

(убеждение / восприятие) → образ живой собаки (мысль) → отвращение (чувство) → отказ или нежелание есть (действие).

Давайте вернемся на воображаемый званый ужин, когда вам сказали, что вы едите золотистого ретривера. Если бы такая ситуация действительно возникла, вы бы продолжали чувствовать те же запахи и ощущать тот же вкус, что и секунды тому назад. Но теперь ваш разум, вероятно, сформировал образ золотистого ретривера, например, бегущим по саду за мячиком или свернувшимся калачиком у камина. Вместе с такими эмоциями обыкновенно приходит сопереживание и тревога за собаку, которую убили, а вместе с ними и отвращение при мысли о поедании этого животного.

И наоборот, если вы сродни большинству западных людей, то при поедании говядины вы вовсе не рисуете себе картину коровы, которую убили, чтобы приготовить для вас это мясо. Вместо этого вы видите только «еду» и фокусируетесь на ее вкусе, аромате и текстуре. Когда люди контактируют с говядиной, они обычно пропускают ту часть процесса восприятия, которая выстраивает ментальную связь между мясом и живым существом. Разумеется, все в курсе, что говядину получают от коров, но когда мы ее едим, мы имеем свойство избегать думать на эту тему. Буквально тысячи людей, с которыми я беседовала, как по работе, так и в личной жизни, признались, что если бы они действительно думали о живой корове, поедая говядину, им было бы нелегко — а порой даже невыносимо есть ее. Именно поэтому многие люди избегают того, чтобы есть мясо в таком виде, в каком оно напоминает о некогда живом существе; мясо нечасто подается нам вместе с головой или другой неповрежденной частью тела. Например, в результате одного интересного исследования датские ученые выяснили, что людям было некомфортно есть мясо, которое видом напоминало о его животном происхождении. Они предпочитали есть мелко порубленное мясо, нежели крупные куски. И даже если мы сознательно проводим связь между говядиной и коровой, мы ощущаем куда меньшее беспокойство, чем если бы ели мясо золотистого ретривера, поскольку для американской культуры поедать собак нетипично.

Оказывается, наше отношение к животному и обращение с ним куда меньше зависит от того, к какому виду оно относится, нежели от того, как мы его воспринимаем. Мы считаем приемлемым есть коров, но не собак, поэтому воспринимаем коров, как съедобных животных, а собак — несъедобными, и действуем соответствующим образом. И этот процесс цикличен; не только наши убеждения в конечном счете влияют на наши действия, но и наши действия усиливают наши убеждения. По мере того, как мы продолжаем воздерживаться от мяса собак и есть коров, мы все больше укрепляем наши убеждения относительно того, что коровы съедобны, а собаки — нет.

ПРИВЫЧНЫЙ ВКУС

Притом что люди наделены врожденной склонностью к сладкому (сахар всегда был богатым источником калорий) и избеганию горького и кислого (подобные вкусы часто свидетельствуют о наличии ядовитых веществ), большинство наших вкусовых предпочтений, в сущности, приобретенные. Иначе говоря, при всей широте восприятия вкусового

спектра, нам нравится то, что, как мы усвоили, нам *должно* нравиться. Еда, особенно продукты животного происхождения, очень символичны, и этот символизм вкупе с традицией главным образом отвечает за наши вкусовые предпочтения. Например, немногие люди любят есть рыбью икру, пока они не достигнут того возраста, когда начинают верить, что поедание икры делает их искушенными и утонченными. А в Китае люди поедают пенисы животных, поскольку считают, что употребление этих органов положительно воздействует на сексуальную активность.

Невзирая на то, что вкусовые предпочтения во многом обусловлены культурой, люди по всему миру склонны рассматривать свои предпочтения, как рациональные, а всякое отклонение — как оскорбительное и омерзительное. Например, многим людям отвратительно при мысли об употреблении молока, добытого из коровьего вымени. Другие не в состоянии постичь поедание бекона, ветчины, говядины или курицы. Третьи видят в употреблении яиц употребление эмбрионов (каковыми яйца технически и являются). А теперь представьте, каково вам было бы кушать хорошо прожаренного тарантула (волосы, клыки и все прочее), как это делают люди в Камбодже; паштет из кислых, маринованных яичек барана, как это практикуют некоторые гурманы в Исландии; или эмбрионы утки — яйца, которые уже оплодотворились и содержат частично сформировавшихся птиц с перьями и зародившимися крыльями — как в некоторых регионах Азии. Когда речь заходит о продуктах животного происхождения, все вкусы — приобретенные.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

То, как мы реагируем на перспективу поедания собак и других несъедобных животных, представляет собой странный феномен. Куда более странно, однако, то, что мы *не* реагируем на перспективу поедания коров и других съедобных животных. Когда дело касается таких животных, в нашем процессе восприятия присутствует необъяснимый пробел, недостающее звено; мы не в состоянии выстроить связь между мясом и его источником. Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему из десятков тысяч видов животных люди выбрали лишь нескольких, кого они готовы есть? Что поражает в нашем выборе между съедобными и несъедобными животными, так это не *наличие* отвращения, а его *отсутствие*. Почему нам *не* противно есть крайне ограниченное число видов животных, которых мы считаем съедобными?

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что отсутствие у нас отвращения — это в большой степени, если не полностью, явление приобретенное. Мы не рождаемся с готовыми общими представлениями; они выстраиваются. Наши общие представления проистекают из очень тщательно структурированной системы убеждений. Эта система диктует, какие животные съедобные, и позволяет употреблять их, защищая от чувства какого-либо эмоционального и психологического дискомфорта, когда мы это делаем. Система учит нас, как *не чувствовать*. Наиболее очевидное ощущение, которого мы лишаемся, это отвращение, но за ним скрывается эмоция, куда более важная для нашего ощущения себя: наше сопереживание.

ОТ ЭМПАТИИ К АПАТИИ

Но почему система заходит так далеко, что блокирует нашу способность к сопереживанию? Зачем вся эта психологическая акробатика? Ответ прост: потому что мы не безразличны к животным и не хотим, чтобы они страдали. А также потому, что несмотря на это мы их едим. Наше поведение идет вразрез с нашими ценностями, и это противоречие в известной степени приводит к моральному дискомфорту. Желая смягчить этот дискомфорт, мы встаем перед выбором: мы можем изменить либо наши ценности, чтобы они соответствовали нашему поведению, либо наше поведение, дабы оно соответствовало нашим ценностям, либо восприятие нашего поведения, чтобы оно якобы соответствовало нашим ценностям. Наши общие представления о мясе сформированы как раз по третьему принципу. До тех пор, пока мы не научимся сбрасывать со счетов ненужные страдания животных и при этом не перестанем есть мясо, наши общие представления будут искажать наше восприятие животных и мяса, которое мы едим, чтобы мы могли продолжать чувствовать себя комфортно. И система, которая выстраивает наши общие представления о мясе, оснащает нас необходимыми инструментами для того, чтобы делать это.

Главный инструмент системы — это *психическое онеменение*, психологический процесс, с помощью которого мы отключаемся, ментально и эмоционально, от нашего опыта, даем себе «онеметь». Само по себе психическое онеменение не является злом; это нормальная, неизбежная часть повседневной жизни, позволяющая нам функционировать в непредсказуемом и полном насилия мире и справляться с болью, если мы становимся жертвами насилия. Например, вам было бы тяжело ехать по шоссе на полной скорости, если бы вы полностью осознавали, что управляете маленьким металлическим транспортным средством в окружении тысяч других таких же приспособлений. А если бы вам настолько не повезло, что вы стали бы жертвой аварии, вы, вероятнее всего, впали бы в шок и оставались в этом состоянии, пока не почувствовали бы себя психологически способными смириться с реальностью того, что произошло. Психическое онеменение адаптивно и даже благотворно, когда помогает вам *справляться* с насилием. Но оно принимает неадекватную форму, становится деструктивным, когда используется для того, чтобы попустительствовать насилию, даже если это насилие творится далеко на скотобойнях, где животных превращают в куски мяса.

Психическое онеменение сформировано сложным набором защитных и других механизмов — всепроникающих, мощных и незаметных, — которые работают одновременно на социальном и психологическом уровнях. Эти механизмы искажают наше восприятие и дистанцируют нас от наших ощущений, преобразуя нашу эмпатию в апатию; вообще, в центре внимания этой книги — разбор процесса обучения людей тому, как не чувствовать. Механизмы психического онеменения включают: отрицание, избегание, рутинизацию, оправдание, овеществление, деиндивидуализацию, дихотомизацию, рационализацию и диссоциацию. В последующих главах мы изучим каждый из этих аспектов психического онеменения и разберем систему, которая превращает животных в мясо, а мясо — в еду. Таким образом, мы исследуем

характеристики этой системы и способы, с помощью которых она получает нашу последовательную поддержку.

ОНЕМЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ И В ИСТОРИИ: ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

Вопрос, который мне часто задают: а люди других культур и времен тоже применяли психическое онемение, чтобы убивать и употреблять животных? Нужно ли, например, охотникам в диких племенах применять онемение, когда они убивают свою жертву? До индустриальной революции, когда многие американцы сами добывали себе мясо, требовалось ли им эмоционально дистанцироваться от животных?

Было бы бессмысленным утверждать, что люди других культур и эпох задействовали аналогичное психологическое онемение, как то, которое применяется нами в современных обществах, когда мясо не является необходимым для выживания. В большой степени контекст определяет, как человек будет реагировать на поедание мяса. Ценности человека, сформированные широкими социальными и культурными структурами, позволяет определить, насколько большие психологические усилия нужны для того, чтобы дистанцировать человека от реальности поедания животного. В обществах, в которых мясо требовалось для выживания, люди были лишены роскоши рефлексировать по поводу этичности своих поступков; их ценности неминуемо поддерживали поедание животных и их с куда меньшей вероятностью тревожила перспектива употребления мяса. То, как животных умерщвляют, тоже воздействует на нашу психологическую реакцию. Жестокость зачастую куда более дискомфортна, чем убийство.

Вместе с тем, даже в тех случаях, когда поедание мяса было необходимостью, а животных убивали без беспричинной жестокости, которой отмечены сегодняшние скотобойни, люди всегда избегали употребления мяса определенных животных и неуклонно старались соответствующим образом обставить убийство и поедание животного. История изобилует примерами обрядов, ритуалов и верований, которые успокаивали сознание человека: мясник и/или мясоед могли проводить очищающие церемонии после того, как отнимали жизнь; или животное рассматривалось как «жертвуемое» в пищу человеку — перспектива, которая наполняет акт духовным значением и подразумевает некий выбор жертвы. Более того, еще 600 лет до нашей эры люди приняли решение воздерживаться от употребления мяса по этическим причинам, демонстрируя истонченное и моральное напряжение по поводу употребления плоти. Иными словами, очень даже вероятно, что психическое онемение сыграло свою роль — пусть даже лишь в какой-то степени и в различных формах — во множестве культур на протяжении всей истории.

Главная защита системы — это незаметность; незаметность выявляет защиту, действующую через *избегание* и *отрицание* и представляет собой фундамент, на котором зиждутся все прочие механизмы. Незаметность позволяет нам, скажем, употреблять говядину, не представляя себе животное, которое мы едим; она маскирует от нас наши мысли. Незаметность также помогает нам безопасно отгораживаться от неприятного процесса выращивания и убийства животных ради мяса. Первый шаг — это разобраться с тем, что такое мясо. Второй — разрушить

незаметность системы, изобличив ее принципы и практики, которые скрывались с самого начала ее зарождения.

ГЛАВА 2. КАРНИЗМ: «ПРОСТО ТАК УСТРОЕН МИР»

Несуществующее и невидимое выглядят очень похоже.
—Делос Б. Маккоун

Ограничения моего языка определяют ограничения моего мира.
—Людвиг Витгенштейн

В первой главе мы мысленно провели эксперимент. Мы представили, что вы находитесь на званом ужине, поглощая восхитительную еду, и тут ваша подруга сообщает вам, что рагу содержит собачье мясо. Мы рассмотрели вашу возможную реакцию на эту новость, а потом выяснилось, что подруга просто пошутила, и на самом деле вы ели говядину.

Давайте же еще поупражняем воображение. Задумайтесь, без самоцензуры, какие слова приходят вам на ум, когда вы представляете себе собаку. А потом сделайте то же самое, но уже со свиньей. Затем остановитесь и сравните ваши описания этих животных. Замечаете разницу? Когда вы думали о собаке, вы, вероятно, мысленно произнесли слово «милая»? «Верная»? А когда представляли свинью, не крутились ли в вашей голове слова «пот» и «грязь»? Вы не называли свинью «грязной»? Если ваши слова совпадали с теми, что я упомянула, то вы относитесь к большинству.

Я преподаю социологию и психологию в местном университете, и каждый семестр посвящаю один урок вопросу об отношении к животным. Я преподавала тысячам студентов за прошедшие годы, но всякий раз, как мы проделываем упражнение, которое только что проделали с вами, мы получаем аналогичные результаты.

Сначала, так же как и вас, я прошу студентов перечислить характеристики собаки, а потом характеристики свиньи, и составляю на доске список слов по каждому из животных. В случае с собаками стандартные эпитеты включают те, которые я упомянула выше, а также «дружелюбные», «умные», «веселые», «заботливые» и иногда «опасные». Само собой, свиньи не удостаиваются столь лестных характеристик. Они «потные» и «грязные», а также «глупые», «ленивые», «жирные» и «уродливые». Потом я обычно прошу студентов описать их ощущения относительно этих двух видов животных. Опять же, неудивительно, что в основном они положительно оценивают — или даже любят — собак, а вот свиньи им попросту «омерзительны». Наконец, я прошу их описать их взаимоотношения с собаками и свиньями. Собаки — это, разумеется, наши друзья и члены семьи, тогда как свиньи — еда.

К этому моменту студенты уже начинают поглядывать на меня в недоумении, любопытствуя, к чему идет наша беседа. Тогда я задаю кое-какие уточняющие вопросы, проистекающие из их предыдущих заявлений, и мы получаем примерно такие диалоги:

— Итак, почему вы утверждаете, что свиньи ленивы?

— Потому что они просто валяются днями напролет.

- Так делают и свиньи в дикой природе, или только те, кого выращивают на мясо?
- *Я не знаю. Может, когда они на ферме.*
- Почему вы считаете, что свиньи на ферме — на агромышленной ферме, если быть точными — лежат без дела?
- *Может, потому что они в загоне или в клетке...*
- Почему вы полагаете, что свиньи глупые?
- *Они просто такие и есть.*
- Вообще, свиньи считаются даже более умными, чем собаки.
(Иногда в этот момент в разговор вступает другой студент, утверждающий, что встречал свиней, или что знает, кого-то, у кого дома свинья живет, как питомец, и подтверждает этот факт одной-двумя историями)...
- Почему вы утверждаете, что свиньи потные?
- *У меня нет ответа.*
- А вы знали, что у свиней вообще нет потовых желез?..
- И что, все свиньи — уродливые?
- *Да.*
- А как насчет поросят?
- *Поросята миленькие, а свиньи страшные...*
- Почему вы говорите, что свиньи грязные?
- *Они валяются в грязи.*
- Почему они валяются в грязи?
- *Потому что им нравится грязь. Они грязные.*
- На самом деле, они валяются в грязи, чтобы охладиться, когда им жарко, поскольку потовых желез у них нет...
- А собаки — грязные животные?
- *Да, иногда. Собаки могут проделывать поистине отвратительные вещи.*
- Почему же вы не включили слово «грязные» в ваш список по собакам?
- *Потому что они не всегда грязные. Только иногда.*
- А свиньи всегда грязные?
- *Ага, всегда.*
- Откуда вам это известно?
- *Потому что они всегда выглядят грязными.*
- Где вы их наблюдаете?
- *Я не знаю. На картинках, наверное.*
- И на всех картинках они грязные?
- *Нет, не всегда. Свиньи не всегда грязные...*
- Вы описали собак, как верных, умных и милых животных. Почему вы так их охарактеризовали? Откуда вы это знаете?
- *Я их видел.*
- *У меня жили собаки.*
- *Я встречала множество собак.*
- (Тут всегда один или несколько студентов рассказывают истории о собаках, которые совершили нечто героическое, умное и прекрасное)...
- Как насчет собачьих чувств? Откуда вы знаете, что они испытывают эмоции?
- *Клянусь, моя собака подавлена, когда у меня плохое настроение.*

— Когда моя собака знает, что сделала что-то не то, у нее всегда на морде это виноватое выражение, и она прячется под кроватью.

— Всегда, когда мы отвозим собаку к ветеринару, она трясется от страха.

— Наша собака всегда скулила и переставала есть, если видела, что мы пакуем чемоданы, собираясь на каникулы.

— Считает ли кто-то из присутствующих возможным, чтобы у собак не было чувств?

(Ни одной поднятой руки)

— А как насчет свиней? Думаете, у них есть чувства?

— Конечно.

— Как считаете, они могут испытывать те же эмоции, что и собаки?

— Возможно. Я думаю, да.

— Вообще, большинство людей этого не знают, но свиньи настолько чувствительны, что в неволе у них развивается невротическое поведение, которое проявляется в самоповреждении. Как вы считаете, свиньи ощущают боль?

— Разумеется. Все животные ощущают боль.

— Тогда почему мы едим свиней, а не собак?

— Потому что свинина лучше на вкус. (смех)

— Потому что у собаки есть личность. Нелья есть того, кто наделен личностью. Мы называем их по имени. Они — индивидуумы.

— А как вы думаете, свиньи наделены личностями? Они — индивидуумы, как собаки?

— Да, наверное, они — личности, если узнать их поближе...

— Вы когда-нибудь встречали свиней?

(За исключением одного студента, никто не встречал)

— Тогда откуда вы почерпнули информацию о свиньях?

— Из книг.

— Из телевизора.

— Из рекламы.

— Из фильмов.

— Не знаю. От общества, наверное.

— По вашему мнению, как бы вы относились к свиньям, если бы знали их, как умных, чувствительных личностей, которые не потные, не ленивые и не прожорливые? Если бы вы познакомились с ними лично, так, как вы знакомы с собаками.

— Я бы дико себя чувствовал, если бы стал после этого их есть. Я бы испытывал чувство вины.

— Тогда почему мы едим свиней, а не собак?

— Потому что свиней выращивают на мясо.

— А зачем мы выращиваем свиней на мясо?

— Я не знаю. Я никогда об этом не задумывался. Наверное, просто так устроен мир.

Просто так устроен мир. Задумайтесь над этими словами хотя бы на мгновение. Хорошенько задумайтесь. Мы отправляем одних животных к мяснику, одновременно даря нашу любовь и доброту другим, похоже, лишь по той причине, что *просто так устроен мир*. Когда наше отношение и поведение по отношению к животным столь непоследовательны, и эта непоследовательность не ставится под вопрос, мы можем смело сказать,

что живем в обществе абсурда. Потому что это абсурд, когда мы любим собак и едим свиней и не можем объяснить, почему мы так поступаем.

Многие из нас проводят немало минут в аптечном ряду, размышляя, какую зубную пасту приобрести. И при этом большинство из нас никогда не задумывалось над тем, почему мы едим животных определенных видов. Наш потребительский выбор стимулирует индустрию, которая убивает 10 миллиардов⁵ животных в год только в Соединенных Штатах. Если мы решаем поддерживать эту отрасль, и лучшее объяснение, которое мы можем найти нашему решению, сводится к словам о том, что просто так устроен мир, то у нас явно что-то не так. Что может заставлять целое общество отключить мозги и даже не замечать этого? И хотя вопрос звучит довольно сложно, ответ на него очень прост: карнизм.

КАРНИЗМ

Все мы знаем, кто такие вегетарианцы — люди, которые не едят мясо. И хотя некоторые люди делают этот выбор по соображениям заботы о здоровье, многие вегетарианцы перестают употреблять мясо, так как не считают этически приемлемым есть животных. Большинство из нас осознает, что вегетарианство — это выражение этической ориентации человека, поэтому когда мы представляем себе вегетарианца, мы не думаем, что он — такой же как все, за тем лишь исключением, что отказывается от мяса. Мы представляем себе человека с определенным философским взглядом на вещи, чье решение воздерживаться от мяса является отражением более глубокой системы убеждений, которая предполагает, что убивать животных ради нужд человека неэтично. Мы осознаем, что вегетарианство определяется не только ориентацией в питании, но и соответствующим образом жизни. Именно поэтому когда мы видим вегетарианца в кинофильме, он(а) предстает не просто человеком, избегающим мяса, а кем-то, наделенным соответствующим набором качеств, ассоциируемых нами с вегетарианцами, например, любовь к природе или нетрадиционные ценности.

Далее, если вегетарианец — это тот, кто считает неэтичным употребление мяса, то как мы назовем человека, который полагает, что есть мясо этично?

Обычно мы используем термин «мясоед» для описания каждого, кто не является вегетарианцем. Но насколько это точное обозначение? Как мы знаем, вегетарианец — это не просто «травоед». Употребление растительной пищи представляет собой *поведение*, которое уходит корнями в систему убеждений. Слово «вегетарианец» свидетельствует о том, что основополагающая система убеждений функционирует: суффикс «ец» указывает на то, что речь идет о человеке, который отстаивает, поддерживает или практикует какую-то доктрину или набор принципов.

И напротив, термин «мясоед» изолирует практику употребления плоти, словно она отделена от убеждений и ценностей человека. Но является ли поедание мяса поведением, которое существует *независимо* от системы убеждений? Едим ли мы свинину, отказываясь при этом от

---

⁵ При этом миллиарды водоплавающих существ также убивают в США ежегодно, но в тексте я говорю только о наземных животных.

собачатины, не имея системы убеждений относительно употребления мяса животных?

В большинстве индустриальных стран мира мы едим мясо вовсе не потому, что нам приходится это делать; мы едим его, потому что так решаем. Нам не нужно мясо для выживания или для того, чтобы сохранить здоровье; миллионы здоровых вегетарианцев-долгожителей уже доказали верность этого утверждения. Мы едим мясо только потому, что мы всегда это делали, а также потому, что нам нравится его вкус. Большинство из нас ест животных просто потому, что так устроен мир.

Мы не видим в употреблении мяса того, что видим в вегетарианстве — выбора, основанного на комплексе предположений относительно животных, нашего мира и нас самих. Вместо этого мы видим в этом некую данность, «естественную» практику, порядок вещей, который всегда был и всегда будет. Мы едим животных, не задумываясь над тем, что мы делаем и почему, поскольку наша система убеждений, лежащая в основе этого поведения, незаметна. Эта невидимая система убеждений — как раз то, что я называю словом «карнизм».

Карнизм — это система убеждений, в рамках которой поедание животных определенных видов считается этичным и приемлемым. Карнисты — люди, которые едят мясо — не равнозначны плотоядным. Выживание плотоядных животных зависит от мяса. Карнистов нельзя назвать и всеядными. Всеядное животное, как человеческое, так и нечеловеческое, имеет физиологическую способность переваривать и мясо, и растительную пищу. Но, подобно «плотоядному», «всеядный» — это термин, характеризующий чье-либо биологическое строение, а не философские воззрения. Карнисты едят мясо не потому, что нуждаются в нем, а потому что выбрали такой тип питания, а выбор всегда проистекает из убеждений.

Незаметность карнизма служит причиной того, почему выбор вовсе не кажется выбором. Но почему карнизм так долго оставался незамеченным? Почему мы не дали ему название? Тому имеется очень хорошее объяснение. Карнизм — это определенный тип системы убеждений, идеология, чьей характерной особенностью является высокая устойчивость к критическому рассмотрению.

КАРНИЗМ, ИДЕОЛОГИЯ И СТАТУС-КВО

Если проблема невидима... то будет и этическая невидимость.
—Кэрол Дж. Адамс

*Все то, что не названо, что не описано в изображениях...
все то, что названо неверно, что сделано труднодоступным,
все то, что похоронено в памяти под завалом смыслов
благодаря неполноценному или лгущему языку —
все это станет не только невысказанным,
но и невыразимым.*
—Адриенна Рич

Идеология — это набор разделяемых человеком убеждений, а также практик, которые отражают данные убеждения. Например, феминизм — это идеология. Феминистки и феминисты — это женщины и мужчины,

которые считают, что женщины заслуживают того, чтобы с ними обращались, как с равными мужчинам. Феминистская идеология формирует основу феминистских убеждений и практик.

Распознать в феминизме идеологию несложно, как и понять, что вегетарианство — это не просто отказ от мяса. И «феминистка», и «вегетарианец» вызывают в памяти образы людей, имеющих определенные убеждения, отличающихся от окружающих.

А как насчет «всех остальных»? Как насчет большинства, обывателей, всех «нормальных» людей? Где берут начало их убеждения?

Мы имеем склонность рассматривать господствующий образ жизни в качестве отражения универсальных ценностей, тогда как то, что мы считаем нормальным, является ничем иным, как убеждениями и поведением большинства. Например, до научной революции основополагающее мнение в Европе гласило, что небо — это райские сферы, распростертые вокруг земли, а сама земля — величественный центр вселенной. Это убеждение было настолько закоренелым, что утверждать обратное, как это пытался делать Коперник, а позднее — Галилео Галилей, означало рисковать жизнью. Посему то, что мы называем мейнстримом — это всего лишь еще один способ описать идеологию, которая распространена настолько широко — настолько *укоренилась*, — что ее допущения и практики рассматриваются как здравый смысл. Это скорее факт, чем мнение. Это норма. Это то, как устроен мир. И именно поэтому карнизм до наших дней не получил имени.

Когда идеология укоренилась, она уже практически незаметна. Примером такой идеологии может послужить патриархат, идеология, согласно которой мужественность ценится выше, чем женственность, и под крылом которой, соответственно, мужчины обладают большей социальной силой, чем женщины. Рассмотрим, к примеру, какие из следующих качеств с большей вероятностью приведут человека к социальному и финансовому успеху в нашем обществе: упорство, пассивность, дух соперничества, готовность делиться, контроль, властность, рациональность, эмоциональность, независимость, зависимость, заботливость, уязвимость. Вероятнее всего, вы выберете сугубо мужские качества, не отдавая себе отчета в том, что ваше решение отражает патриархальные ценности; большинство из нас не рассматривает патриархат как идеологию, учащую нас мыслить в определенном ключе. Как мужчины, так и женщины просто принимают за данность, что лучше быть, скажем, более рациональными и менее эмоциональными, невзирая на то, что оба этих качества одинаково важны для нашего благоденствия.

Патриархат существовал уже тысячи лет к тому моменту, как феминистки нарекли его идеологией. То же самое произошло и с карнизмом. Любопытно, что идеология вегетарианства была объявлена более 2,5 тысяч лет назад; те, кто принял решение, воздерживаться от животной пищи, называли себя пифагорианцами, потому что они следовали философии питания древнегреческого философа — Пифагора. Много позднее, в XIX веке, было сформировано слово «вегетарианец». Но только сегодня, столетия спустя после того, как появилось обозначение для людей, которые ведут подобный образ жизни, получила свое название идеология мясоедения.

В определенном смысле вполне логично, что вегетарианство получило свое имя до карнизма. Всегда проще распознать идеологию,

которая выпадает из мейнстрима. Но существует и другая, более важная причина, по которой вегетарианство в признании идеологией обогнало карнизм. Главный способ основополагающих идеологий оставаться таковыми — это их незаметность. И главный способ оставаться незаметными — это оставаться неназванными. Если мы не даем чему-то имя, мы не можем об этом говорить, а если мы не можем об этом говорить, мы не можем поставить это под сомнение.

КАРНИЗМ, ИДЕОЛОГИЯ И НАСИЛИЕ

Безусловно, трудно, если вообще возможно, поставить под вопрос идеологию, о существовании которой мы даже не знаем, но еще сложнее, когда идеология старается скрываться. Это как раз случай таких идеологий, как карнизм. Я отношу идеологию этого типа к *насильственным идеологиям*, потому что она в буквальном смысле организована вокруг физического насилия. Иными словами, если бы мы изъяли насилие из системы — то есть, перестали бы убивать животных, — то система перестала бы существовать. Мясо невозможно производить без забоя.

Современный карнизм организован посредством широкомасштабного насилия. Такой уровень насилия необходим для убийства животных в количествах, достаточных для того, чтобы мясная индустрия получала прибыль в нужных объемах.

Насилие карнизма настолько велико, что большинство людей не желает быть его свидетелями, а те, кто решается на это, приходят в настоящее смятение. Когда я показываю фильм о производстве мяса студентам на занятиях, я принимаю определенные меры предосторожности, чтобы быть уверенной в безопасности психологической окружающей среды, которая позволяла бы подвергать студентов просмотру кадров, неминуемо приносящих им страдания.

Я лично работала с множеством зоозащитников, страдавших от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), полученного в результате продолжительного наблюдения за процессом забоя; их мучают навязчивые мысли, кошмары, непроизвольные рецидивирующие воспоминания, проблемы с концентрацией, тревожность, бессонница и целый ряд других симптомов.

За почти два десятилетия, в течении которых я рассказывала о производстве мяса в личной жизни и на занятиях, я не встретила ни единого человека, который не ежился бы при просмотре кадров со скотобойни. Люди, как правило, терпеть не могут смотреть на страдания животных.

Почему нам так неприятно смотреть на боль животных? Потому что мы сопереживаем другим чувствующим созданиям. Большинство из нас, даже те, кто не считает себя «любителями животных» в чистом виде, не желает, чтобы люди или животные страдали, особенно если речь идет о страданиях сильных и ненужных.

Именно по этой причине насильственные идеологии оснащены набором защитных механизмов, позволяющих гуманным людям поддерживать негуманные практики и даже не осознавать, что именно они делают.

НЕПРИРОЖДЕННЫЕ УБИЙЦЫ

Существует солидное количество данных, свидетельствующих о наличии по-видимому естественного отвращения людей к убийству. Большинство исследований в этом направлении были проведены военными; аналитики выяснили, что солдаты склонны намеренно стрелять над головой врага или не стрелять вообще.

Исследования, проводимые на полях сражений войны с Наполеоном и Гражданской войны в США, открывают шокирующую статистику. Принимая во внимание подготовку солдат, близость враждующих сторон и возможности вооружения, число убитых с каждой стороны должно было составлять свыше 50% и идти на сотни в минуту. Вместо этого, однако, коэффициент попаданий равнялся одному-двум в минуту. Аналогичный феномен был обнаружен в период Первой мировой войны: по словам британского лейтенанта Джорджа Рупелла, единственный способ, каким он мог заставить своих людей перестать стрелять в воздух, было достать саблю, идти по траншее и «бить их по спине и приказывать стрелять ниже». Коэффициент попаданий на Второй мировой войне тоже был поразительно мал: историк и бригадный генерал армии США С.Л.А. Маршалл сообщал, что в течение битвы коэффициент попаданий составлял 15-20%; иными словами, из каждой сотни мужчин, вовлеченных в стрельбу, лишь от 15 до 20 из них действительно использовали оружие по назначению. А во Вьетнаме на каждого убитого солдата противника приходилось более 50 тысяч выпущенных пуль.

Результаты этих исследований научили военных тому, что дабы заставить солдат стрелять на поражение, то есть активно участвовать в насилии, необходимо существенно снизить их восприимчивость к убийству. Иначе говоря, их нужно *научить не чувствовать* и не ощущать ответственность за свои действия. Они должны научиться превозмогать собственное сознание. Тем не менее, результаты этих исследований показывают, что даже перед лицом непосредственной опасности, в ситуациях запредельного насилия, большинству людей отвратительна идея убийства. Иными словами, как говорит Маршалл, «подавляющее большинство солдат на протяжении истории в момент истины, когда они могли и должны были убивать врага, проявляли себя как добросовестные уклонисты».

Как я уже упомянула в первой главе, главная защита системы — это ее незаметность. Мы уже разобрали, насколько незаметен карнизм социально и психологически. Но насильственные идеологии также зависят от физической незаметности; их насилие хорошо скрыто от детального изучения общественности. Вы никогда не задумывались над тем, как так вышло, что мы в нашей стране разводим, выращиваем и убиваем 10 миллиардов животных в год и при этом большинство из нас никогда не видело даже части процесса производства мяса?

Как только мы по-настоящему задумаемся над тем, что именно мы едим, как только осознаем, что в наших кулинарных вкусах присутствуют не только наши естественные, беспримесные предпочтения, тогда аргумент «просто потому что так устроен мир» перестанет быть достаточно вразумительным объяснением того, почему же мы все-таки едим свиней, а не собак. Давайте же посмотрим, как устроен мир на самом деле.

ГЛАВА 3. КАК НА САМОМ ДЕЛЕ УСТРОЕН МИР

*Сделайте ложь большой,
сделайте ее простой,
продолжайте ее повторять,
и в конечном счете в нее поверят.*
—Адольф Гитлер

Если вы принадлежите к большинству американцев, то мясо представляет собой основу вашего питания. Вероятно, вы едите мясо раз в день или чаще. Вспомните продукты, съеденные вами за прошедшую неделю.

Сколько вы съели блюд, содержащих курятину, говядину, свинину или индейку? Ели ли вы колбасу или сосиски на завтрак? Ростбиф или сэндвичи с индейкой на обед? Шаурму или жареную курицу на ужин? Сколько, по-вашему, мяса вы съели за эту неделю? За последний месяц? За год?

Министерство сельского хозяйства США подсчитало, что среднестатистический американец употребляет 40 кг курятины, 8 кг индейки, 30 кг говядины и 23 кг свинины в год. Прибавьте к этому полкило телятины и еще полкило ягнятины и получите конечную цифру: каждый из нас съедает 101 кг мяса ежегодно. Если учесть, что население США сейчас составляет 300 миллионов человек, выходит очень много мяса — и очень много животных.

Если быть точными, американский агропромышленный комплекс убивает по 10 миллиардов животных в год, и это не считая еще 10 миллиардов рыб и других морских животных. Это 19.011 животных в минуту, или 317 в секунду. За то время, что у вас ушло на прочтение этих трех абзацев, было убито около 60.000 животных.

Просто чтобы вы могли сделать соответствующие сопоставления, сообщу, что 10 миллиардов — это почти вдвое больше мирового населения людей. Это в 33 раза больше, чем население США, в 1250 раз больше, чем население Нью-Йорка, и в 2500 раз больше, чем население Лос-Анджелеса.

Другой способ представить себе это количество душ — мысленно разместить 10 миллиардов человек на футбольное поле; нам понадобилось бы 263.000 футбольных полей — что примерно равно площади Хьюстона. Или если бы 10 миллиардов человек выстроились в линию, линия протянулась бы на 3.200.000 километров. Это как четырежды добраться до луны и вернуться обратно. Это как 80 раз обогнуть окружность земли. И мы говорим здесь о числе животных, убитых за год; представьте себе число убитых за пять, десять, двадцать лет.

Несомненно, требуется очень много животных, чтобы производить мясо в тех количествах, в которых мы, как нация, его покупаем, продаем и потребляем. Мясо — это большой бизнес, очень большой бизнес: агропромышленный комплекс США получает ежегодный доход, достигающий \$125 миллиардов. Не забывайте про бесчисленные бакалейные лавки, рестораны, кафе и жилые дома, заваленные мясом. Мясо буквально всюду, куда бы мы ни посмотрели. Так где же все животные?

ГДЕ ОНИ?

Из тех десяти миллиардов животных, которых вырастили, транспортировали и убили за последний год, скольких вы видели? Если вы живете в городе, вероятно, ни одного. Но давайте предположим, что вы живете в сельской местности. Скольких коров вы видите пасущимися на лугу? Может, полсотни за раз, так? А куры и индюшки? Вы их вообще на воле видели? Как часто вы видите животных по телевизору, в журналах и газетах, в кинофильмах? Несмотря на то, что мы можем есть мясо ежедневно, мы можем прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись над тем, сколькие животные стали нашей пищей. *Где же они?*

подавляющее число животных, которых мы едим, это вовсе не «довольные буренки» и «счастливые наседки», резвящиеся на зеленых лугах и в открытых амбарах, как нас в этом пытается убедить агропромышленный комплекс. Они не спят в просторных вольерах на свежем сене. С момента своего рождения они содержатся в тесных клетках, где страдают от болезней, высоких и низких температур, большой скученности, жестокого обращения и даже психоза. Несмотря на превалирующие образы сельскохозяйственных животных, маленькие, семейные фермы уверенно уходят в прошлое; сегодня животных содержат в основном на огромных «промышленных фермах», где они томятся вплоть до поездки на бойню.

Как и любые другие крупные хозяйственные мощности, промышленные фермы (и скотобойни, с которыми они работают) существуют с единственной целью — производить продукт с минимальными затратами для получения максимальной прибыли. Проще говоря, чем больше животных убивают в минуту, тем больше на этом делается денег. В связи с этим промышленная ферма может вмещать сотни тысяч животных одновременно, животных, которые воспринимаются как хозяйственные единицы и благосостояние которых вторично после прибыли, которую приносят их тела. С точки зрения бизнеса, благосостояние животных — это *преграда* для прибыли, потому что куда дешевле производить животных в больших масштабах и сбрасывать со счетов тех, кто умирает преждевременно, нежели заботиться о них соответствующим образом. Вообще, подсчитано, что до 500 миллионов животных, которым уготовано стать едой, умирает, не достигнув скотобойни: эти возможные потери заранее вносятся в стоимость продукции. Именно подобные меры по сокращению расходов делают современное производство мяса одной из самых негуманных практик в человеческой истории.

НИЧЕГО НЕ ВИЖУ, НИЧЕГО НЕ СЛЫШУ, НИЧЕГО НЕ СКАЖУ

Лучший способ исказить реальность — это отрицать ее. Когда мы говорим себе, что проблемы не существует, тогда нам не приходится беспокоиться о том, чтобы как-то ее решить. А самый простой способ отрицать реальность — это сделать ее незаметной. Как мы уже говорили, незаметность — это оплот карнистской системы.

Во второй главе мы разобрали *символическую* незаметность системы. Символическая незаметность обеспечивается защитным механизмом под названием *избегание*, который является формой

отрицания. Мы избегаем правды, когда избегаем дать имя системе, которая, в свою очередь, преграждает наш путь к осознанию того, что *система* вообще существует. В этой главе мы разберем *практическую* незаметность карнизма. Этот разбор необходим для адекватной оценки механизмов и динамики карнизма. До тех пор, пока мы не информированы или дезинформированы, мы не можем понять реальность производства мяса и преодолеть карнистскую защиту.

Предприятия, производящие львиную долю мяса, попадающего на наши тарелки, в сущности, незаметны. Мы их не видим. Мы не видим их, потому что они располагаются в удаленных местностях, до которых большинство из нас не добирается. Мы не видим их, потому что у нас нет права доступа внутрь, даже если бы мы захотели туда попасть. Мы не видим их, потому что их грузовики, как правило, закрыты и не промаркированы. Мы не видим их, потому что, как пишет Эрик Шлоссер, автор, проводивший расследование и написавший по его итогам книгу «Нация фастфуда», «на фасадах их зданий нет окон, и никакие архитектурные улики не указывают на то, что происходит за этими стенами». Мы не видим их, потому что им так надо. Как и в случае с любой насильственной идеологией, простой народ должен быть огражден от непосредственных жертв системы, чтобы не начать сомневаться в системе и своей роли в ней. Эта правда говорит сама за себя: зачем еще мясной индустрии заходить так далеко в стремлении сохранить свои практики незамеченными?

ВХОД ЗАПРЕЩЕН

В 2007 году журналист Дэниел Цвердлинг решил написать статью об индустрии производства курятины для журнала *Gourmet*. Учитывая ответ, который он получил на запрос об экскурсии на соответствующие фабрики, можно было подумать, что Цвердлинг представился автором *Vegetarian Times*, а вовсе не известного издания карнистской кухни. По словам Цвердлинга, чья статья «Обзор убийства» был напечатан в июньском номере *Gourmet* того же года, «представители пяти крупнейших компаний отказались показать мне фермы, на которых их поставщики выращивают кур, которых вы едите, чтобы я не смог посмотреть, как с ними обращаются. Они отказались показать мне скотобойни, чтобы я не смог посмотреть, как с ними расправляются. Представители даже отказались говорить со мной тему того, как они выращивают и убивают кур». И опыт Цвердлинга не является чем-то из ряда вон выходящим.

Проблематично не только пробраться в цеха фасовки мяса: в целом ряде штатов противозаконно даже снимать на фото и видео такие «животные предприятия», как лаборатории, цирки и скотобойни. Более того, Закон о терроризме на животных предприятиях от 2006 года — документ, который жестко критиковался правозащитниками, как неконституционный — ставит *вне закона участие в деятельности, результатом которой становится экономический вред животным предприятиям.*

Поскольку СМИ не допускаются на «животные предприятия», большинство съемок на промышленных фермах и скотобойнях, которые достигают общественности, делается в рамках расследований под прикрытием. Так было, скажем, в случае с расследованием Общества

защиты животных США (HSUS), активисты которого задокументировали рабочих, которые тащили больных дойных коров с помощью цепей и толкали их электропогрузчиком — чтобы поскорее отправить на мясо для школьных кафетериев; это повлекло за собой отзыв крупнейшей партии говядины в истории страны.

СВИНКА, СВИНКА, НЕ МОЛЧИ

Как мы выяснили во второй главе, свиньи — умные, чувствительные животные; поросята уже в возрасте трех недель знают свои имена и отзываются на них. Вообще, результат исследования Государственного университета Пенсильвании показал, что свиней можно научить играть на компьютере; используя рыльца для контроля над джойстиком, они умудрялись бить по мишеням с 80%-ным попаданием. Кроме того, свиньи очень ласковы и социальны, они обожают общество людей и по этой причине вполне могут быть превосходными домашними питомцами. Несколько лет назад я посещала приют для спасенных сельскохозяйственных животных, и тамошние свиньи готовы были вечно наслаждаться тем, как я чешу им животы и за ухом.

В естественных условиях свиньи проходят по 50 километров в день и устанавливают друг с другом тесные связи. Они в состоянии отличать до тридцати других свиней в своей группе и с радостью общаются с теми из них, с кем они близки.

Будущие матери невероятно сознательны; они могут идти по 10 километров в поисках идеального места для родов, а потом проводить до десяти часов в его приготовлении для новорожденных. Когда поросята становятся готовы к тому, чтобы присоединиться к другим свиньям, они играют вместе и изучают этот мир в течение нескольких месяцев.

Большинство свиней, однако — свыше 100 миллионов — проводят всю свою жизнь в системе концентрированного содержания и никогда не оказываются на свежем воздухе до тех пор, пока их не запихают в грузовик, чтобы отвезти на бойню.

Вскоре после того, как поросята рождаются, их кастрируют и отрезают им хвосты — и то, и другое без анестезии. Фермеров учат отрезать хвосты кусачками, потому что их форма препятствует возникновению серьезных кровотечений. Отрезание хвостов — необходимая процедура при такой системе содержания, поскольку когда естественные нужды свиней подавляются, у них развивается невротическое поведение и в окружающей их тесноте они могут откусывать друг другу хвосты.

Эта психологическая реакция относится к одному из симптомов болезни, которая в индустрии именуется синдромом стресса у свиней (ССС), состояния, очень схожего с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) у людей. Другие симптомы включают механистичность, затрудненное дыхание, тревожность, угреватую кожу и иногда даже смерть.

Как и люди, переживающие одиночное заключение и другие тюремные пытки, свиньи начинают наносить себе раны и раз за разом повторяют монотонные бессмысленные действия, иногда тысячами раз в день; животные буквально сходят с ума.

СВИНЬИ И ЛЮДИ: ГЕНЕТИКА ТРАВМЫ

ПТСР и ССС объединяет одна генетическая основа: оба состояния передаются по наследству. Согласно результатам ряда исследований, генетическая предрасположенность вкупе с травматическим опытом увеличивает риск развития ПТСР; крупномасштабное изучение состояния двух близнецов-ветеранов войны во Вьетнаме, например, привело ученых к заключению, что «генетика играет большую роль в развитии ПТСР». Аналогичным образом Министерство сельского хозяйства, продовольствия и сельскохозяйственных дел Онтарио сообщает, что именно комбинация генетических факторов и стресса приводит к возникновению ССС.

Поросята, которые рождаются в неволе, имеют возможность кормиться материнским молоком всего две-три недели, и они делают это через прутья клетки, которые отделяют их от матери. Многие поросята умирают еще до того, как их отлучают от груди, из-за таких проблем, как голод и диарея. Иногда, когда поросенку удастся протиснуться в клетку к матери, чтобы удовлетворить свою инстинктивную потребность в тепле и близости, мать может случайно раздавить его. Независимо от причин смертность среди поросят неизбежна. В пересчете на число рабочих на фермах содержится слишком много животных, чтобы за всеми можно было уследить соответствующим образом; на типичной свиноводческой ферме 15 человек отвечают за 3600 свиноматок.

После отлучения от груди поросят помещают в переполненные загоньы или сараи на откорм. Эти помещения пронизаны ядовитыми газами от свиных экскрементов, а воздух наполнен пылью и злостью. Как свиньи, так и люди, работающие в свиноводческих хозяйствах, страдают от хронических заболеваний дыхательных путей, и большое число свиней умирает от легочных болезней.

Когда свиней пора отправлять на скотобойню, их запикивают в грузовики. Из соображений экономии грузовики набивают битком, и эта переполненность вместе с отсутствием пищи, воды и защиты от экстремальных температур на протяжении поездки приводит к высокой смертности; согласно специализированному изданию под названием «Национальный свиновод», «статистика смертности среди скончавшихся по пути свиней в стране за 2007 год составила 0,21%... По данным, полученным от 22 компаний, число неходячих свиней (классифицированных как переутомленных или раненых) к моменту попадания на консервный завод составило 0,37%». Гейл Айснитц, проводившая расследование под прикрытием на предприятиях животноводства, брала интервью у нескольких рабочих, и вот что она узнала о процессе транспортировки:

«Вы всегда будете терять свиней мертвыми в полуприцепе, чтобы вы ни делали... За то время, что я работаю в индустрии, я каждый день видел горы трупов... Когда их снимают с грузовика, они твердые, как куски льда... Однажды я пошел отрезать бензопилой сколько-нибудь свиней от груды из тридцати замороженных тел и обнаружил, что две из них были заморожены, но все еще живы... Я точно знаю, что они были живы, потому что они подняли головы, как бы говоря "Помоги мне!"... Я взял топор и зарубил их».

Свиньи, которые доживают до конца путешествия, помещаются в загон для предубойной выдержки скота. Когда приходит время, их пускают

по узкому проходу, или желобу, по которому они идут по одному в забойный цех. Животные, которые стоят ближе к окончанию желоба, слышат визги свиней, которые шли перед ними, а также крики людей, работающих на суетливой линии конвейера. Эрик Шлоссер описывает то, что он увидел на этой стадии своей экскурсии на бойню: «Звуки становятся все громче — заводские звуки, шум станков и машин, порывы сжатого воздуха... Мы идем по скользкой металлической лестнице и достигаем небольшой платформы, с которой начинается конвейер. Человек поворачивается и улыбается мне. Он надевает защитные очки и каску. Его лицо забрызгано мозгами и кровью».

Неудивительно, что многие свиньи не желают двигаться вперед. Как комментирует это один рабочий бойни, «когда свиньи чувствуют кровь, они отказываются идти дальше. Я видел, как свиней били, стегали, пинали в голову, чтобы заставить их двинуться к обездвиживающей клетке. Однажды ночью я увидел, что загонщик так разозлился на свинью, что сломал ей хребет доской. Я видел, как загонщики били токком свиней в зад, чтобы заставить их двигаться. Я это не одобрял, потому что от этого свиньи становились вдвое более бешеными к моменту, когда доходили до меня».

Предполагается, что сельскохозяйственные животные должны быть оглушены и оставаться без сознания прежде чем их убьют. Однако некоторые свиньи находятся в сознании, когда их подвешивают за ноги вниз головой, они пинаются и борются за жизнь по мере продвижения по конвейеру, пока им не перережут глотку. Ввиду высокой скорости, на которой производится оглушение, а также в связи с тем, что многие рабочие оказываются плохо подготовлены к забою, некоторые свиньи пребывают в сознании и на следующей стадии конвейера, когда их погружают в кипяток, чтобы отделить от тела щетину. Айснитц пишет о том, как рабочие оставляли визжащих свиней болтаться привязанными за ногу, уходя на обед, и о том, как тысячи свиней опускались в кипящую воду живьем и в полном сознании.

Другой рабочий, давший ей интервью, сказал: «Эти свиньи... соприкасаются с водой и начинают визжать и барахтаться. Иногда они бьются так сильно, что выплескивают воду из бака... Вращающаяся установка опускает их ниже. У них нет никаких шансов выбраться. Я не знаю, свариваются ли они насмерть до того, как захлебнутся, но прежде чем они перестают дергаться, уходит около двух минут».

Айснитц также выяснила, что рабочие, которые часами убивают или оглушают свиней каждые четыре секунды, подвергаются колоссальному стрессу, что проявляется в том числе во вспышках ужасного насилия по отношению к свиньям. Один рабочий описал подобный инцидент так: «Типа, однажды живые свиньи просто сводили меня с ума... Когда животные тебя бесят, даже если ты собираешься их убить... Ты не просто убиваешь свинью, а стараешься причинить ей как можно больше боли. Она смотрит на тебя, а ты выкалываешь ей ножом глаз. Она кричит. Однажды я отрезал свинье кончик носа, как кусок колбасы. На некоторое время она как будто сошла с ума. А затем села на пол и глупо смотрела перед собой. Я зачерпнул ладонью соляной раствор и брызнул этой свинье на нос. И тогда она действительно взбесилась. Я надел перчатки и засунул щепотку соли ей в зад. Бедная свинья не знала, что ей делать — то ли обделаться, то ли ослепнуть».

Свиноматки, которых используют в целях разведения, тоже заканчивают свои дни на скотобойне, но до этого они проводят большую часть своей жизни в тесных металлических клетках, которые именуются станками для свиноматок.⁶ Это клетки шириной 60 см, свиноматки в них не могут даже развернуться, а пол покрыт испражнениями и мочой. Животные страдают от целого ряда заболеваний, но самая болезненная — это инфекции мочевыводящих путей, которые становятся настолько серьезными, что могут привести к смерти. Эти инфекции возникают из-за того, что когда свиноматки лежат, они погружены в отходы, кишасшие бактериями, которые проделывают свой путь в их мочевыводящие пути. Свиноматку будут насильно осеменять каждые пять-шесть месяцев до тех пор, пока она не выйдет из детородного возраста, что ознаменует собой отправку на бойню.

«КТО ДАЕТ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТОТ И КОНТРОЛИРУЕТ ПОЛЕМИКУ»

Тиммоти Каммингз, ветеринар на птицефабриках и клинический профессор в Государственном университете Миссисипи, объяснил собравшейся аудитории производителей мяса домашней птицы, что пришло время вступить в схватку с активистами за права животных, которые знают толк в силе языка. «Кто дает определение, тот и контролирует полемику», — сказал он. Каммингз предложил заменить словосочетание «обрезка клюва» на «приведение клюва в соответствие», чтобы процесс ассоциировался скорее с процедурой в спа, чем с нанесением увечья. «Контрольный забойщик» (рабочий, отвечающий за то, чтобы добывать всех птиц, которые выживают после прохождения автоматического резака), по мнению Каммингза, теперь должен значиться как «оператор-ножевик», а термином «обескровленный» следует заменить «умерший от потери крови».

Представители индустрии уже давно информированы о том дискомфорте, который их покупатели испытывают, когда сталкиваются со словами, столь точно описывающими процесс превращения животных в мясо. Еще в 1922 году Техасская ассоциация заводчиков овец и коз предложила изменить слово «козлятина» на «шеvron», утверждая следующее: «Люди не едят рубленую корову или ногу овцы... “Говядина” звучит куда более аппетитно». А основатель Национальной ассоциации заводчиков рогатого скота предложил ее членам переименовать «забой» в «жатву», поскольку «люди негативно реагируют на слово “забой”».

В Великобритании тоже можно найти интересные примеры того, как агропромышленный комплекс использует язык для маскировки реальности получения мяса. Специализированное издание Meat Trades Journal советует своим читателям пользоваться словосочетаниями «мясной завод» и «мясная фабрика» вместо слова «скотобойня». А журнал British Meat выступил со следующим заявлением: «Традиционная

---

⁶ Станок для свиноматки признан настолько негуманным оборудованием, что запрещен в ряде стран. Евросоюз решил вывести такие станки из оборота к 2013 году, а вместе с ними Smithfield Foods и Maple Leaf Foods, крупнейшие производители свинины в США и Канаде, в 2007 году заявили, что начнут отказываться от них. К этому решению их подтолкнуло давление клиентов McDonald's и Burger King.

розничная торговля сфокусирована на продаже людям фрагментов животных и часто ассоциирует мясо со скотом. Но современного потребителя смущает эта связь... Возникла острая потребность в новой розничной философии. Мы больше не занимаемся продажей частей трупов. Мы должны заставить наших покупателей думать о том, что они едят, нежели о животных в поле».

ГДЕ ГОВЯДИНА?

Майкл Поллан проследил за жизнью одного бычка, бычка номер 534, чтобы написать свою книгу «Дилемма всеядного», бестселлер, раскрывающий правду о современных практиках пищевой промышленности. То, что обнаружил Поллан, следя за бычком от рождения и до смерти, переживает 35 миллионов представителей крупного рогатого скота в США ежегодно. Поллан пишет, что когда он наблюдал за стадом телят в загоне, «534 подскочил к ограде и посмотрел мне в глаза. Он был крепкого телосложения, его морда была окрашена пятнами... И мой выбор пал на него».

Неудивительно, что 534 с такой готовностью приблизился к Поллану. Жвачные животные общительны, эмоциональны и социальны. Они развили богатую речь и жестикуляцию для выражения своих чувств и в естественных условиях формируют крепкие дружеские отношения между собой. Жвачные животные по природе своей нежные и кроткие, основное время они проводят, поедая траву и жуя жвачку. Детеныши играют во всевозможные игры друг с другом, когда не сосут молоко матерей.

Жвачные животные, рожденные в неволе, не в состоянии удовлетворять многие из таких естественных инстинктов. Однако непродолжительное время по крайней мере часть их базовых потребностей удовлетворяется. В отличие от свиней и птиц, коров обыкновенно пускают погулять первые шесть месяцев со дня рождения, потому что получается дешевле платить независимым землевладельцам за использование их земель под пастбища для обеспечения этой части процесса. Поллан пишет: «Бычок номер 534 провел свои первые полгода на этих пышных пастбищах вместе со своей матерью, номером 9534... Если не считать травмы, полученной в ту апрельскую субботу, когда его заклеямили и кастрировали, можно сказать, что этот период был для номера 534 золотыми деньками».

Номер 534 родился в сарае для родов через дорогу от пастбища и, как и в случае со всеми телятами мужского пола, его кастрация, клеймение и удаление рогов (процедура, которую проводят во избежание застревания рогов в оградах и причинения вреда другим животным) проводились без анестезии.

Агрономы из Университета Теннесси объясняют преимущества различных методов кастрации телят. Стресс от проведенной процедуры, говорят они, может быть «минимизирован путем проведения этой процедуры, когда теленок еще мал и сексуально незрел». Один метод включает использование ножа для отрезания нижней части мошонки: «После того, как показываются яички, их необходимо схватить и вытянуть по одному, одновременно заправляя внутрь соединительную ткань, окружающую половой тяж... У молодых телят яичко можно захватить и

вытаскивать, пока половой тяж не порвется». Или рабочие могут повязать резиновую ленту на мошонку вокруг над яичками: «Это перекрывает кровоток, и мошонка вместе с яичками отпадают в течение примерно трех недель». Однако агрономы предупреждают: «Это наименее желательный метод кастрации ввиду повышенного риска возникновения столбняка. Этот метод рекомендуется применять только к телятам в возрасте менее месяца». Другой метод включает использование щипцов для бескровной кастрации, инструмента с тупыми лезвиями, который рвет половой тяж и перекрывает доступ крови: «Щипцы для бескровной кастрации остаются на месте в течение примерно минуты. Настоятельно рекомендуется применять щипцы дважды на каждом тяже. Повторите процедуру на обратной стороне мошонки... Если вы промахнулись мимо тяжа, повторите процедуру». И, наконец, агрономы упоминают о том, что «лучшие сезоны для кастрации — это весна и осень, когда мухи и личинки с наименьшей вероятностью вызовут раздражение и инфекцию в ране».

Узнав о подобных практиках кастрации, не удивляешься, почему Поллан пишет о травме, полученной номером 534 при проведении процедуры. Поллан утверждает, что второй раз номер 534 травмировали, когда отлучили от матери в возрасте шести месяцев: «Отлучение от матери — это, возможно, наиболее травматичный момент на ферме как для животных, так и для рабочих; коровы, разлученные со своими телятами, ревут целыми днями, а телята подавлены... они подвержены заболеваниям». Отлучение от матери считается сельскохозяйственными ветеринарами главным психологическим фактором, вызывающим стресс, и в связи с этим они рекомендуют предприятиям, на которых содержатся разлученные мать и теленок, принять строгие меры для того, чтобы теленок и корова больше не воссоединились. Естественный подсосный период для телят составляет от шести до двенадцати месяцев.

После отлучения от матери номер 534 был отправлен в загон для подготовки к откорму, чтобы привыкнуть к заключению, питанию из кормушки и потреблению неестественной пищи, состоящей из большого количества напичканной лекарствами кукурузы, а также белковых и жировых добавок. Задачей этого корма было увеличить его вес до 35-45 килограммов за 14 месяцев. Остаток жизни он провел в загоне для откорма скота — переполненном, грязном сарае, пол в котором был густо покрыт навозом, в окружении тысяч подобных ему бычков.

Когда приходит время забоя, коровы хотят идти в убойный зал ничуть не больше, чем свиньи. Их приходится пропихивать вперед, что еще сильнее угнетает и без того подавленных животных и рабочих. И хотя федеральным законом запрещено использование электрошока свыше 50 вольт, один сотрудник, с которым говорила Айснитц, прокомментировал: «Можно очень рассердиться, когда пытаешься продвинуть вперед рогатый скот... Иногда приходится бить их током очень много. Но некоторые заводилы [рабочие, которые следят за тем, чтобы животные двигались вперед] просто пропекают их насквозь к чертовой матери. Пять-шесть разрядов по металлическому желобу подряд на выходе дают добрые 110-вольт. Ток проходит через стальные решетки пола, и они плюются искрами, как сварочный аппарат. Некоторые заводилы бьют коров разрядами до такого состояния, что те впадают в такое кромешное безумие и панику, что вплоть до бокса для оглушения ты ничего не можешь с ними сделать...»

На линии конвейера коров оглушают, сковывают цепями, подвешивают, режут, потрошат и свежуют. Так же, как и в случае со свиньями, нехватка умелых рабочих и сумасшедшая скорость конвейера препятствуют надлежащему оглушению, и многие коровы отправляются дальше в сознании. Коровы в этом состоянии крайне опасны для рабочих, потому что когда животное весом около 450 килограммов дергается и трясется, оно может выпутаться из оков и рухнуть на кого-то из рабочих с высоты в 4,5 метра. Даже когда животное оглушают надлежащим образом, порой требуется множество раз ударить его током, чтобы оно потеряло сознание. Говорит другой сотрудник:

«Помню одного быка с очень длинными рогами. Я вырубал его дважды... Из головы полезла какая-то густая белая штука — мозги, наверное — и падала ему на окровавленную морду. Я отправил быка в цех для сковывания. Видимо, бык почувствовал, как его ногу сковывают, и встал так, словно ничего и не было. Он даже не шатался. Он рванул через заднюю дверь и помчался по Трассе 17, вообще не останавливаясь. Они выбежали, пристрелили его из ружья и затащили обратно с помощью трактора».

Шлоссер тоже стал свидетелем ненадлежащего оглушения: «Бычок выскальзывает из цепи, падает на землю, и его голова попадает в ленту конвейера. Конвейер останавливается, рабочие пытаются высвободить из механизма бычка, оглушенного, но живого. Я видел достаточно».

Поллана не пустили в убойный цех, поэтому он ожидал своего бычка в конечной точке путешествия. Там номер 534 предстал перед ним в виде коробки стейков. Уже больше даже не номер, 534 сократился до контейнера плотно уложенных продуктов, предназначенных для полок супермаркетов».

ОНИ УМИРАЮТ КУСОК ЗА КУСКОМ

В 2001 году Washington Post опубликовала статью Джоби Уоррика под названием «Они умирают кусок за куском». Уоррик объяснил, как происходит, что хотя рогатый скот и должен попадать в разделочный цех мертвым, зачастую это далеко от реальности. Рамон Морено, сотрудник скотобойни, двадцать лет проработавший «вторым забеловщиком» — срезая сухожилия с туш, которые мелькают одна за другой со скоростью 309 в час — описал Уоррику происходящее: «Они мигают. Они производят звуки. Головы двигаются, глаза широко раскрыты и шарят по сторонам». Но Морено все равно продолжает резать. В плохие дни, говорит он, дюжины таких животных попадают к нему явно живые и в полном сознании. Некоторые доживают до обрезки хвоста, до потрошения живота, до сдирания шкуры. «Они умирают, — говорит Морено, — кусок за куском»».

ПТИЧЬИ МОЗГИ? КУРЫ И ИНДЮШКИ

Во второй главе я привела кое-какие из наиболее частых предположений относительно свиней и разобрала, как эти предположения помогают нам их есть. Многие из нас чувствуют себя еще более отчужденными от кур и индюшек, по крайней мере, частично благодаря нашей закоренелой уверенности в том, что они настолько глупые, что даже

не могут осознавать, испытывают ли они боль. Однако птицы, вообще-то, очень умные животные; сегодня ученые признают, что они куда более умные, чем мы себе представляли когда-то. Куры и индюшки также достаточно социальны, что объясняет растущую моду на содержание их как домашних питомцев. Люди пишут, что такие птицы играют с ними, жаждут любви и ласки и даже скачут за собаками. Уже даже есть сайты, посвященные исключительно содержанию птиц, как членов семьи. Например, на сайте mypetchicken.com можно приобрести такую атрибутику, как Eglu, «курытник для городских цыпочек» с возможностью выбора цвета. Здесь же гордые компаньоны выкладывают фотографии своих крылатых питомцев всем на загляденье.

Тем не менее, в США мы убиваем ради мяса и яиц примерно 9 миллиардов птиц. Бройлерных кур и индюшек выращивают на мясо, и хотя в естественных условиях они живут до десяти лет, на промышленных фермах продолжительность их жизни составляет 7 и 16 недель соответственно, что, по сути, означает, что всякий раз, как мы едим мясо птицы, мы едим птенцов. Существенное сокращение продолжительности жизни связано с рационом из продуктов, содержащих так много лекарств, стимулирующих рост, что они вырастают до невероятных размеров с бешеной скоростью, как если бы человек весил 158 кг в возрасте двух лет. По этой причине птицы, выращиваемые на мясо, страдают от бесчисленных деформаций частей тела. Их ноги не в состоянии удерживать вес тела и поэтому зачастую искривлены или сломаны; птицы не могут много двигаться из-за хронических болей в суставах. А когда приходит время отправляться на забой и их втискивают в клетки, которые ставят одну на другую, они страдают от переломов или смещений крыльев, бедер и ног, а также от внутренних кровоизлияний.

Мясные птицы проводят свои дни в унылых сараях — «бройлерных домах», — которые могут вмещать до 50.000 птиц и быть столь переполненными, что в них с трудом удастся увидеть пол. В подобных условиях птицы не могут следовать своим природным инстинктам, как то поиск пищи или сидение на насесте, и у птиц развиваются психические расстройства, выражающиеся в аномальном поведении, как, например, выклевание перьев и каннибализм. Зачастую для предотвращения кровавых побоищ между птицами им удаляют переднюю часть клюва при помощи раскаленного железа при рождении, без анестезии. Эта процедура, именуемая в индустрии дебикировкой, нередко приводит к попаданию инфекции, росту неврологических опухолей или смерти, если птице не хватает остатка клюва, чтобы получать пищу и питье.

Птицы, пережившие бройлерный дом, отправляются на бойню. На птичьих бойнях, где скорость конвейера еще выше, чем на бойнях других мясных предприятий (здесь средняя скорость составляет 8400 животных в час), птиц швыряют на конвейер, на котором их хватают, иногда сразу по несколько, и подвешивают вниз головой в оковах. Несмотря на то, что Закон о гуманных методах забоя требует, чтобы другие животные находились без сознания до забоя, птиц это не касается, и их убивают без оглушения. Им перерезают глотки вручную или это делает специальная машина, после чего их опускают в кипяток, чтобы сошли перья. Многие птицы умирают от того, что свариваются живьем.

Активист Джош Болк работал под прикрытием на куриной бойне компании Perdue в 2004 году. Он записывал на видео и публиковал

результаты своего расследования, в особенности свидетельства беспрестанной агрессии сотрудников в отношении птиц. Он вел ежедневный дневник, и вот его фрагменты:

«Почти все птицы кричат и ведут себя агрессивно с момента попадания на конвейер. Вопли птиц и лихорадочные размахивания крыльями настолько громки, что для донесения информации до сотрудника, стоящего рядом с тобой, необходимо орать... Я видел, как сотрудник пнул птицу на полу, и постоянно вижу, как птиц швыряют по помещению. Когда один рабочий говорил об американском футболе, он “пульнул” курицу на ленту конвейера, делая вид, что выбил тачдаун... Я видел, как полсотни птиц кидали из транспортных клеток на ленту конвейера с расстояния примерно в 2,5 метра. Они выпадали из клеток всем скопом, поэтому валились друг на друга. Сильный крик стоял на протяжении всего процесса. Я смотрел на конвейер и отчетливо видел кур со сломанными ногами и крыльями, их конечности, торчащие под неправильными углами... Я заметил, что бригадир на нашей линии сегодня как-то особенно враждебно настроен по отношению к птицам, что он даже выкрикивает в их адрес ругательства, когда кидает на ленту... Во время одного перерыва рабочий продолжал бить курицу по морде, пока конвейер не двинулся снова... В зале для подвешивания было столько мертвых птиц на полу, что сложно было идти, не наступая на их тела».

Как и в случае с другими видами, предназначенными для нашего употребления, эти девять миллиардов жизней и смертей в год скрыты от американской общественности. Как прокомментировал это Болк, «побывать там самому, услышать эти крики и понюхать смрад смерти, висящий в воздухе — это то, что большинство людей никогда бы не согласилось проделать».

МОГУТ ЛИ ОНИ СТРАДАТЬ?

Призывая к гуманному обращению с животными, философ XVII века Джереми Бентам утверждал: «Вопрос заключается не в том, могут ли они думать и не в том, могут ли говорить, а в том, могут ли они страдать». Вопрос о чувствительности — способности ощущать удовольствие или боль — всегда был в центре споров, окружавших права человека и животных.

Исторически сложилось так, что социально уязвимые группы населения считались куда более устойчивыми к болевым ощущениям. Это предположение использовалось для оправдания их страданий. Например, ученые XV века прибавляли лапы собак гвоздями к доскам, разрезали их и экспериментировали на них, пока те находились в полном сознании, и воспринимали вопли, которые те издавали, как чисто механическую реакцию — почти то же самое, что часы, которые звонят, когда приходит нужное время. Аналогичным образом вплоть до 1980-х американские врачи делали детям полостные операции без болеутоляющих и анестезии; крики детей объяснялись инстинктивными реакциями. И благодаря тому, что африканцев считали менее чувствительными к боли, чем белых, оправдывать существование жестокой практики рабства было проще.

Поскольку восприятие боли субъективно, легко спорить о степени страданий другого человека. Иными словами, поскольку мы находимся вне тела другого человека, мы можем лишь гадать о том, что он(а) чувствует —

и если бы мы были лично заинтересованы в признании того, что он(а) не чувствует боли, нам было бы очень легко в это поверить. Наши предположения проистекают из наших убеждений, и те же самые системы убеждений, которые позволяют нам причинять окружающим страдания, активно работают над тем, чтобы поддерживать свое существование. Поэтому неудивительно, что мы не идем по пути осмотрительности и здравого смысла, когда дело касается карнистских практик, причиняющих животным боль. Взять хотя бы широкораспространенное предположение о том, что это инстинкт заставляет лобстеров карабкаться к спасению из кастрюли с кипятком, в которой они варятся живьем. Несмотря на то, что у нас нет никаких причин считать, что они *не* ощущают боль, и единственно логичным было бы предположить, что они пытаются выбраться из кипящей воды, потому что им больно, не говоря уже о том, что инстинкт и чувствительность вполне могут и часто сосуществуют (одно не исключает другое), большинство людей уверены в обратном.

Объективное исследование — это единственный способ побороть наше субъективное восприятие чувств других существ. Исследователи продемонстрировали, например, что проводящие пути нервной системы у новорожденных развиты достаточно, чтобы дети могли чувствовать боль, и после этого новорожденным больше уже не отказывали в анестезии. Ученые также представили весомые доказательства того, что ракообразные действительно могут ощущать боль; в связи с этим некоторые муниципалитеты запретили заживо варить их, а Whole Foods Market, крупнейший в мире розничный продавец органической и натуральной еды, больше не торгует живыми лобстерами и крабами на основании того, что их содержание и продажа негуманны.

И невзирая на все заявления представителей промышленного птицеводства о том, что люди на самом деле не могут знать, что именно чувствуют куры, существует информация, которая уверенно подтверждает тот факт, что птицы не только страдают, но и активно ищут способы уменьшить свои страдания. Например, в рамках одного исследования ученые взяли группу из 120 бройлерных кур, половина которых были искалечены, и предложили им два типа корма: обычный корм и корм, содержащий противовоспалительное обезболивающее. Исколеченные куры употребляли лекарственного корма на 50% больше, чем делали обычные, и в связи с этим начали лучше ходить. Другое похожее исследование показало, что чем серьезнее увечье курицы, тем больше болеутоляющего она употребляет. Таким образом ученые установили, что эти животные склонны к самолечению, что они могут и чувствуют боль.

ЯЙЦО К ЯЙЦУ: КУРЫ-НАСЕДКИ

Есть определенная ирония в том, что столь большую часть картинок «милых» животных, которыми мы любуемся — на календарях, открытках, плакатах — содержат портреты новорожденных цыплят, в то время как каждый год миллионы таких же птенцов подвергаются вещам, которые большинство из нас и представить себе не могло.

Куры-наседки — это птицы, предназначенные для производства яиц. Они рождаются в промышленных инкубаторах. Птенцы мужского пола экономически убыточны, поэтому от них избавляются вскоре после рождения. Их либо кидают в большую мясорубку, которая перемалывает

их живьем, либо травят газом, либо выбрасывают в мусорные контейнеры, где они умирают от удушья и обезвоживания. Самок запикивают в клетки батарейной системы содержания, представляющие собой проволочные клетки размером с альбомный лист, вмещающие в среднем по шесть птиц.

Куры проводят в этих клетках всю жизнь. Они едят, спят и испражняются, не двигаясь, потому что места не хватает даже для того, чтобы они могли расправить крылья. Поскольку днища клеток проволочные, испражнения проваливаются через отверстия вниз на других куриц. Лапы куриц часто застревают или запутываются в отверстиях в полу клеток. Проволока по бокам и по верху клетки отскабливает перья, вызывая повреждения. Некоторые куры от нервов растирают себе грудь об проволоку, пока не сдирают все перья и не начинают кровоточить. Батарейная система содержания признана настолько жестокой, что ее уже запретили во многих странах, включая государства Евросоюза, что не мешает ей широко использоваться повсеместно в США.

Поскольку посредством генетических манипуляций кур заставляют откладывать в десять раз больше яиц, чем это делали естественным образом их предки, их кости становятся очень хрупкими и часто ломаются, поскольку кальций диспропорционально выводится из их скелетов для формирования яиц. Другое последствие этой искусственной селекции, направленной на противоестественное увеличение яйценоскости — это выпадение матки. Когда яйцо застревает у стенки матки, оно может заодно вытолкнуть ее. Если матку не затолкнуть обратно внутрь тела, другие куры будут клевать ее, пока наседка не истечет кровью до смерти или не умрет от инфекции; в любом из этих случаев через два дня курицы не станет.

Когда куры уже не могут давать яйца, принося фермеру прибыль, их достают из клеток, иногда сразу по несколько, и их конечности, ослабленные и запутавшиеся в проволоке, часто рвутся. Курицы возрастом немногим больше года отправляются на бойню.

СМЕРТЬ В САДОВОМ ИЗМЕЛЬЧИТЕЛЕ: ГУМАННО ИЛИ БЕЗУМНО?

В 2003 году Los Angeles Times сообщила о том, что рабочие яичной фермы в Сан-Дьего «швыряли дергающихся птиц в садовый измельчитель, потом смешивали останки с грязью и складывали целые горы». Согласно Times, ветеринар Грегг Катлер из комитета по защите животных Американской ассоциации ветеринаров, дал разрешение на проведение процедуры. В предверии инцидента Катлер пришел на собрание птицеводов, где обсуждался вопрос о том, что делать с курами в связи со вспышкой эпидемии Болезни Ньюкасла, вирусной инфекции у птиц. Катлер заявил в интервью газете, что «не было никаких слишком безумных идей. Мы в отчаянии пытались справиться с этим заболеванием».

Однако те 30.000 кур, которых скормили садовому измельчителю в Сан-Дьего, не были инфицированы Болезнью Ньюкасла; они попросту перестали давать яйца. Тем не менее, по словам одного из птицеводов, Катлер и другие ветеринары одобрили процедуру и назвали ее гуманной. Против Катлера не были выдвинуты никакие обвинения, и хотя прокуратура района Сан-Дьего инициировала расследование в поисках

фактов жестокости к животным, она пришла к заключению, что сведения о криминальных намерениях фермеров отсутствуют, что они лишь «следовали совету профессионала».

МОЛОКО ЕСТЬ? ДОЙНЫЕ КОРОВЫ

Поскольку получать молоко можно, не причиняя вреда корове, большинство людей предполагает, что молочные продукты не несут в себе жестокости и натуральны. «Натуральны» здесь ключевое слово, поскольку, как и любой другой массово производимый продукт животного происхождения, к промышленно производимому молоку меньше всего подходит слово «натуральный».

Большинство коров в США проводят свою жизнь на молочных заводах, где они либо прикованы за шею и содержатся в узких стойлах в сараях, либо живут под открытым небом в тесных, переполненных загонах для откорма скота. В этих загонах коровы едят с конвейерной ленты вдоль ограды, а стоят на бетонном полу, покрытом мочой и навозом.

Дойным коровам делают уколы генетически модифицированных гормонов, их искусственно осеменяют каждый год, чтобы максимизировать выработку молока. На большинстве молочных заводов в стране коров доят специальные машины по десять месяцев в году, включая те семь месяцев, когда коровы беременны.

Этот процесс непрерывного осеменения и лактации изнуряет тела животных настолько, что у коров развиваются хромота и мастит, инфекция и подчас обильное воспаление вымени. Организм дойной коровы настолько изношен, что ее нормальный процесс метаболизма не справляется с физической производительностью тела, поэтому ее естественный, травоядный тип питания поддерживается злаками и высокобелковым кормом, состоящим из мяса и костной муки.

Несмотря на все масштабы физического стресса, который переживают коровы, наибольшие страдания, возможно, они переживают каждый год после того, как рожают телят. Их детеныши мужского пола идут на телятину, а самки становятся такими же дойными коровами.

Как я упоминала ранее, коровы очень привязаны к своим детенышам, о которых в естественных условиях они заботятся до года их жизни. На молочных заводах, однако, телят отнимают от коров уже через несколько часов после рождения, чтобы коровье молоко могли забрать люди.

Очень часто корова истерически ревет, когда у нее забирают теленка. Нередко корову уводят в другую часть предприятия для доения, и теленка забирают в ее отсутствие. Как и женщины, коровы впадают в панику и отчаяние, когда не могут найти своего ребенка. Они режут целыми днями, неистово пытаясь отыскать теленка и иногда даже становятся агрессивными, колотя и пиная рабочих. Бывали даже случаи, когда коровы сбегали с заводов и проходили много километров в поисках своих телят на других фермах.

Невзирая на то, что средняя продолжительность жизни коровы составляет примерно двадцать лет, после четырех лет на молочном заводе они считаются нерентабельными и отправляются на бойню. Существенная часть говядины в США производится именно из дойных коров.

ДЕТИ ВО РТУ: ТЕЛЯТИНА

Большинство людей обожает малышей, и представителей жвачных животных это тоже касается. Многих трогает вид новорожденного теленка, начинающего познавать этот мир, они питают умиление к его невинности, хрупкости и уязвимости. Вообще, телята на шатающихся ногах — завсегда в детских книжках. А теперь представьте себе шок американцев, когда они узнают об участии примерно миллиона телят в год, становящихся нежеланными побочными продуктами молочной индустрии. На самом деле, не будь молочной индустрии, не было бы и индустрии производства телятины.

Поскольку новорожденные самцы бесполезны для молочных ферм, от них избавляются. Спустя дни или даже часы после рождения телят сажают в грузовики, и некоторых из них даже приходится тащить, потому что они даже не могут сами идти. Их продают на аукционах, где продавцы телятины платят за них всего-навсего около \$50. И поскольку они буквально новорожденные, у них зачастую еще мокрая шкура от пребывания во чреве матери и торчащая из живота пуповина.

На всем протяжении их короткой жизни — некоторых убивают в течение нескольких дней, но большинство живет от 16 до 18 недель — они прикованы за шею в стойле, столь узком, что они не могут ни повернуться, ни нормально лечь. А для того, чтобы сохранить бледный цвет их мяса, которым так славится телятина, животных специально кормят неестественной для них пищей с низким содержанием железа, поэтому они все время находятся в хроническом состоянии, граничащем с анемией. Эти телята проводят свою жизнь в болезнях и тесноте, поэтому неудивительно, что у них развиваются некоторые из все тех же невротических реакций, что и у других животных, переживающих сильный стресс: аномальное покачивание головой, монотонное почесывание, битье и жевание.

Забой телят ничем не отличается от забоя других животных; их должны оглушать, прежде чем подвешивать, но и здесь методика дает сбой. Рабочий, у которого взяла интервью Айснитц, описывает часть процесса: «Утром телята вызвали большую задержку... Чтобы поскорее с ними управиться, мы стали заводить сразу по восемь или девять из них в забойный цех. Как только они начинали заходить, мы принимались бить их током, телята скакали и взбирались один на другого. И ты не знаешь, каких удалось оглушить, а каких вообще не трогали, и забываешь про тех, кто внизу. Мы все равно подвешивали их и пускали дальше по линии, извивающихся и вопящих. Совсем еще малыши — две-три недели от роду — мне было жалко их убивать, я просто смотрел, как они отправляются дальше».

Похоже, это та самая точка, где насилие карнизма настолько велико, что пробивается даже самая мощная защита системы.

МОРЕПРОДУКТЫ ИЛИ МОРСКАЯ ЖИЗНЬ? РЫБЫ И ДРУГИЕ ОБИТАТЕЛИ МОРЯ

Многие из нас чувствуют себя настолько отстраненными от рыб и других часто употребляемых морских созданий, что мы даже не считаем плоть рыбы мясом. В качестве примера, когда карнист узнает, что кто-то —

вегетарианец, зачастую он задает вопрос: «А, то есть ты ешь только рыбу?» Мы имеем склонность не воспринимать плоть жителей моря в качестве мяса, потому что, хотя мы и знаем, что они не растения и не минералы, мы не думаем о них, как о животных. И, в продолжение логики, мы не считаем их чувствительными созданиями, имеющими жизнь, которой они дорожат. Мы воспринимаем их как аномальные растения, выдергивая их из океана так же легко, как мы выдергиваем ягоды с куста.

Но действительно ли морские животные такие безмозглые, бесчувственные организмы, как о них думают многие из нас? Даже не говоря о многочисленных нейробиологах, зоопсихологах и других ученых по всему миру, существует солидный ряд исследований, результаты которых демонстрируют, что рыбы и другие морские обитатели располагают и разумом, и способностью чувствовать боль. Например, в рамках одного такого исследования ученые доказали, что рыбы не только не забывают то, что случилось с ними несколько мгновений назад, но и помнят о событиях трехмесячной давности. Более того, оксфордский ученый Тереза Берт де Перера выяснила, что рыбы могут развивать «когнитивные карты» относительно того, что их окружает, что позволяет им запоминать изменения в обстановке и прокладывать надлежащий курс — задача, которая не под силу когнитивной способности хомяков. В связи с подобными открытиями в городе Монза в Италии теперь запрещено держать золотых рыбок в маленьких аквариумах. А лобстеры, продолжительность жизни некоторых видов из которых превышает человеческую, располагают 400 типов химических рецепторов на их усиках, которые, согласно доктору Джелл Атеме из Морской биологической лаборатории в Массачусеттсе, позволяет им определять пол, биологический вид и даже настроение другого животного.

Ранее в этой главе указала на то, что ученые продемонстрировали доказательства чувствительности некоторых ракообразных, как оправдание защите этих видов. Точно так же потрясает информация о чувствительности к боли других морских животных. Например, ученые установили, что рыбы располагают набором болевых рецепторов в разных частях тела и излучают нейросигналы, которые работают как болеутоляющие, во многом как это делают эндорфины у людей. В одном исследовании ученые из Института Рослина и Университета Эдинбурга сделали уколы болезненного кислотного вещества в губы одной группе рыб, и соляного раствора — другой группе. Рыбы из первой группы демонстрировали резкие движения, «потрясающе схожие с движениями подверженных стрессу приматов». Более того, животные явно страдали: они терлись губами о гравий в своем баке и об его стены и не возобновляли прием пищи втрое дольше, чем контрольная группа. Это исследование вызвало дебаты относительно этичности развлекательной рыбалки, в рамках которых зоозащитники настаивали на том, что протыкать рыбам рты ради веселья — это проявление жестокости к животным.

Другое исследование помогло выяснить, что морские животные переживают посттравматическую реакцию на боль. В эпохальном исследовании ученые из Университета Пюрдью и Норвежской школы ветеринарной науки прикрепили нагревательные приборы к двум группам рыб и ввели одной группе морфин. Они повысили температуру в нагревателях, чтобы пронаблюдать реакцию рыб. Исследователи

предполагали, что морфин поможет рыбам выдерживать более высокую температуру. В итоге рыбы из обеих групп дергались одинаково при одной и той же температуре, что привело исследователей к заключению о том, что конвульсии служат не свидетельством ощущения боли, а рефлексивной реакцией. Однако когда рыб вернули обратно в баки, представители группы, не получившей морфин, демонстрировали защитное поведение, выражали тревожность и настороженность. Ученые пришли к выводу, что у рыб проявилась посттравматическая реакция на боль: «Они трансформировали эту боль в страх, как это делаем мы».

Тем не менее, 10 миллиардов морских обитателей убивают в год в США. Существует два метода отлова, выращивания и убийства этих животных: либо путем промышленного рыболовства, либо через аквакультуру, то есть разведение морских обитателей в естественных и искусственных водоемах. Оба эти метода приносят сильные страдания животным и существенный вред окружающей среде.

Промышленное рыболовство ответственно не только за истребление 70% видов рыб в мире, но и за серьезный урон, наносимый другим обитателям океана. Один способ ловли рыбы включает волочение длинных сетей под водой. Эти сети приносят большой «побочный улов» — пойманных животных, которых ловить никто не собирался. Подсчитано, что каждый год свыше 30 миллионов тонн жителей моря, включая птиц, черепах, дельфинов и нежеланной рыбы выбрасывается обратно в океан, мертвыми или умирающими. Сети, брошенные в море, продолжают ловить в капкан морских птиц и других животных, случайно в них попадающих. Некоторые рыболовные компании применяют динамит и цианид вместо сетей, и такие методы могут уничтожать целые экосистемы. Промышленное рыболовство представляет такую угрозу для морского биоразнообразия, что его называют «подводной вырубкой».

Некоторые люди решают есть только выращенных на фермах рыб, чтобы не наносить ущерб биоразнообразию океана. Однако большая часть пищи, которую получают рыбы на фермах, поступает из моря. Известно, что на каждый килограмм рыбы с фермы требуется пять килограммов морских обитателей. Такие рыбы растут на фермах, которые представляют собой водные предприятия интенсивного сельского хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Они могут находиться как на земле, в контролируемых, крытых комплексах, так и располагаться на воде, рядом с берегом. Водная ферма любого из этих типов содержит десятки тысяч рыб и других морских животных, теснящихся в затонах, кишацих паразитами и болезнями. Чтобы держать под контролем вопросы здоровья, увеличивать рост и совершенствовать репродуктивные функции, животным дают антибиотики, пестициды и гормоны. Некоторые из этих животных генетически модифицированы. Химикаты остаются не только в окружающей среде, но и в организмах животных, после чего попадают в пищеварительную систему человека, который их ест. Нередко рыбам удается спастись из затонов на морской основе, и тогда они могут распространить заболевание или посредством размножения испортить целый генофонд.

Рыб убивают целым рядом способов. Промышленные рыболовы оставляют весь улов задыхаться на палубе. Рыб на фермах, как правило, извлекают из затонов с помощью насоса и сбрасывают в забойный цех. Здесь применяются различные практики убийства, включая электрошок,

который приводит к летальным эпилептическим припадкам; ударное оглушение, когда по голове рыбе бьют дубиной; замораживание живьем, когда животных просто оставляют во льду; удушье; или закалывание, когда острие втыкают животному в мозг.

Несмотря на все насилие, вовлеченное в процесс производства так называемых морепродуктов, многих людей не слишком волнует зрелище по крайней мере какой-то части этих процедур. То есть первоочередная защита карнистской системы — незаметность — играет меньшую роль, когда речь идет о морских обитателях; большинство людей могут выносить вид забоя рыбы без получения травмы, какую получили бы, посмотрев на забой свиней. Вероятно, поскольку жители моря так фундаментально отличаются своим видом от людей, кажутся такими чужими, мы чувствуем себя существенно отстраненными от них, поэтому их страдания остаются невидимыми для нас, даже когда они происходят у нас на глазах.

НА ПОРОГЕ СМЕРТИ: НЕХОДЯЧИЕ ЖИВОТНЫЕ

Неходячие животные — это наземные животные, которые слишком больны или ранены, чтобы стоять или ходить самостоятельно. Их нередко пренебрежительно просто оставляют умирать на скотных дворах и аукционах. Задokumentированы случаи, когда еще живых животных бросали на горы мертвых сородичей, которые могли состоять из десятков трупов. Неходячих животных, которых не хотят бросать умирать, тащат с помощью крюков или цепей или везут в ковше бульдозера, в процессе чего еще больше травмируют как правило искалеченных животных. (В 2004 году, когда были зафиксированы случаи коровьего бешенства в США, Минсельхоз запретил практику скармливания людям некоторых, хоть и не всех, неходячих животных. А в 2009 году президент Обама объявил о том, что министерство запретит использовать любых неходячих животных в производстве пищи для людей).

В насильственных идеологиях незаметно не только само насилие, но и его побочные эффекты. Где же все «останки» производства мяса? Где бесчисленные горы неходячих животных, вплоть до 500 миллионов тел, которые кидают одно на другое и оставляют умирать?

«ЭТА ОТКРОВЕННАЯ... ПЫТКА ДОЛЖНА ПРЕКРАТИТЬСЯ,
И ТОЛЬКО ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК МЫ, МОГУТ ПОМОЧЬ»

В Южной Корее каждый год убивают миллионы собак ради их мяса. И пусть правительство официально не санкционирует торговлю собачатиной, оно эту торговлю и не запрещает. В данный момент закон о легализации этого рынка проходит рассмотрение, что позволит классифицировать собак, как скот, и приведет к бурному росту индустрии.

В 2002 году Telegraph опубликовала статью, повествующую о жизни и смерти собак, выращиваемых на мясо: «Вонь и визги, исходящие от клеток, заставляют содержимое желудка проситься наружу, но Ли Ва Джин с довольным видом шлепает похлебку с собачьим мясом на белые пластиковые тарелки в его ресторане, расположенном на известном ночном рынке Моран в Сеуле. В закутке между магазинчиками восьмимесячные щенки — считается, что это оптимальный возраст для

кулинарии — упиханы в крошечные клетки, стиснутые в ряды по три-четыре высотой. Посетители смотрят на живых животных и выбирают, каких они хотели бы отведать. Затем собаку забирают на задний двор магазина, вид на который скрывает вращающаяся дверь, но она не может скрыть все звуки происходящего там убийства... Прежде чем оказаться в безжалостном ряду из клеток большинство собак должны вынести муки корейской собачьей фермы, скрытой в холмистой сельской местности. Нет ничего необычного в том, чтобы в одной клетке росло по 10 щенков, покрытых язвами и вшами... Умерщвление собак так же негуманно, как и их разведение. Большинство из них забивают до смерти, поскольку в Южной Корее считается, что выброс адреналина укрепляет половую активность мужчин. Убитых, или почти убитых собак кидают в кипяток, свежуют и вешают за челюсть на металлический крюк. Затем многие повара используют паяльную лампу, чтобы придать трупам румянец».

Южнокорейская торговля собачатиной сталкивается с агрессивными протестами зоозащитных групп и иностранцев — многие из которых употребляют мясо свиней, кур и коров. Ли Вон Бок, президент Корейской ассоциации защиты животных, говорит: «Жутко представить себе мясо собак на витрине рядом с говядиной и ветчиной в супермаркете». Ошеломленные блоггеры из Американского общества против жестокого обращения с животными (ASPCA) разделяют его негодование. Как и Вон Бок, блоггеры озвучивают то, что чувствуют многие западные люди, узнающие о жестокости к собакам и кошкам:

«Вменяемые люди просто не могут заставить себя бороться с этой проблемой из-за настоящего и глубочайшего ужаса, с которым им придется столкнуться, узнавая про то, через что проходят кошки и собаки, выращиваемые на дальнем востоке ради мяса или меха. Миллионы кошек и собак свежуют заживо, варят в кипятке заживо, некоторых даже заживо свежуют, а ПОТОМ варят в кипятке. Дальний восток ответственен за самую худшую, самую откровенную жестокость к животным, какую видела эта планета и какая практикуется в огромных масштабах... Большинство людей видит и слышит только то, что хочет, потому что это происходит не здесь в США, люди стараются это игнорировать, но это никуда не исчезнет только потому, что это происходит за семью морями. Люди должны достать свои головы из песка и вступить за этих животных. Для собак, которых выращивают, чтобы съесть, их жизнь, даже если ее можно назвать жизнью, это сплошная мука... Собаки — это либо дикие животные, либо скот. Люди всего мира должны начать действовать сейчас. Спасите собак в Корее. Мы верим, что вы можете это сделать... Я видел жестокость по всему миру, но дальний восток поистине шокирует своим отношением к животным. Почему это так? Моя теория заключается в том, что они знают, что на просвещенном западе собак и кошек уважают, которого они заслуживают, и отсталые общества востока просто не хотят идти в ногу со временем. Подозреваю, что большинство людей глубоко невежественны по части ситуации на Дальнем востоке и, откровенно говоря, их нельзя в этом винить, ведь, в конце концов, сколько вменяемые люди хотя бы вообразят себе, что животных могут подвергнуть столь бессмысленной, взвешенной жестокости. Приличные люди повсеместно должны противостоять этому явлению, даже несмотря на то, что от этого им будут сниться кошмары... Эта откровенная, сатанинская,

дьявольская пытка должна прекратиться, и только такие люди, как мы, могут помочь».

ЕСЛИ БЫ У СКОТОБОЕН БЫЛИ ПРОЗРАЧНЫЕ СТЕНЫ

Сэр Пол Маккартни однажды заявил, что если бы у скотобоен были прозрачные стены, все бы стали вегетарианцами. Он имел в виду, что если бы мы знали правду о производстве мяса, мы бы больше не смогли есть животных. Тем не менее, на каком-то уровне мы и так знаем правду. Мы знаем, что производство мяса — это грязный бизнес, просто стараемся не углубляться в познания о том, насколько именно он грязен. Мы знаем, что мясо берется от животных, но решаем не связывать одно с другим. И зачастую мы едим животных и решаем не знать, что вообще делаем выбор. Насильственные идеологии структурированы таким образом, что мы не просто возможно, а неизбежно осведомлены о неприятной правде на одном уровне и при этом забываем о ней на другом. Феномен *знания без знания* — общий для всех насильственных идеологий. И в нем заключена основа карнизма.

Насильственным идеологиям присущ негласный договор между производителем и потребителем, условия которого для потребителя гласят: ничего не вижу, ничего не слышу и ничего не скажу. Разумеется, интенсивное животноводство прикладывает немалые усилия, чтобы защитить свои секреты. Но мы упрощаем им работу. Они говорят нам не смотреть, и мы отворачиваемся. Они рассказывают нам о миллиардах животных, пасущихся на зеленых лугах, и хотя мы их никогда не видим, мы не подвергаем эти слова сомнению. Мы упрощаем им работу, потому что на каком-то уровне большинство из нас не желает знать, как обстоят дела на самом деле. Но в то же время мы жаждем и заслуживаем свободы принимать осознанные решения, быть вольными мыслителями и активными потребителями. Подобная свобода очевидно невозможна, если мы не осведомлены в первую очередь о том, что мы делаем выбор. Когда незаметная идеология управляет нашими убеждениями и поведением, мы становимся жертвами системы, укравшей нашу свободу мыслить самостоятельно и действовать соответствующим образом.

Когда мы узнаем, как в действительности обстоят дела — когда открываем для себя скрытые внутренние механизмы системы — тогда, и только тогда мы оказываемся в положении, которое позволяет нам свободно принимать решения. Называя карнизм его именем и проливая свет на практики производства мяса, мы получаем возможность заглянуть за фасад системы. Шлоссер убедительно выражает данную мысль, и эту главу, пожалуй, лучше всего будет закончить финалом его путешествия сквозь жизнь и смерть животных, которых мы едим: «Пока я иду вдоль ограды, группа коров приближается ко мне, смотрит мне прямо в глаза, как просящая лакомство собака, и следует за мной, ведомая каким-то таинственным импульсом. Я останавливаюсь и пытаюсь впитать происходящее: прохладный ветерок, животные и их нежное мычание, безоблачное небо, пар, поднимающийся от мясного завода, в лунном свете. А потом я замечаю, что у этого здания есть одно окно, маленький клочок света на втором этаже. Оно позволяет мне мельком взглянуть на то, что скрыто за этим громадным, глухим фасадом. Через это окошко различимы ярко красные трупы на крюках. Они безостановочно движутся по кругу».

ГЛАВА 4. ПОБОЧНЫЙ УЩЕРБ: ДРУГИЕ ЖЕРТВЫ КАРНИЗМА

Факты не перестают существовать от того, что их игнорируют.
—Олдос Хаксли

В третьей главе мы рассмотрели жизнь и смерть животных, которых обыкновенно выращивают ради мяса, яиц и молока в США. По соображениям экономии места я не бралась разбирать происходящее с менее часто эксплуатируемыми животными, такими как ягнята, козы и утки. Я также не упомянула о важной группе животных, которые являются другими жертвами карнизма, животных, в отношении которых *побочный ущерб* интенсивного скотоводства зачастую не замечается.

Подобно свиньям и животным других видов, которых мы рассмотрели, подавляющее большинство таких животных — свыше 300 миллионов — воспринимаются и как хозяйственные единицы, и как средства к достижению цели. Как и в случае с другими животными, забота об их благосостоянии препятствует получению прибыли. И, как и другие животные, закон дарует им очень скромную защиту.

Эти, другие жертвы карнизма редко попадают в центр внимания при обсуждении производства мяса. Они тоже невидимые жертвы — но не потому, что их не видно, а потому что их не признают таковыми. Это люди. Это рабочие заводов, жители районов, загрязненных фермами интенсивного животноводства, потребители мяса, налогоплательщики. Это вы и я. *Нам* достается побочный ущерб от карнизма; мы платим за него нашим здоровьем, нашей окружающей средой и нашими налогами — \$7,64 миллиарда в год, если быть точными.

Сотрудники мясных комбинатов проводят буквально все свое рабочее время в многолюдных цехах, где полы покрыты кровью и жиром. Беспощадный темп разделочной линии непрерывно подвергает их риску получения серьезных ранений. Работники же интенсивных хозяйств, которые постоянно подвергаются воздействию токсичных газов, исходящих от концентрированных отходов, подвержены серьезным респираторным и нейродегенеративным заболеваниям, нарушениям репродуктивной системы, возникновению припадков и даже состояния комы.

Столь перегруженные и опасные условия работы могут привести к множеству других физических расстройств, но такие рабочие редко получают медицинское лечение, потому что с точки зрения минимизации расходов куда выгоднее лишиться части из них преждевременно, чем заботиться об их физическом состоянии. Неудивительно, что так же, как и животные, которых подвергают шоковой терапии, когда те отказываются выполнять приказы, рабочих третируют, как физически, так и психологически, когда они не в состоянии отвечать поставленным требованиям.

Люди, живущие в окрестностях ферм интенсивного животноводства, травятся фабричными отходами, включая сульфиты и нитраты. Эти токсины отравляют питьевую воду и воздух и могут приводить к возникновению хронической астмы и раздражению слизистой оболочки глаза, бронхиту, диарее, сильным головным болям, тошноте, самопроизвольным абортam, патологиям родов, детской

смертности в возрасте до одного года, а также вспышкам вирусных и бактериальных заболеваний.

Между тем, потребители мяса — около 300 миллионов американцев — не зная того, употребляют целый ряд загрязняющих веществ. Наше мясо, как правило, напичкано синтетическими гормонами, некоторые из которых связаны с образованием различных видов рака и запрещены в странах Евросоюза для употребления как человеком, так и животными; антибиотиками в больших дозировках; токсичными пестицидами, гербицидами и фунгицидами, которые хорошо известны своими канцерогенными свойствами; бактериями и вирусами потенциальных смертельных разновидностей; нефтепродуктами; трупами отравленных крыс; грязью; волосами; и навозом.

В «Нации фастфуда» Эрик Шлоссер тоже схватывает побочный ущерб карнизма: «В мясо попадает дерьмо». В то время как Шлоссер имеет в виду непосредственно проблему фекалий в продукте, тема этой главы включает куда больший спектр проблем, нежели только навоз. Сюда входит все, что отравляет мясо, которое мы едим, от коррупции до заболеваний. Все сбои больной системы.

История о том, как дерьмо попадает в мясо, которое мы едим, это история одной из главных характеристик карнизма и прочих насильственных идеологий: система зависит от поддержки ее *косвенных* жертв, непредумышленных мишеней, которые не только страдают от последствий мишени, но и помогают системе, неосознанно участвуя в своем собственном угнетении. Система создает таких жертв, представляясь им чем-то, чем она не является, поэтому мы чувствуем себя в безопасности, когда подвергаемся риску, и ощущаем свободу, испытывая принуждение. История о том, как дерьмо попадает в мясо, которое мы едим, это история о человеческих жертвах карнизма.

НАСКОЛЬКО МЫ ЗАЩИЩЕНЫ?

В 1906 году Аптон Синклер опубликовал «Джунгли», свой известный обличительный текст про мясную промышленность. В «Джунглях» он пролил свет на всю развращенность интенсивного животноводства и мерзкие, опасные условия, характеризующие мясокомбинаты и скотобойни. Синклер описал фабрики, на которых рабочие стояли в полуторасантиметровом слое крови, в забойных цехах, кишящих крысами — живыми и мертвыми, — часть из которых в итоге попадала в мясо на продажу. Рабочие постоянно рисковали лишиться пальцев, которые попали бы в бочки с салом.

В «Джунглях» приведены условия столь отталкивающие и отвратительные, что, ознакомившись с текстом, граждане и политики пришли в настоящую ярость. Столь широкое публичное негодование привело к принятию Закона о проверке мяса и Закона о чистой пище и лекарствах, которые предписали регулярные проверки скотобоеен и мясокомбинатов.

Многие слышали о книге «Джунгли» и ее влиянии на законы, регулирующие производство мяса. Однако очень немногие отдают себе отчет в том, что эти законы редко когда приводились в исполнение должным образом, и что десятилетия, прошедшие после публикации текста не принесли существенных улучшений в условия этой индустрии.

Вообще, во многих отношениях сегодняшние условия даже хуже; появление более крупных заводов и более быстрых технологий переработки вкупе с недостаточным числом федеральных инспекторов лишь дополнительно обременило рабочих, а предприятия сделало более многолюдными и сложными для контроля.

ИНФЕКЦИИ, ПРОВЕРКИ И МИНСЕЛЬХОЗ

Проверки проводятся на двух уровнях: в приближении и на расстоянии. В соответствии с Законом о проверке мяса от 1906 года, инспекторы Министерства сельского хозяйства должны были производить тщательные проверки: проверять органы и части тел животных на наличие заболеваний, инспектировать оборудование на возможность попадания микробов, осматривать трупы в поисках ранних признаков появления загрязнения и насекомых, выявлять ненадлежащее санитарное состояние помещений и стен.

Однако в 1980-е новый закон перенес бремя контроля с плеч государства на сами предприятия. Это означало, что собственные сотрудники корпораций, а вовсе не федеральные инспекторы, теперь несут непосредственную ответственность за тщательные проверки — сотрудники, которым не хватает образования и опыта для обнаружения многих признаков загрязнения и заболеваний и которые зачастую не говорят по-английски в достаточной мере, чтобы объяснить, что именно они обнаружили. После принятия нового постановления расследования на нескольких заводах выявили тот факт, что корпоративные инспекторы не знали о том, что кусок мяса со специальным ярлыком Минсельхоза был обозначен тем самым как загрязненный, а также не смогли распознать признаки цистицеркоза. Эти расследования также показали, что корпоративные инспекторы были неспособны распознать какие-либо инфекции, если только гной не сочился из нарыва.

Вообще, оказывается, что на наших мясокомбинатах загрязненное мясо — это скорее правило, нежели исключение; исследователи из Университета Миннесоты изучили более чем тысячу продуктов с различных розничных рынков, и их проверка дала шокирующие результаты: 69% свинины и говядины и 92% мяса птицы было загрязнено фекальными массами, содержащими потенциально опасную бактерию — *кишечную палочку*, а, согласно результатам недавно опубликованного исследования в «Журнале защиты пищи», загрязнение фекалиями было обнаружено в 85% рыбных филе, найденных в розничной продаже и купленных через интернет. Более того, Всемирная организация здравоохранения предупредила, что птичий грипп может распространяться через фекальные массы зараженных птиц.

Но даже если бы сотрудники могли распознавать зараженные части туш, пищевые стандарты настолько низки, что многие дефективные трупы все равно имеют возможность пройти проверку на качество. Трупы считаются годными для употребления человеком даже если в них содержатся тромбы, красители, рубцовые ткани от язв, печеночные пятна и внутренние кровоизлияния. Как объяснил один инспектор Минсельхоза, «ветеринары сегодня одобряют скот, который громко сопит перед забоем и чьи легкие заполнены жидкостью, у которого рубцовая ткань и абсцессы сверху донизу по стенкам легких, прилипшие к ребрам; у которого

треснувшие кровеносные сосуды в почках, более не функциональных; который наполнен хлынувшей в обратном направлении едой... сочащейся наружу».

В 2007 году Chicago Tribune опубликовала статью, изобличавшую Минсельхоз в его готовности позволять агропромышленному комплексу продавать мясо, зараженное кишечной палочкой, если на упаковке мяса стоял ярлык «подходит только для термической обработки». Предполагается, что такое мясо безопасно есть, только если оно надлежащим образом приготовлено, однако без ведома потребителей оно продавалось, как полуфабрикаты, и закончило свой путь в школьных столовых.

Антисанитарное состояние помещений и оборудования также может представлять угрозу для человеческого здоровья. Обзор отчетов Минсельхоза за 2001-2002 годы, сделанный правозащитной организацией Human Rights Watch выявил неспособность продукции компании Nebraska Beef, одного из крупнейших национальных мясокомбинатов, соответствовать базовым гигиеническим стандартам.

Помимо документирования загрязнения трупов, включая факты «видимой пищи [из пищеварительного тракта животного] на поверхности туши; видимых фекальных масс на различных участках туши; нескольких фрагментов зеленоватой фекальной массы в районе живота», обзор описал обстановку на предприятии следующим образом: «в захлопнувшейся мышеловке лежала разложившаяся мышь... сток засорен скоплением серых и черных остатков на полу... черные брызги на коробках с продуктами питания... запах нечистот... никакие ловушки для грызунов не проверяются в ходе инспекции на предмет наличия вредителей; видимая желтая непереваренная пища за заслонкой из нержавеющей стали...»

Вероятно, мало кого удивит в этой связи, что Nebraska Beef в один прекрасный день отозвала свой говяжий фарш с рынка — около 250.000 килограммов. Это случилось в июле 2008 года, после того, как пятьдесят человек свалились больными, съев мясо, содержавшее кишечную палочку. После отзыва фарша федеральные власти заверили общественность в том, что мясо компании безопасно для употребления. Тем не менее, месяц спустя новая вспышка эпидемии заставила компанию отозвать с рынка еще 544.000 килограммов зараженной говядины.

Многие инспекторы Минсельхоза выразили глубокую озабоченность антисанитарными условиями мясокомбинатов, однако они не облечены достаточной властью для привнесения перемен. Они больше не обладают полномочиями, которые бы позволяли им остановить конвейер, если они заметят нечто подозрительное; не имеют они права и принимать меры по устранению нарушений. На самом деле, для того, чтобы жалоба федерального инспектора была воспринята всерьез, компания *сама* должна согласиться с тем, что проблема действительно существует.

Наиболее существенные недочеты нынешней системы проверки были описаны в статье Chicago Tribune от 2007 года. Фелиция Нестор, старший аналитик порядка работы в организации Food and Water Watch, следящей за качеством продуктов питания, заявила в интервью газете: «Инспекторы не работают полный день... на большинстве

перерабатывающих заводов... Как правило, они заняты патрулированием, что означает, что они объезжают вверенные им заводы».

Тем временем федеральные офицеры сообщают, что цели проверок не оправдывались уже на протяжении многих лет; объемы их работы столь велики, что они в состоянии проводить лишь поверхностный осмотр записей компании вместо того, чтобы производить физические проверки мяса и яиц.

Инспекторы проверяют анализ степени риска компании и совершенно не располагают временем для того, чтобы обеспечивать нормы, предусмотренные Минсельхозом. Один инспектор заявил Tribune: «Мясокомбинаты составляют собственные планы. Они сами для себя пишут все, что нужно. Сейчас мы это проверяем. Это просто хохма. Мы в основном заняты проверкой документации. При этом понятно, что бумага стерпит абсолютно все».

К чему все это сводится, так это к тому, что корпорации, чья первоочередная цель — увеличение прибыли, предоставлены сами себе даже в плане контроля. Мы поставили лису охранять курятник. Так что нет ничего странного в том, что в мясо, которое мы едим, попадает дерьмо.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ БОЙНЯ

Мясо долго отстаивало свободу беспрепятственной эксплуатации.
— Ник Фиддз, «Мясо: естественный символ»

Многие рабочие на мясокомбинатах — это нелегальные иммигранты из Латинской Америки и Азии, проходящие непродолжительную, если вообще проходящие, тренировку. Шлоссер взял интервью у забойщика, который сказал: «Никто не помогал мне обучаться — никто не показал, как пользоваться ножом... Ты просто смотришь, делают люди рядом с тобой, и делаешь то же самое». Помимо того, чтобы выполнять работу, к которой они совершенно неподготовлены, сотрудники оказываются в трудовых условиях, которые для них эксплуатационны, опасны, антисанитарны и насильственны. Они проводят час за часом в пропитанной смертью, проникнутой стрессом обстановке и страдают от нее: представьте себе, каково убивать по двадцать три курицы в минуту, то есть по *двадцать пять тысяч* в день!

В интервью для журнала Mother Jones Шлоссер комментирует безжалостный темп конвейерной линии: «Золотое правило мясокомбината гласит: “Цепь не остановится”... Ничто не встанет на пути у производства — ни механические проблемы, ни аварии, ни несчастные случаи. Электропогрузчик сломался, пилы перегрелись, рабочий уронил нож, рабочий порезался, рабочий упал и лежит без сознания на полу, а кровоточащие туши проплывают мимо него, цепь не останавливается... Один рабочий сказал мне: “Я видел забойщиков, которые буквально истекали кровью, потому что попали ножом в вену, и я хочу сказать, они как бы уже отправлялись на тот свет, и тут приходит уборщик с отбеливателем, чтобы отмыть пол от крови, но цепь никогда не останавливается. Никогда”».

Вполне естественно, что работа на мясокомбинате считается самой опасной в США, равно как и самой насильственной. Например, рабочим приходится носить хоккейные маски, чтобы бьющиеся в конвульсиях

животные, которые движутся по конвейерной линии, не повыбивали им зубы. Достаточно взглянуть на отчеты о несчастных случаях, подготовленных Управлением по охране труда, чтобы получить представление о рискованных условиях на таких предприятиях: «Сотрудник госпитализирован с разрывом шеи посредством резца-летучки. Глаз сотрудника поврежден подвесным крюком. Рука сотрудника ампутирована после попадания в отбивной молоток. Сотрудник обезглавлен цепью шкуроръемной машины. Сотрудник убит машиной для переработки внутренностей».

Вообще же, в 2005 году, впервые за свою историю, Human Rights Watch опубликовала отчет, критикующий одну конкретную индустрию в США — мясную — за настолько отвратительные условия труда, что они нарушают базовые права человека.

ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЕ ОПАСНОСТИ В МЯСНОЙ ИНДУСТРИИ (Источник: Управление по охране труда)

<i>Производимая операция</i>	<i>Оборудование / Вещества</i>	<i>Несчастные случаи / Ранения</i>
Оглушение	Пистолет для предубойного оглушения	Сильный шок, колотые раны
Освеживание / Удаление передних ног	Клещеобразный инструмент	Ампутации, порезы, ранения глаз, падения
Разделка животного	Пилы	Ранения глаз, синдром запястного канала, ампутации, порезы, падения
Удаление мозга	Машина для разрубания голов	Порезы, ампутации, ранения глаз, падения
Транспортировка продуктов	Винтовой конвейер, шнековый бур	Ампутации, разрывы, ранения глаз, порезы, падения
Резка / Очистка / Удаление костей	Ножи, ленточная пила, циркулярная пила	Ранения глаз, порезы, синдром запястного канала, падения
Удаление челюстной кости / рыла	Машина для удаления челюстей и рыл	Ампутации, падения
Подготовка бекона к нарезке	Пресс для бекона	Ампутации, падения
Отбивка мяса	Электрические отбивные молотки	Сильный шок, ампутации, порезы, ранения глаз
Чистка оборудования	Блокировка, опломбирование	Ампутации, порезы
Подъем / заковывание	Цепь / кран в сборке	Падения, падения туш
Упаковка мяса	Машина для герметизации	Подвержение токсичным веществам, сильные ожоги рук, падения

Погрузка мяса	Туши	Серьезные ранения спины и плеч, падения
Охлаждение, заготовка, очистка	Аммиак, углекислый газ, угарный газ, монооксид поливинилхлорида	Раздражение и повреждение верхних дыхательных путей

ПРИУЧЕННЫЕ УБИВАТЬ

Зная о жестокости процесса забоя, легко предположить, что люди, работа которых заключается в том, чтобы убивать животных, это садисты или психопаты. И хотя садизм и психологические расстройства могут стать *результатами* продолжительного наблюдения насилия, вовсе не обязательно, что именно они заставляют людей искать карьеру убийцы. В любой насильственной идеологии люди, занятые в бизнесе убийства, могут не быть искушенными в этом деле в самом начале, но со временем привыкают к насилию, которое когда-то их беспокоило. Подобная акклиматизация отражает защитный механизм под названием *рутинизация* — постоянное повторение действия ведет к тому, что в какой-то момент человек становится бесчувственным, онемевшим к нему.

Так, один из сотрудников фермы сказал Гейл Айснитц: «Самое худшее, хуже, чем физическая опасность — это эмоциональный урон. Когда ты проработаешь в этой яме какое-то время, ты сможешь убивать кого угодно, и тебе будет все равно. Ты можешь смотреть в глаза окровавленной свинье, которая проезжает на конвейере мимо, и думать: “Боже, а это животное вполне нормально выглядит”. Можешь захотеть ее погладить. Свиньи в забойном цеху подходили и обнюхивали меня, как щенки. Две минуты спустя мне нужно было их убить — забить насмерть трубой. Мне нельзя придавать этому значение».

И чем более бесчувственными становятся рабочие, тем больше им «нельзя придавать этому значение», то есть тем больше наслоение их психологического истощения. Большинство людей может переживать насилие в таких масштабах только пока оно их не травмирует; исследования о ветеранах войн, например, раз за разом демонстрируют, сколь глубокий эффект наблюдение насилия оказывает на психику, особенно когда человек сам становится участником этого насилия. Травмированные рабочие становятся куда более насильственными как к животным, так и к людям; у них развиваются всевозможные пагубные зависимости, необходимые им для того, чтобы заглушить переутомление. Один рабочий рассказал Айснитц, как у него «появилась идея подвесить старшего смены вниз головой на линию конвейера и проткнуть его». Этот рабочий объяснил, что имел в виду:

«Большинство закольцовиков в какой-то момент арестовывали за нападения на людей. У многих из них проблемы с алкоголем. Им приходится пить, потому что у них нет другого способа справиться с тем, что они убивают живых, сопротивляющихся животных на протяжении всего дня... Многие парни попросту стараются пропить и проторчать все свои проблемы. Некоторые заканчивают тем, что обижают своих жен, потому что не могут избавиться от скверных ощущений. Они уходят с работы с этим чувством и идут в бар, чтобы забыться. Проблема только в

том, что когда ты пытаешься выдавить это чувство спиртным, оно возвращается, стоит тебе протрезветь».

Другой рабочий рассказал Айснитц: «Я переносил всю тяжесть моей работы и раздражение на животных... Помню, там была свинья в цеху. Она ничего не сделала, даже не носилась по цеху. Она просто была живая. Я взял метровую трубу и буквально забил свинью до смерти. В ее черепе не осталось даже пятисантиметрового кусочка целой кости. Говоря обычным языком, я раскрошил ее череп. Я начал бить и не мог остановиться. А когда я все-таки остановился, выместив всю энергию и злость, я подумал: “Что, ради всего святого, я сделал?”»

Одно видео, сделанное в рамках расследования под прикрытием, показывает рабочих, которые швыряют поросят на пол, бахвалятся на тему втыкания прутьев в задницы свиней и бьют их стальными прутьями. Один рабочий бьет свинью прутом и кричит: «Я ненавижу их. Эти [ненормативная лексика] заслуживают того, чтобы им делали больно. Больно, я сказал. Больно! Больно! Больно! Больно!.. Выплесните на них вашу злость!»

И хотя поведение рабочих таких предприятий может показаться экстремальным и иррациональным, оно являет собой неминуемый результат работы на передовой экстремальной и иррациональной системы.⁷ Травированные рабочие, в свою очередь, травмируют кого-то еще, и так появляется новая жертва насильственной идеологии по имени карнизм. Насилие поистине порождает насилие.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

Большинство людей, вне зависимости от того, едят они мясо или нет, разделяют единое мнение относительно забоя животных: процесс представляется им отвратительным и противным. Точно так же, как тип мяса, который конкретный человек находит отвратительным и соотносит с видом животного (продолжили бы вы есть рагу, если бы из него достали собачье мясо?), так же и процесс забоя загрязняет для людей того, кто убивает животных.

В различных культурах и на протяжении всей истории человечества профессиональных мясников считали людьми нечистыми, готовыми к аморальности убийства животных и тем самым спасающих остальных от духовного загрязнения. Зачастую группа выделяла человека или коллектив, которые производили забой и разделку мяса, и он(и) либо проходил(и) через процедуру «морального очищения» прежде чем вступать в контакт с остальными членами группы, либо их как-то отделяли от остального сообщества. Например, назначенный мясник у народа бемба в Северной Родезии проходит через процедуру очищения после завершения разделки, а мясники древних гуанчей, населявших

---

⁷ Некоторые сотрудники скотобоен попадают в систему, уже будучи социопатами — людьми, которые асоциальны, клинически «бессовестны» и зачастую получают удовольствие от причинения страданий окружающим. Однако остается только подивиться индустрии, которая не имеет ничего против — а на самом деле *требует* — антисоциального поведения в таких его проявлениях, как экстремальная агрессия, безжалостность и насилие.

Канарские острова, не допускались в дома других членов племени и не могли иметь тесных отношений с теми, кто не был мясниками.

В некоторых случаях целой социальной группе отводилась роль мясников: в Японии, например, мясниками были представители касты «эта», низшего класса, которым не разрешалось контактировать с остальными; в Индии люди из касты неприкасаемых считались духовно неразвитыми и поэтому на них возлагались духовно «загрязняющие» задачи, такие как забой животных и работа с кожей; а в Тибете профессиональные мясники были представителями низших классов, поскольку они нарушали буддистский запрет на убийство.

НАША ПЛАНЕТА И МЫ САМИ

Даже если вы не работаете на мясокомбинате и не едите мясо, вы не спасены от последствий практик промышленного животноводства, с которым вы делите эту планету. Производство мяса — это главная причина всех значительных форм вреда окружающей среде: загрязнения воды и воздуха, сокращения биоразнообразия, эрозии почв, обезлесения, выбросы парниковых газов и истощения водных запасов.

В индустриальных странах наиболее явное экологическое последствие производства мяса — это загрязнение, обеспечиваемое фермами интенсивного животноводства. Горы пронизанных химикатами и болезнями отходов, производимых такими хозяйствами, просачиваются в почву и водные пути, после чего испаряются и попадают в воздух, отравляя окружающую среду и заражая окрестных жителей. Отходы интенсивных ферм связывают с рядом расстройств, включая заболевания дыхательных путей, сильные головные боли и проблемы пищеварения. Выбросы животноводческих хозяйств также ведут к самопроизвольным абортam, патологиям родов, росту детской смертности до одного года и вспышкам инфекционных заболеваний. Вообще, фермы интенсивного животноводства несут в себе такой вред для человеческого здоровья, что Министерство здравоохранения призвало к введению моратория на выброс их токсичных отходов.

Тем не менее, промышленное животноводство неумолимо продолжает свои практики — потому что оно может себе это позволить. Даже несмотря на то, что оно систематически уничтожает окружающую среду и людей в ней, промышленные фермы не нарушают никаких законов. Как вышло, что правовая система, которая была основана для того, чтобы защищать нас от эксплуатации, в итоге защищает те самые индустрии, которые нас эксплуатируют? Что случилось с демократией?

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕНА МЯСА

- ООН объявила животноводство «одной из двух-трех главных причин наиболее серьезных экологических проблем на всех уровнях — как локальном, так и глобальном. Удар по окружающей среде настолько существенный, предупреждает организация, что «требует быстрого реагирования».
- Промышленное животноводство — крупнейший загрязнитель водных потоков в мире. Основными источниками загрязнения служат антибиотики и гормоны, химикаты от кожевенных заводов,

экскременты животных, осадки на опустошенных пастбищах, а также удобрения и пестициды, применяемые для повышения урожая, идущих на корм скоту.

- 70% дождевых лесов Амазонии, которые считаются легкими планеты, сейчас превращены в пастбища для скота.
- Промышленное животноводство в США производит 55% эрозий и вредных осадков в почвах. Кроме того, 37% пестицидов и 50% антибиотиков, используемых в стране, идут на нужды промышленного животноводства.
- 30% поверхности земли, используемых сегодня промышленным животноводством, некогда представляли собой дикую природу.
- 60-70% всей выловленной в мире рыбы идет на корм скоту.
- Применение антибиотиков фермами интенсивного животноводства обходится американскому здравоохранению в лишние \$1,5 миллиарда.
- Для того, чтобы производить мясо и другие продукты животного происхождения для одного человека в год требуется свыше 900 килограммов зерна. Однако если бы человек ел непосредственно зерно, ему понадобилось бы всего 180 килограммов.
- Метан, который вырабатывают животные и содержится их навоз, влияет на глобальное потепление так же, как повлияли бы 33 миллиона автомобилей.
- Парниковые газы, вырабатываемые скотом, производят 37% метана, 65% оксида азота и 64% аммиака в атмосфере.

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ МЯСОКРАТИЯ

*Бюрократия помогает считать геноцид нереальным.
Она... убавляет эмоциональные и интеллектуальные тона,
связанные с убийством... Это лишь поток событий,
в которых большинство людей готовы сказать «да»...
Массовые убийства повсюду и в то же время... нигде.
—Роберт Джей Лифтон, «Нацистские врачи»*

Насильственные идеологии говорят на своем языке; голые концепции переводятся для поддержания системы, при этом якобы поддерживая людей. Под властью карнизма, например, демократия стала возможностью выбора между продуктами, которые несут вред нашему здоровью и загрязняют нашу планету, лишив нас свободы есть нормальную еду и дышать воздухом без риска отравиться. Но насильственные идеологии в основе своей недемократичны, поскольку опираются на обман, секретность, концентрацию власти и принуждение — практики, несовместимые со свободным обществом. В то время как более крупная система, или нация, может выглядеть демократичной, насильственная система внутри нее таковой не является. В этом как раз кроется причина, по которой мы не выявляем насильственные идеологии, существующие внутри казалось бы демократических систем; мы попросту не думаем о том, чтобы их искать.

В демократическом обществе центральной ролью правительства является создавать и применять политику и законы, которые наилучшим

образом служат интересам граждан. Таким образом, мы полагаем, что еда, которая оказывается на наших тарелках, не несет в себе вреда или смерти для нас. Мы так думаем, потому что считаем, что люди в правительстве работают на нас, люди, которые получают за это зарплату; мы предполагаем, что демократический процесс отделяет нас от тех, кто мог бы причинить нам вред.

Однако когда власть существенно сконцентрирована внутри индустрии, демократия разворачивается. Мясо — как раз такой случай. Промышленное животноводство — это \$125-миллиардный бизнес, контролируемый горсткой корпораций. Эти корпорации так могущественны, потому что все больше растут, скупая все родственные предприятия, в том числе производителей агрохимикатов и семян; перерабатывающие компании, которые покупают скот, содержат его и делают из него мясо; производителей еды, которые делают из мяса конкретные продукты, как, например, замороженные полуфабрикаты; розничных продавцов, включая сети супермаркетов и ресторанов; транспортные системы, включая железнодорожные компании и судоходные линии; фармацевтические компании; производителей сельскохозяйственного оборудования, такого как тракторы и оросительные машины; они скупают даже планы финансового менеджмента.

Экономисты предупреждают, что когда показатель концентрации в какой-либо индустрии составляет четыре компании, контролирующие 40% рынка (коэффициент, именуемый CR4), неминуемо снижается конкуренция и растет количество проблем в сфере защиты потребителя; конгломераты получают возможность контролировать цены на рынке и определять, например, качество пищи. Мясная индустрия сильно превышает показатель CR4; так, четыре говяжьих мясокомбината контролируют 83,5% рынка говядины. Власть промышленного животноводства такова, что индустрия сплелась с правительством, размывая границы между частными интересами и государственной службой.

Процесс, который способствовал этому сращиванию государственного и бизнес-секторов — это «вращающаяся дверь», посредством которой менеджеры корпораций и госслужащие обмениваются должностями и укрепляют взаимодействие. Например, в 2004 году тогдашний и бывшие главы Управления инспекции зерна, боев и скотоприемных площадок (GIPSA) — подразделения Минсельхоза, которое содействует продаже скота и других сельскохозяйственных товаров — работали с торговыми группами в мясной индустрии. А (на тот момент) министр сельского хозяйства Энн Венерман и другие высокопоставленные чиновники имели тесные связи с миром агропрома, особенно в тех сферах, за которыми они должны были присматривать: Дейл Мор, директор по персоналу в администрации Венерман, был управляющим директором по законодательным делам Национальной ассоциации скотопромышленников (NCBA); Джеймс Моусли, заместитель министра, был совладельцем фермы интенсивного животноводства; а Мэри Уотерс, заместитель министра по вопросам взаимодействия с конгрессом, была советником по вопросам законодательства и старшим директором ConAgга, одной из ведущих мясных корпораций США.

Другая причина столь тесного союза индустрии и правительства кроется в активном политическом спонсорстве и усилиях по

лоббированию своих интересов со стороны мясной промышленности. Например, в 2008 году индустрия вложила \$8 миллионов в кандидатов на место в Конгресс (а нередко щедрое вливание со стороны агропромышленных гигантов оседают в сельскохозяйственных комитетах Белого дома и Сената). Лоббисты проталкивают интересы своих клиентов среди законодателей. Успешность усилий таких лоббистов в большой степени зависит от крепости их связей с чиновниками; чем больше лоббисты могут предложить политикам, начиная экстравагантными путешествиями и заканчивая эксклюзивными карьерными возможностями, тем сильнее их связь с теми, на кого они стремятся влиять.

Проще говоря, мясная индустрия может воздействовать на законодательство себе во благо и за наш счет. Вспомнить, например, о том, что закон требует от агропромышленников убирать за собой хотя бы часть отходов, которые они выбрасывают в окружающую среду — однако закон не предусматривает, чтобы эти мультимиллиардные корпорации тратили даже доллар на такую уборку. Федеральная Программа поощрения экологического качества (EQIP), которая, как следует из названия, была создана для улучшения состояния окружающей среды, субсидирует очистку окружающей среды от подобных отходов. EQIP выдала \$9 миллиардов в помощь сельскохозяйственным корпорациям, чтобы они нейтрализовали отходы, которые сами же произвели. Иными словами, мы, налогоплательщики, помогаем оплачивать счета за ущерб, наносимый такими корпорациями, как ConAgra, директор которой заработал в 2007 году \$10,8 миллионов. Субсидирование промышленного животноводства критиковались представителями всего политического спектра, как самая вопиющая благотворительная программа в отношении корпораций за всю историю США.

Не забывайте про халатное отношение Минсельхоза к смертельной угрозе здоровью нации, исходившей от кишечной палочки в 2002 году. Дети, которые проглотили зараженные гамбургеры, подхватили опасную бактерию. Симптомы кишечной палочки включают лихорадку, рвоту, испражнение кровью, кровотечение из носа и изо рта, распухание лица и рук, высокое кровяное давление и в конечном счете почечная недостаточность. И ConAgra — компания, продавшая это мясо, — и Минсельхоз, по некоторым данным, знали о том, что продукт был заражен, однако не предпринимали никаких действий на протяжении двух лет, когда полноценная вспышка эпидемии заставила отозвать с рынка 8,6 миллионов килограммов мяса, к которым у общественности уже был доступ.

Если бы ваш ребенок заболел, съев зараженную говядину, вы бы наверняка захотели предупредить об опасности остальных. И эта линия поведения будет очень верной и эффективной — если только у вас не слишком большая аудитория, как у Опфры Уимфри, потому что иметь большую аудиторию это с вашей стороны было бы серьезной ошибкой. В 1996 году группа производителей говядины из Техаса засудила Уинфри на сумму свыше \$10 миллионов за дискредитацию их продукции. С позиции опыта Великобритании, где двадцать человек умерли, предположительно съев зараженную говядину, Уинфри заявила в эфире, что она больше бургеры есть не станет. Согласно «законам о дискредитации продуктов питания», документу, который был принят до этого инцидента и

пролоббирован сельскохозяйственными корпорациями, считается *незаконным* критиковать определенные продукты, не предоставляя при этом «состоятельных» научных данных.

На этапе, когда промышленное животноводство стало столь могущественно, что перестало быть даже над законом, а вообще вышло за его рамки, — сформировав нечто большее, чем уважаемое законодательство, — мы можем смело сказать, что демократия превратилась в мясократию.

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:
УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
МОЖЕТ БЫТЬ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ**

Если вы зайдете в круглосуточный минимаркет у вас в районе и купите пачку сигар, вы заметите на упаковке предупреждение о вреде курения вашему здоровью. Вместе с тем, согласно научным данным, курение сигар представляет риск только для заядлых курильщиков, число которых составляет меньше одного процента взрослого населения. Свыше 97% взрослых граждан США, однако, употребляют продукты животного происхождения и, невзирая на многочисленные исследования, демонстрирующие связь между употреблением продуктов животного происхождения и различными заболеваниями, мы не предупреждены об этих рисках.

Подавляющее большинство, возможно, 80-90% видов рака, сердечно-сосудистых заболеваний и других форм дегенеративных расстройств могут быть предотвращены, по крайней мере, до наступления очень пожилого возраста, путем перехода на растительное (вегетарианское) питание.

—Т. Колин Кэмпбелл, доктор наук,
почетный профессор биохимии питания
Корнелльского университета,
автор книги «Изучение Китая»

А теперь давайте представим, что вы зашли в тот же минимаркет, чтобы приобрести хот-дог. Представьте также, что Минздрав США внимательного отнесся к результатам исследований Гарвардской школы общественного здравоохранения и других ведущих исследовательских институтов и постановил поместить ярлыки с предупреждениями на продукты животного происхождения. Тексты на ярлыках были бы примерно такими:

«Минздрав предупреждает: Употребление мяса увеличивает риск смерти от сердечных заболеваний на 50%.

Минздрав предупреждает: Употребление мяса увеличивает риск заболевания раком прямой кишки в 300 раз и способствует развитию других видов рака.

Минздрав предупреждает: Ежедневное употребление мяса увеличивает риск увеличения простаты в три раза, а регулярное употребление молока — в два.

Минздрав предупреждает: Животное, которое стало этим мясом, возможно, кормили усыпленными с помощью ядов кошками и собаками;

переработанными перьями, рогами, шерстью, кожей, кровью и кишками; сбитыми на дороге животными; навозом; пластиковыми бирками; трупами животных его же вида.

Минздрав предупреждает: Этот продукт может содержать опасные дозы пестицидов, мышьяка, антибиотиков и гормонов.

Минздрав предупреждает: Этот продукт может содержать микробные организмы, ведущие к болезни и смерти.

Минздрав предупреждает: Производство этого продукта стало причиной серьезного ухудшения окружающей среды, жестокости к животным и нарушения прав человека.

Минздрав предупреждает: В этом мясе содержится дерьмо».

Но, разумеется, мясные продукты лежат на полках без подобных предупреждений, несмотря на тот факт, что их регулярно употребляют миллионы людей. Насильственные идеологии следуют собственной логике; логике, которая поддерживает систему — извилистой логике, которая предстает во всей красе тогда, когда сама система разобрана на составные части.

Как мы уже говорили, самая примечательная характеристика любой насильственной идеологии — это незаметность, как символическая (когда идеология не имеет названия), так и буквальная (когда насилие скрыто из виду). Соответственно, я поставила себе задачу высветить спрятанные аспекты карнизма, чтобы вы могли узнать правду о производстве продуктов животного происхождения и причины, по которым система усердно старается оставаться незаметной.

Но едва ли незаметность может нас так уж защитить. Намеки на истину окружают нас: «сделанные без жестокости» веганские бургеры в продуктовом магазине; упругая жила в куриной ножке, которая сразу напоминает о живой курице; кадры с мясокомбинатов, которые периодически показывают в новостях; гости-вегетарианцы на званых ужинах; мертвые поросята, подвешенные на рынках; тушки куриц в гриль-барах; и бесконечные ряды продуктов из мертвых животных в виде мяса. Так что когда незаметность неизбежно исчезает, нам нужен путь к отступлению, что-то, что защитило бы нас от правды и помогло быстро восстановиться, пока мы не начали погружаться в неприятную реальность карнизма. Мы должны заменить *реальность* мяса *мифологией* мяса.

ГЛАВА 5. МИФОЛОГИЯ МЯСА: ОПРАВДАНИЕ КАРНИЗМА

Если мы верим в нелепости, мы будем совершать злодеяния.
—Вольтер

Бездумное уважение к власти — это величайший враг истины.
—Альберт Эйнштейн

Стоит солнечный день, и контактный зоопарк при проводольственном магазине, как обычно, собрал внушительную толпу. Родители и их дети прижались к деревянной ограде, некоторые перегибаются через нее, вытягивая руки. Я достаю из сумки морковь, которую специально принесла по этому случаю, и предлагаю ее поросенку, надеясь приманить его поближе, чтобы суметь погладить. По какой-то причине я всегда чувствую позыв физически контактировать с

животными. Это кажется почти инстинктивным — желание потрогать их, погладить.

И я такая не одна. Я слышу, как пронзительно кричат от восторга дети, когда поросенок принимает какое-то их подношение, и они улучают шанс мимоходом гладануть его по щеке или по затылку. Я вижу, как нежно смеются взрослые люди, когда поросенок самозабвенно поглощает еду, безмятежный по поводу многочисленных маленьких рук, устремленных к нему. Я наблюдаю, какое внимание привлекает одинокая корова, подзываемая со всех сторон. Когда, по какой-то необъяснимой причине, она выбирает мою пригоршню травы, мне становится очень приятно. Я глажу ее бархатный нос, пока другие люди вокруг толпятся, чтобы потрогать ее голову или шею.

Даже куры вызывают интерес и восхищение. Дети присаживаются и принимают бросать им крошки хлеба через щели в ограде, улыбаясь во весь рот, когда птицы клюют их с земли и периодически останавливаются, поднимая головы, чтобы осмотреть обстановку. Вполне естественно, что наблюдатели комментируют происходящее словами о том, как умилительны эти пушистые пташки, пока те таращатся и скачут, ничего особенного не делая.

Это стоит видеть. Дети хихикают и хлопают в ладоши, мамы и папы ласково улыбаются, и все хотят потрогать поросят, коров и кур, или чтобы те их потрогали. Но те же самые люди, которые так стремятся установить тактильный контакт с животными и чьи дети так переживали за трех поросят и семерых козлят из сказок и засыпали, обнимая плюшевых свинок и коровок — эти же люди скоро выйдут из магазина с пакетами, набитыми говядиной, свининой и курятиной. Те же люди, которые несомненно поспешили бы на помощь любому из сельскохозяйственных животных, завидев, что оно страдает, каким-то образом не приходят в *ярость*, узнавая о том, что 10 миллиардов таких животных страдают и умирают безо всяких причин ежегодно, во власти индустрии, руки которой полностью развязаны.

Куда же девается их сопереживание?

ОПРАВДАНИЕ ИЗ ТРЕХ «Н»

Чтобы продолжать употреблять животных, которых мы лелеяли еще несколько минут назад, мы должны всецело верить в оправданность наших поступков. В этой связи нас учат верить в набор мифов, поддерживающих карнистскую систему, и игнорировать непоследовательность историй, которые мы себе рассказываем. Насильственные идеологии полагаются на пропагандирование иллюзии в качестве факта для препятствования любым попыткам критического мышления, грозящим выявлению правды.

Мясо окружает богатая мифология, но все эти мифы в той или иной степени связаны с тем, что я отношу к оправданию из трех «н»: *есть мясо нормально, натурально и необходимо*. Эти три «н» применялись для оправдания всех эксплуатационных систем, от рабства африканцев до нацистского холокоста. Когда идеология пребывает в своем расцвете, эта мифология редко подвергается пристальному рассмотрению. Однако когда система в конечном счете рушится, эти три «н» признаются смехотворными. вспомнить, например, причины отказа женщинам в праве

на голосование в США: лишь голосование мужчин было «создано нашими предками»; если женщинам разрешить голосовать, это «приведет к непоправимому ущербу государству» и «нацию охватит катастрофа».

Три «н» так прочно интегрированы в наше социальное сознание, что управляют нашими действиями без нашего размышления над ними. Они думают за нас. Мы так хорошо их усвоили, что часто живем в соответствии с их установками, словно существует универсальная истина, нежели широко распространенное мнение. Это как водить машину: стоит один раз запомнить, как это делается, и больше думать над каждым движением уже не надо. Но эти оправдания имеют куда большее могущество, чем управление нашими поступками. Они смягчают моральный дискомфорт, который мы иначе ощущали бы, употребляя мясо; когда у нас есть хорошее оправдание нашего поведения, мы испытываем меньшее чувство вины за него. Три «н» работают, как ментальные и эмоциональные шоры, скрывающие от нас противоречия в наших убеждениях и поведении по отношению к животным и объясняющие их, если мы на них все-таки натываемся.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С МИФОТВОРЦАМИ

Несмотря на фальшь, пронизывающую паутину нашей психологической и эмоциональной безопасности, для того, чтобы подавить правду, требуется энергия. Необходимы постоянные усилия, чтобы не видеть то, что находится у нас под самым носом, чтобы не обращать внимания на ослепительные противоречия и чтобы не выпускать подлинные чувства на поверхность сознания. Таким образом, хоть мы и стали экспертами в области игнорирования той части нас, которая знает правду, нам приходится постоянно тренироваться, чтобы поддерживать разобщенность между нашим сознанием и нашим сопереживанием.

Тут в дело вступают мифотворцы. Они находят место в каждом секторе общества, убеждая нас в том, что, куда бы мы ни свернули за информацией, полученные данные укрепят три «н». Мифотворцы — это институты, которые формируют опору системы, а также люди, которые эти институты представляют. Когда система укореняется, она поддерживается каждым крупным институтом общества, от медицины до образования; вполне вероятно, ваши врачи и учителя не поощряли вас сомневаться в том, что есть мясо — это нормально, натурально и необходимо. Как не делали этого ваши родители, священнослужитель и выбранные вами чиновники. Кто как нельзя лучше влияет на нас, как не ведомства и профессионалы, которым мы привыкли оказывать доверие? Кто наилучшим образом убедит нас в чем-то, как не представитель власти?

В самом деле, профессионалы играют ключевую роль в поддержке насильственных идеологий. Один из способов, какими они это делают, заключается в моделировании установок идеологии. В случае с карнизмом профессионалы моделируют мнения и практики в отношении животных в соответствии с политикой и рекомендациями — и характерным поведением. Взять, скажем, поддержку Американской ассоциации ветеринаров — «голоса ветеринарного сообщества» — станков для свиноматок, стойл 60-сантиметровой ширины, в которых свиньи содержатся в период беременности. Как я уже упоминала в третьей главе,

эти элементы оборудования считаются негуманными и запрещены во многих странах, и даже корпорации вроде McDonald's выступают против них. Также не стоит забывать, что большинство ветеринаров ест животных и носит сделанную из них одежду.

Профессионалы также моделируют установки системы карнизма, выступая в качестве «голоса разума», как «рациональные и умеренные во взглядах люди» в дебатах относительно обращения с животными. Таких людей называют «общественными критиками», потому что они дают обоснования системе, поддерживая всеобщую идеологию и противостоя при этом некоторым из ее наиболее консервативных обычаев. В силу контраста с позицией умеренного рационалиста мнение того, кто противостоит системе, воспринимается обществом как мнение «иррационального экстремиста». Самый наглядный пример умеренного рационалиста — это ветеринар, который протестует против определенных практик промышленного животноводства, но регулярно ест мясо.

Другой способ поддержки мифотворцами насильственной идеологии заключается в патологизировании или опровергании тех, кто ее не поддерживает, как, например, в случае с психологами, которые предполагают у женщины, отказывающейся есть мясо, расстройство питания, или в ситуации с врачами, предупреждающими пациентов о вреде вегетарианства, несмотря на обилие информации, говорящей об обратном. Однако, хоть профессионалы и жизненно необходимы для поддержания карнизма, в целом они не укрепляют идеологию сознательно. Профессионалы — это просто люди, которые делают свою работу; это люди, выращенные внутри системы, и следовательно, как и все мы, видят мир чезе призму карнизма.

Но далеко не все мифотворцы не осведомлены об историях, которые они нам закручивают. Другая группа мифотворцев — представители промышленного животноводства — активно поддерживает мифы о мясе, оказывая влияние на институты и профессионалов, которые в свою очередь воздействуют на политику и общественное мнение. Примером такого союза служит партнерство Американской ассоциации диетологов (ADA) и Национального совета по молочному животноводству. ADA — крупнейшая в стране организация диетологов, она также управляет органом, который осуществляет аккредитацию университетов, выдающих дипломы специалистам по правильному питанию; все зарегистрированные диетологи должны заканчивать один из университетов, аккредитованных ADA. Национальный совет по молочному животноводству — один из главных «корпоративных спонсоров» ADA. По словам самой ADA, ее программа корпоративного спонсорства предоставляет «доступ к ключевым людям, авторитетным экспертам и ответственным лицам в рыночной нише продовольствия и питания». ADA добавляет, что спонсор «может извлекать дивиденды для достижения маркетинговых целей... получать доступ к лидерам рынка продовольствия и питания, которые влияют на решения о важнейших покупках и делают их... и определяют степень соответствия бренда запросам крайне желанной целевой аудитории ADA».

Другими словами, носители государственной власти, такие как Национальный совет по молочному животноводству, «спонсируют» институты профессионалов вроде ADA, которые всегда смогут, скажем, установить и объяснить официально рекомендуемую норму из трех чашек

молока в сутки, невзирая на убедительные сведения, связывающие употребление молока с риском сердечно-сосудистых заболеваний, различными видами рака и диабетом.

Однако, хотя мифотворцы и искажают правду, их главная роль сводится не к созданию новых мифов, а к тому, чтобы поддерживать процветание уже существующих. То есть они функционируют в основном как *агенты* мифов.

Многие мифы достались нам по наследству, от прошлых поколений; поскольку системы всегда больше, чем суммы их частей, они не умирают естественной смертью, а живут неопределенно долго. Системы похожи на пчелиные ульи: даже если отдельные пчелы умирают, рой упорно продолжает существовать. Таким образом мифотворцы вновь и вновь пускают в оборот мифы о мясе, при необходимости корректируя тот или иной для соответствия текущим тенденциям в обществе.

ОСПАРИВАЯ АВТОРИТЕТЫ

Результаты сегодня уже ставшего классическим исследования Стенли Милгрема, посвященного изучению подчинения власти, показали, насколько мы уязвимы перед авторитетными лицами. В начале 1960-х Милгрем набрал сорок мужчин-добровольцев и сказал им, что они будут играть роль «учителей» в его эксперименте на тему эффектов наказания при обучении. Когда являлся очередной доброволец, ему давали в пару «ученика». «Учителя» этого не знали, но все «ученики» были сообщниками Милгрема. Пару отводили в комнату, где ученика привязывали к стулу, к его телу подсоединяли провода, которые для учителя называли электродами. Им объясняли, что учитель должен произносить пары слов, которые ученику надлежит запоминать, а если он будет повторять их неправильно, учителю надлежит бить его током. И с каждой последующей ошибкой напряжение будет возрастать. Затем учителя отводили в другую комнату, где ему показывали, как пользоваться пультом, якобы подключенным к электродам на ученике. Напряжение на пульте варьировалось от 15 до 450, а следующим после 450 был режим, обозначенный словами «Опасно — высокое напряжение».

На начальных этапах эксперимента ученик правильно запоминал пары слов. Но потом он начинал ошибаться. После первых нескольких разрядов ученик принимался стонать и производить звуки, свидетельствующие о дискомфорте. Когда доходило до 150 вольт, ученик уже жаловался на то, что ему больно, и настаивал, чтобы его освободили от участия в эксперименте. На уровне в 285 вольт он кричал и бился в агонии. Все это время Милгрем приказывал учителю продолжать. И большинство учителей продолжали: шокирующие 34 из 40 добровольцев продолжали бить учеников током даже после того, как те требовали освобождения, а 26 из 34 продолжали пускать разряды вплоть до 450 вольт. Учителя явно переживали стресс, они потели, держались за голову, жаловались — но все равно продолжали.

Милгрем повторял эксперимент снова и снова, с различными группами в разнообразных контекстах, и каждый раз результаты получались одинаковыми. Он пришел к заключению, что *подчинение власти доминирует над сознанием*.

Вывод Милгрема заставляет содрогнуться, но не удивляет. История изобилует примерами злодеяний, от несправедливых войн до практик геноцида, каждое из которых стало возможным благодаря миллионам людей, которые подчинялись диктатуре их лидеров, миллионам людей, чье сознание было деактивировано представителями власти.

Вместе с тем Милгрем обнаружил два смягчающих обстоятельства в подчинении человека власти: способность подвергать сомнению легитимность авторитетного лица и дистанцию между подчиненным и властью. Например, когда в рамках эксперимента команды учителям бить учеников токком давал «обычный человек» (некто, непохожий на ученого), степень послушания падала на две трети; добровольцы видели в этом человеке скорее равного себе, чем начальника. Точно так же, когда никого старшего не было в комнате с учителями, подчинение опять-таки снижалось на две трети: учителя начинали жульничать.

Милгрем резюмирует, что мы идем против своего сознания, потому что когда команда поступает от кого-то, кого мы воспринимаем, как законную власть, мы не ощущаем себя в полной мере ответственными за наши действия. И чем ближе этот человек к нам находится — будь то врач, дающий нам совет по питанию, или знаменитость по телевизору, которая утверждает, что молоко «полезно для тела» — тем вероятнее, что их авторитет возьмет верх над нашим собственным. Пока мы не научимся подвергать сомнению внешний авторитет и признавать свой собственный, внутренний, мы продолжим следовать указаниям тех, кто поддерживает статус-кво.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗНАК ОДОБРЕНИЯ: ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ

Нацистский разрушительный процесс требовал сотрудничества каждого сектора немецкого общества. Бюрократы составляли определения и постановления; церкви давали сведения об арийском наследии; почтовые службы передавали сообщения о депортации; корпорации избавлялись от еврейских сотрудников и захватывали их собственность; железные дороги перевозили жертв к местам казни... Операция требовала и получала участие каждого основного социального, политического и религиозного института Третьего Рейха.
—Ричард Рубенштейн, теолог

Практическая цель мифов заключается в том, чтобы *легитимизировать* систему. Когда идеология узаконена, ее установки одобряются всеми социальными институтами, и три «н» распространяются через все социальные каналы. Действия в соответствии с идеологией законны, она воспринимается как разумная и этичная. Следовательно, установки противоречащих ей идеологий рассматриваются как неправомерные, вот почему, вегетарианцы, например, не могут выдвигать обвинения в убийстве животных против владельцев промышленных ферм.

И хотя в легитимизации идеологии принимают участие все институты, два из них играют ключевую роль: это правовая система и новостные СМИ. Помещение установок идеологии в юридическую

плоскость придает системе согласованности. Подумайте, скажем, над тем, насколько правовой статус животных укрепляет употребление мяса. Согласно законам США, субъект права может быть либо физическим или юридическим лицом, либо законной собственностью. Юридическое лицо обладает основными правами, в особенности правом жизнь свободно, не будучи физически притесняемым другим физическим или юридическим лицом. В противовес этому, законная собственность лишена каких-либо прав; только лицо, владеющее этой собственностью, имеет права, в связи с чем можно, скажем, засудить кого-то, кто повредил вашу машину, но сама машина не может выдвинуть обвинения.

Сегодня все люди — физические или юридические лица (пусть когда-то конституция и классифицировала рабов, как людей — на 3/5, и на 2/5 — как имущество), в то время как все животные — собственность, и лица имеют права поступать с животными как с их прочим имуществом, за несколькими исключениями. Поэтому животных продают и покупают, едят и носят одежду, сделанную из них, а части их тел используются в товарах столь широкого спектра, что не соприкоснуться с этой системой попросту невозможно. Побочные продукты животного происхождения можно обнаружить в таких вещах, как теннисные мячи, обои, пластырь и фотопленка.

Новостные СМИ, наш основной источник информации, подпирают карнизм, работая, как прямой канал от идеологии к потребителю. Когда речь идет о карнизме, СМИ не в состоянии противостоять системе, поэтому они укрепляют защитные механизмы карнизма: поддерживают незаметность системы и подтверждают оправдания употребления мяса.

Один из способов, которыми СМИ поддерживают незаметность карнизма — посредством *умолчания*. Десять миллиардов животных, убиваемых год за годом, и страшные последствия современных практик промышленного скотоводства откровенно удерживаются вне общественного дискурса. Часто ли вы видите, как СМИ демонстрируют жестокое обращение с сельскохозяйственными животными и порочные практики карнистской индустрии? Сравните это число с количеством материалов, посвященных колеблющимся ценам на бензин и разоблачению голливудских дизайнеров-бездарей. Именно поэтому большинство из нас куда больше бесится от перспективы переплачивать полтора цента за литр бензина, нежели в связи с тем, что миллиарды животных, миллионы людей и целые экосистемы систематически эксплуатируются индустрией, которая получает прибыли от такого неоправданного насилия. И большинство из нас знает куда больше о вечерних туалетах звезд, чем о животных, которых мы едим.

СМИ также поддерживают незаметность системы с помощью *табуирования*, то есть активно препятствуя проникновению антикарнистской информации по их каналам к потребителям. Так, в 2004 году CBS отказалась от \$2 миллионов, которые PETA давала за антимиасную рекламу к размещению в промежутках между трансляциями матча Суперкубка. Телекомпания заявила, что она не пускает в эфир «социальную рекламу». Вместе с тем CBS транслировала ролик против курения во время игры, не говоря уже о том, что компания регулярно дает рекламу, пропагандирующую употребление мяса.

Иногда, разумеется, производство мяса попадает в объектив телекамер. Но когда это происходит, информация подается как вопиющий

случай, но не как норма. Например, при разборе истории с неходячими животными, переработанными в школьные завтраки, о которой мы упоминали в третьей главе, не было упоминаний ни о том, что предприятие *неоднократно* получало небезосновательные претензии Общества защиты животных США, ни о потенциальном распространении подобных практик среди карнистских корпораций. Таким образом, негодование общественности было направлено против конкретной компании в связи с конкретным случаем, а сама система осталась нетронутой.

Системе удастся избегать нападок, поскольку СМИ представляют установки карнизма, как факт, а не как мнение, а поборников карнизма — как правдорубов, а не как мифотворцев. Ведущие медиа-издания, например, регулярно посвящают целые сюжеты тому, как провести праздники, организованные вокруг употребления мяса, рассказывая, как приготовить традиционную индейку на День благодарения или сварганить шашлыки на День независимости. А врачи и диетологи, появляющиеся в СМИ, буквально всегда защищают карнизм, зачастую выражая «рациональную и умеренную» позицию — например, рекомендуя зрителям заменять жирное мясо на нежирное.

Новостные СМИ преподносят нам карнизм не только как тезис о том, «что просто так устроен мир», но еще и как образец того, как он должен быть устроен, задуман и сотворен. Иначе говоря, новостные СМИ приносят в наши дома три «н».

ЕСТЬ МЯСО НОРМАЛЬНО

Обычай примиряет людей с любым злодейством.
— Джордж Бернارد Шоу

Когда установки идеологии представляются нам нормальными, это означает, что идеология стала *стандартом*, а ее установки — *социальными нормами*. Социальные нормы не просто наглядны — то есть, живописуют то, как живет большинство людей — они еще и предписывают, диктуют, как нам *следует* себя вести. Нормы выстраиваются обществом. Они не врожденные, они не поступают от Бога (хотя некоторых из нас и учили иначе); они создаются и поддерживаются людьми и служат для того, чтобы мы придерживались определенной линии поведения, и система оставалась невредимой.

Нормы заставляют нас придерживаться определенной линии поведения, прокладывая для нас пути и уча, как вписываться в заданные роли. Путь нормы — это путь наименьшего сопротивления; это маршрут, который мы берем на автопилоте, когда мы даже не осознаем, что мы ложимся на курс, который сознательно не выбирали. Большинство людей, едящих мясо, не имеют ни малейшего понятия о том, что они ведут себя в соответствии с установками системы, которая определяет многие из их ценностей, предпочтений и шаблонов поведения. То, что они называют «свободой выбора» — это на самом деле четко составленный для них набор вариантов, выбранных за них. Они не осознают, например, что их научили ценить человеческую жизнь настолько выше жизни других животных, что им кажется приемлемым ставить свои вкусовые предпочтения над жизнью других существ. И вымачивая путь

наименьшего сопротивления, нормы скрывают альтернативные пути и представляют ситуацию так, словно другого пути нет; как мы уже говорили во второй главе, употребление мяса подается как данность, а не как выбор.

Другая методика, с помощью которой нормы заставляют нас придерживаться маршрута — это награда за послушание и наказание за своеволие. В практическом и социальном плане есть мясо значительно проще, чем не есть. Мясо повсеместно доступно, в то время как альтернативы необходимо выискивать и порой нелегко достать. Например, многие рестораны до сих пор не имеют никаких вегетарианских блюд в меню, а стандартная вегетарианская опция, такая как рис с фасолью, нередко готовится на животным жире или мясном бульоне. И вегетарианцам часто приходится объяснять, чем обусловлен их выбор, защищать свой тип питания и извиняться за то, что они причиняют другим неудобства. В отношении вегетарианцев сложился стереотип, согласно которому они — хиппи, у них расстройство приема пищи и порой, что они человеконенавистники. Их называют лицемерами, если они носят кожу, и экстремистами — если нет. Им приходится жить в мире, где их безостановочно бомбардируют образами и мнениями, которые оскорбляют их глубочайшие убеждения. Поэтому куда проще соглашаться с карнистским большинством, нежели отклоняться от пути наименьшего сопротивления.

Нормы проявляются в повседневном поведении, равно как обычаи и традиции. Когда поведение обусловлено обычаем или традицией, ее долголетие и роль в поддержании системы куда сложнее подвергнуть сомнению и намного проще оправдывать. Например, для многих людей День благодарения перестал бы быть Днем благодарения без индейки на столе; праздничный стиль оспаривается редко.

ЕСТЬ МЯСО НАТУРАЛЬНО

*Нацизм, в отличие от любой другой
политической философии
или партийной программы,
согласуется с естественной историей
и биологией человека.*

—Рудольф Рамм, нацистский медицинский эксперт

Большинство из нас уверены, что есть мясо естественно, потому что люди ели мясо и охотились тысячи лет подряд. И это действительно правда, что мы употребляли мясо, как часть нашего рациона всеядных, по меньшей мере 2 миллиона лет (хотя бóльшую часть этого времени наш тип питания был преимущественно вегетарианским). Но справедливости ради нужно сказать, что детоубийство и просто убийство, изнасилование и каннибализм были с нами по меньшей мере столько же, сколько и мясоедение и, следовательно, точно так же «естественны» — однако мы не взываем к истории этих практик с целью их оправдания. Так же как и в случае с другими проявлениями насилия, в отношении мяса мы должны различать понятия *естественного* и *оправданного*.

«Естественное» становится «оправданным» через процесс *натурализации*. Натурализация — это то же самое для естественного, что и

стандартизация — для нормального. Когда идеология натурализуется, ее установки представляются согласованными с законами природы (и/или с законами Бога, в зависимости от того, на науке или на религии — или на них обеих — основывается система убеждений). Натурализация отражает убеждение в том, что порядок вещей был *задуман* таким, какой он есть; так, употребление мяса воспринимается как простое следование естественному ходу истории. Натурализация поддерживает идеологию, обеспечивая ей биологические основания.

Так же как нормы, многие натурализованные шаблоны поведения выстроены, и никого не должно удивлять то, что выстроены они теми, кто помещает себя на верхушку «естественной иерархии». Вера в биологическое превосходство определенных групп веками использовалась для оправдания насилия: африканцы «по природе своей» подходили для рабства; евреи «по природе своей» воплощали зло и уничтожение Германии, если только не будут истреблены; женщины «по природе своей» были собственностью мужчин; животные «по природе своей» существуют для того, чтобы люди их ели. Вспомнить, например, как мы называем животных, которые созданы для того, чтобы мы их использовали в пищевых целях: мы называем их «сельскохозяйственными» животными, «бройлерными курами», «дойными коровами» и «курами-наседками». Даже великий философ Аристотель призывал на помощь биологию и искаженную логику для соответствия нормам своей эпохи, когда утверждал, что мужчины естественным образом превосходят женщин, а рабы биологически предрасположены служить свободным людям. А теперь возьмем главное оправдание карнизма, естественный порядок так называемой пищевой цепи. Люди предположительно находятся на вершине этой цепи, хотя у цепи, по определению, не бывает никакой вершины, а если бы она и существовала, то на ней бы располагались плотоядные, а не всеядные.

Ключевые дисциплины, поддерживающие натурализацию — это история, религия и наука. История представляет нам избранную перспективу и «факты», которые доказывают, что идеология всегда существовала. Историческая призма стремится обессмертить идеологию, создавая видимость того, что она всегда существовала и, следовательно, всегда будет существовать, поскольку так устроен мир. Религия призвана отстаивать идеологию, как нечто божественно предписанное, тогда как наука предоставляет идеологии биологическую основу. Важность религии и науки в процессе натурализации идеологии помогает объяснить, почему духовность и интеллект всегда были популярными критериями, по которым та или иная группа определяла себя как естественным образом превосходящую другие.

Когда опыты на животных были еще более обычной научной практикой, чем сегодня, математик и философ Рене Декарт прибил лапы собаки своей жены гвоздями к доске, чтобы вскрыть ее без анестезии, и утверждал, что в отличие от людей и подобно другим животным, собака — это бездушная «машина», чьи крики боли ничем не отличаются от шестеренок часового механизма, автоматически реагирующих на заведение. А Чарльз Дарвин заявлял, что поскольку мужчины предположительно появились на свет с большей способностью к рациональному мышлению, чем женщины, в ходе эволюции мужчины выработали превосходство перед женщинами. Коротко говоря,

натурализация делает идеологию исторически, божественно и биологически неоспоримой.

ЕСТЬ МЯСО НЕОБХОДИМО

*Мы, на Юге, не можем и не будем
отказываться от наших порядков.
Поддержание существующих отношений
между двумя расами необходима
для мира и счастья обеих.*

—Джон К. Кэлхун, бывший вице-президент США

Убеждение в том, что есть мясо необходимо, тесно связано с убеждением в том, что есть мясо естественно; если употребление мяса — это биологический императив, значит, оно являет собой необходимость для выживания человеческого вида. И, как и в случае со всеми насильственными идеологиями, это убеждение отражает краеугольный парадокс системы: убийство необходимо для большего блага; выживание одной группы зависит от уничтожения другой.

Убеждение в том, что есть мясо необходимо, позволяет системе казаться неизбежной: если мы не можем существовать без мяса, значит, отказ от мяса равносителен самоубийству. И хотя мы знаем, что жить без поедания мяса вполне возможно, система никуда не девается, словно этот миф — чистая правда. Это слепое предположение, которое разоблачается только тогда, когда ему бросают вызов.

С этим связан миф о том, что мясо необходимо для нашего здоровья. Этот миф тоже упорно держится перед лицом всеобъемлющих сведений об обратном. Если уж на то пошло, результаты исследований показывают, что употребление мяса вредно для здоровья и связано с развитием некоторых из основных заболеваний современного индустриально развитого мира.

БЕЛКОВЫЙ МИФ

Но откуда вы берете белок?

Зачастую это первый вопрос, какой получает вегетарианец, поведав собеседнику о своем типе питания. Вообще, этот вопрос столь популярен, что служит темой анекдотов среди вегетарианцев по всему миру. Я пишу «анекдотов», потому что вопрос отражает один из главных, если не главный, наиболее распространенных и нереальных мифов карнизма: миф о том, что мясо — это незаменимый источник белка. Вегетарианцы называют это недоразумение Белковым мифом.

Страх перед возможным дефицитом белка особенно присущ мужчинам, поскольку (животный) белок традиционно ассоциируется с построением мышц. Мясо долгое время было символом мужественности, так как воплощало в себе силу, мощь и половую активность; и наоборот, растительная пища соотносилась с женским началом и, как правило, связывалась с пассивностью и слабостью (взять, например, слово «овощ», используемое для описания вялого человека).

Существует постоянно растущий большой объем литературы, изучающей то, как воспитывалась мускулиность — в ущерб людям и обществу: в основном вокруг доминирования, контроля и насилия. И нет

ничего странного в том, что использование (и порой убийство) животных было главной характерной чертой мужественности.

Так же, как и другие мифы о мясе, Белковый миф живет несмотря на многолетние, широко распространенные и научно состоятельные данные об обратном. Он функционирует для оправдания продолжающейся практики употребления мяса и поддержки карнистской парадигмы. Тем не менее, он остается мифом. Вот что говорят врачи по этому поводу:

«В начале 1900-х американцам велели есть свыше 100 граммов белка в сутки. И только в 1950-е людям, заботящимся о здоровье, посоветовали увеличить норму приема белка. Сегодня американцам свойственно употреблять вдвое больше белка, чем им требуется, в то время как избыток белка приводит к таким заболеваниям, как остеопороз, болезни почек, камни в мочевом пузыре и некоторые виды рака. Мышцы людей строятся из аминокислот, которые человек получает с белками в пище. Разнообразный рацион, содержащий фасоль, чечевицу, злаки и овощи, включает в себя все незаменимые аминокислоты. Когда-то считалось, что различные виды растительной пищи необходимо употреблять вместе для получения полной белковой ценности, однако сегодняшние исследования показывают, что дело вовсе не в этом. Чтобы получать питание, которое содержит достаточно белка, но не слишком много, человеку достаточно заменить продукты животного происхождения злаками, овощами, бобовыми (горох, фасоль, чечевица) и фруктами. Если человек ест разнообразные виды растительной пищи в достаточных для поддержания его веса количествах, значит его тело получает белка вдоволь».

Один, особенно потрясающий миф о необходимости мяса — это убеждение в том, чтобы мы должны продолжать есть его, потому что если мы перестанем делать это сейчас, мир захватят свиньи, куры и коровы. Что, хотелось бы знать, мы будем делать с этими животными? Разумеется, если мы перестанем есть мясо, мы перестанем выращивать животных для этой цели в первую очередь, поэтому нам не грозит страдать от расплодившихся популяций сельскохозяйственных животных. Внутри этого мифа содержится еще один — парадокс, типичный для всех насильственных идеологий: убийства должны продолжаться для оправдания всех уже совершенных убийств. В тот момент, когда масса насилия достигла определенной точки, разворот в обратном направлении видится невозможным.

Другой миф о необходимости употребления мяса гласит, что убийство — это экономический императив. И хотя экономические мотивы двигали многими насильственными идеологиями — так, экономика Нового Света в существенной мере зависела от рабского труда, а отъем золота и других ценностей наряду с неоплачиваемым трудом нацистских жертв финансировали немецкую военную машину, — это вовсе не значит, что экономика рухнет, если убийства прекратятся. Куда более вероятно, что обрушится экономический статус-кво; от падения карнизма пострадает правление корпораций, а вовсе не население.

Даже если бы экономика зависела от карнизма, следовало бы задаться вопросом о том, оправдывает ли зависимость продолжающееся насилие. Для большинства людей это не так. История раз за разом демонстрирует, что когда граждане узнают о насильственных идеологиях, они требуют перемен. Именно поэтому злодеяния карнизма держатся в

секрете, а мифы о карнизме подкрепляются изо всех сил: мы должны верить в то, что мы — информированные потребители и свободные люди, функционирующие в демократической системе и проявляющие свободу воли.

МИФ О СВОБОДЕ ВОЛИ

Насильственным идеологиям необходимы послушные сторонники, а большинство американцев не стали бы намеренно причинять вред животным. Поэтому людей необходимо принуждать поддерживать систему.

Однако принуждение эффективно лишь до тех пор, пока оно остается незамеченным. Мы должны верить в то, что действуем исключительно по доброй воле, когда покупаем и употребляем части трупов животных; мы должны верить в Миф о свободе воли.

Разумеется, никто не приставляет пистолет к вашему виску, когда вы едите мясо, но им это и не требуется. С того момента как человека отлучают от материнской груди, он ест животных. Вы сами решили, что будете кушать те котлеты в детском саду? Или, быть может, вы никогда не ходили с семьей в McDonald's? Подвергали ли вы сомнениям слова родителей и врачей, когда они утверждали, что мясо сделает вас сильным? Вы когда-нибудь вылавливали тефтели из супа с мыслью о том, откуда они вообще взялись? Если так, то как вели себя люди вокруг: поощряли ли они вашу любознательность и стремление повысить сознательность или спешили восстановить ваше онемение и уверить в добродетелях карнизма?

Вероятнее всего, шаблон, связавший вас с мясом, был установлен еще до того, как вы начали говорить, и поддерживался непрерывно всю вашу жизнь. И именно в этом потоке непрерывной практики мы можем заметить, как карнизм вымывает свободу воли из нашей жизни.

Шаблоны мысли и поведения, установленные задолго до того, как мы начали действовать в роли людей со свободной волей, вплетаются в ткань нашей психики и определяют наш выбор невидимой рукой. А если чему-то случится вторгнуться в наши привычные взаимоотношения с мясом — например, мы мимоходом увидим процесс забоя, — то тщательно разработанная система, составляющая защитную структуру карнизма, без промедления затянет нас назад. *Карнизм блокирует перебои в сознании.*

Невозможно проявлять свободу воли, находясь внутри системы. Свобода воли требует сознательности, а наши всепроникающие и глубоко сидящие шаблоны мысли бессознательны; они находятся вне нашей осведомленности и следовательно бесконтрольны.

Пока мы находимся в системе, мы смотрим на мир глазами карнизма. А до тех пор, пока мы не смотрим на мир своими собственными глазами, мы будем жить в соответствии с убеждениями, которые мы сами не выбирали.

Мы должны выйти из системы, чтобы вновь обрести утраченное сопереживание. Мы должны выйти из системы и сделать выбор, отражающий то, что мы действительно чувствуем, а не то, что нас так старательно учили чувствовать. Мы должны научиться отстаивать то, во что по-настоящему верим, а не то, во что нас заставляли верить.

ГЛАВА 6. КАРНИСТСКОЕ ЗЕРКАЛО: УСВОЕННЫЙ КАРНИЗМ

Величайший враг знания не невежество, а иллюзия знания.
—Стивен Хокинг

Представьте, словно все, что составляет вашу реальность — ваш дом, ваша работа, ваша семья, ваша *жизнь* — всего лишь иллюзия, виртуальная реальность, сфабрикованная компьютерной матрицей, к которой подключен ваш мозг и мозги всех остальных людей. Вообразите, как эта матрица использует нас в качестве батарей; она высасывает из нас энергию, чтобы поддерживать собственное существование и заставляет нас чувствовать себя довольными, будучи невидимой и создавая иллюзию нашей свободы.

Такова тема фильма «Матрица», блокбастера, получившего столь широкий резонанс и столько миллионов зрителей, что его уже считают современной классикой. Классика получает свой статус благодаря тому, что обращается к важнейшему человеческому опыту. Классика озвучивает истину, которая во многом была туманна и поэтому невысказанна. «Матрица» заставляет нас задаться вопросом о том, что мы видим, и как мы относимся к тому, что видим. Она заставляет нас проявлять любопытство к тому, что именно мы думаем и почему мы думаем так, а не иначе. Морфей, один из основных персонажей фильма, объясняет главному герою, Нео: «Матрица повсюду. Она вокруг нас. Даже сейчас, в этой самой комнате. Ты увидишь ее, если выглянешь в окно или если включишь телевизор. Ты можешь ощущать ее, когда идешь на работу... когда идешь в церковь... когда платишь налоги. Это мир, натянутый перед твоими глазами, чтобы скрыть от тебя правду... это тюрьма для твоего разума».

Разум Нео был узником матрицы, системы, столь глубоко укоренившейся, что она эффективно лишала его способности думать за себя. Принимая иллюзии матрицы за реальность, Нео заверял подлинность системы; он выступал одновременно пленником и тюремщиком, жертвой и преступником.

Точно так же матрица мяса, то есть карнизм, заставляет нас участвовать в своем собственном принуждении, выполняя за систему ее работу: мы отрицаем, избегаем и оправдываем карнизм. Когда наш разум пленен карнизмом, мы видим мир — и нас самих — глазами системы. В результате мы получаемся не такими, какие мы есть, а такими, какими нас хочет иметь система: мы — пассивные потребители, а вовсе не активные граждане. Механизмы системы вросли в наше сознание. Мы *усвоили* карнизм.

КОГНИТИВНОЕ ТРИО

Карнизм искажает реальность: если мы не видим животных, которых едим, это не значит, что их не существует. Если система не выявлена и не названа, это еще не значит, что ее нет. Неважно, как далеко они заходят и насколько глубоко пускают корни, мифы о мясе — это не факты о мясе.

Усвоенный карнизм искажает наше восприятие реальности: хотя животные и чувствующие создания, мы воспринимаем их как ожившие предметы; хотя они и личности, мы воспринимаем их как абстракции —

как «стадо» вещей. А в отсутствие объективной, убедительной информации мы воспринимаем их так, словно их предназначение для употребления людьми заведомо определено их биологическим видом. Например, если каким-то образом, несмотря на все усилия системы, нам случится увидеть одну из свиней, которым суждено стать мясом на тарелке, мы не воспримем его или ее как чувствующее создание, или как личность, имеющую интересы и предпочтения. Вместо этого мы воспримем «свинство» свиньи (нечистоплотность, разгильдяйство и так далее) и его или ее «съедобность». Воспринимая свинью подобным образом, мы задействуем три механизма защиты, которые я называю когнитивным трио.

Когнитивное трио образуется объективизацией, деиндивидуализацией и дихотомизацией. Эти защитные механизмы представляют собой нормальные психологические процессы, которые начинают искажать реальность, когда их используют избыточно, как того требует забота системы о сохранности карнизма. И, в отличие от некоторых других видов защиты, эти механизмы более встроенные и менее осознанные и преднамеренные; они имеют куда меньше отношения к тому, *что* мы думаем, нежели к тому, *как* мы думаем. Каждый механизм когнитивного трио оказывает свой уникальный эффект на наше восприятие животных. Но настоящая сила трио определяется той гармонией, в которой функционируют его составляющие. Как и в случае с музыкальным трио, общее здесь превышает сумму его отдельных частей.

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ: ВОСПРИЯТИЕ ЖИВОТНЫХ КАК ВЕЩЕЙ

*Чем больше видишь ягнят без головы,
тем меньше думаешь о них, как о животных,
а уже смотришь на них, как на продукт,
с которым работаешь.*
—Тридцатиоднолетний мясник⁸

Объективизация — это процесс рассмотрения живых созданий как неодушевленных предметов, вещей. Животные объективизируются множеством способов, и среди наиболее заметных — посредством языка. Объективизация языковыми средствами — это мощный инструмент построения дистанции. Подумайте, например, над тем, как рабочие скотобоев относятся к животным, которых собираются убить: они воспринимают их скорее как объекты, нежели как живых существ: кур здесь называют *бройлерами*, свиней — *ветчиной*, коров — *говядиной*. А Минсельхоз называет дойных коров *выменами*, а животных вообще — *единицами*. Карнизму необходимо, чтобы мы использовали такой объективизирующий язык; подумайте о том, как бы вы чувствовали себя, если бы, например, спрашивали о бройлерной курице в ресторане, как о *ком-то*, а не о *чем-то*.

Объективизация легитимизируется не только через язык, но также посредством институтов, законодательства и политики. Например, как мы уже обсуждали в пятой главе, закон классифицирует животных, как

---

⁸ Избранные цитаты в этой главе взяты из различных интервью, сделанных мной для написания докторской диссертации на тему психологии мяса.

собственность. Когда мы можем покупать, продавать или обменивать кого-то, как подержанную машину — или даже как запчасти от подержанной машины — мы в буквальном смысле овеществляем его. Рассматривая животных, как объекты, мы можем поступать с их телами соответствующим образом, без морального дискомфорта, который мы в противном случае ощущали бы.

ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ: ВОСПРИЯТИЕ ЖИВОТНЫХ КАК АБСТРАКЦИЙ

*Я не думаю о сельскохозяйственных животных, как о личностях.
Я бы не смог выполнять мою работу, если бы у меня с ними
было что-то личное... Когда вы говорите о личности,
вы имеете в виду уникальное существо, имеющее имя и
персональные характеристики, свои любимые игры? Да?
Ну, что ж, я бы действительно предпочел этого не знать.
Уверен, у них это есть, но я бы предпочел этого не знать.
—Тридцатиоднолетний мясник*

Деиндивидуализация — это процесс рассмотрения животных исключительно в рамках их групповой идентификации, когда считается, что каждый представитель группы располагает теми же характеристиками, что и любой другой. Когда бы мы ни сталкивались с группой индивидов, отличающихся от нас, нам свойственно думать о них, по крайней мере, в какой-то мере, как о группе. Чем больше группа, тем более вероятно, что целое заслонит для нас его отдельные части; когда вы думаете о нации, вы, наверное, прежде всего думаете о ее гражданах, как о членах группы, которой вы предписываете набор характеристик. Деиндивидуализация, однако, позволяет воспринимать других *только* как составные части целого; это неспособность ценить индивидуальность отдельных частей, составляющих целое. Это как раз случай с нашим восприятием животных, которых мы едим.

Например, как я упомянула ранее, когда вы думаете о свиньях, которых вырастили на мясо, вы, вероятно, не думаете о них, как о личностях с определенными интересами и предпочтениями. Вы скорее предствляете их, как абстракции, как группу. Как и другие группы, которые в истории выступали в роли жертв насильственных идеологий, свиньи, выращиваемые на мясо, имеют номера, но не имена, и для тех, кто их выращивает, больше ничем не отличаются: свинья — это свинья, и все свиньи одинаковы. Но представьте, как бы вы чувствовали себя, если бы на упаковке с хот-догом помещались имя, фотография и описание свиньи, от которой было получено это мясо; или если бы вы были знакомы с одной из тех свиней, которым суждено было стать вашей едой. Безумное число моих студентов, а также карнистов и мясников, у которых я брала интервью для моего исследования, сообщали, что после того, как они познакомились с «пищевым» животным, они не могли себе представить, как можно съесть это конкретное животное, а некоторые испытывали дискомфорт при мысли об употреблении мяса других животных этого вида. Так, тридцатиоднолетний мясник сказал мне: «У меня было бы другое восприятие свиней, если бы у меня дома, как домашнее животное, жила

свинья... Я бы попросту представлял своего питомца всякий раз, как кто-то при мне готовил бы ребрышки или что-то в этом духе».

Отрицательные реакции при мысли об эксплуатации (или приготовлении мяса) лично знакомого животного зафиксированы во множестве культур по всему миру и могут быть довольно сильными. Например, индейские женщины из окрестностей Кито в Эквадоре так же привязаны к своим курам, как американцы — к кошкам и собакам, и когда обстоятельства толкают этих женщин продавать кур на мясо, они делают это со слезами и пронзительными криками. Стоят упоминания и ответы моих респондентов, которых я спрашивала об их возможной реакции на перспективу поедания мяса сельскохозяйственного животного, с которым они лично знакомы. Тридцатипятилетняя карнистка ответила мне: «Я бы чувствовала себя виноватой, если бы ела такое мясо... Я имею в виду, я бы ощущала себя так, словно я убила это животное. И чего ради? Понимаете, к чему я веду? Я себе этого даже не представляю. Если животное — домашний питомец, то это уже за гранью, понимаете? Когда оно умирает, ты его хоронишь; оно своего рода член семьи».

Эхом этих слов прозвучал ответ пятидесятивосьмилетнего мясника: «Я бы долго голодал, прежде чем согласился съесть моего питомца [свинью]... потому что стоит мне узнать его или ее по-настоящему хорошо, как мне бы стало оскорбительно есть моего друга». Вместе с тем, когда я спросила, почему он не чувствует того же самого по отношению к свиньям, которых режет на работе, он ответил: «Я воспринимаю их всех, как еду. Если бы кто-то выращивал кого-то из них, как питомца, это было бы совсем другое».

Тридцатиоднолетний карнист, выращивавший и убивавший животных на родине в Зимбабве, сказал мне: «Я бы не стал есть то, чему я дал имя... Для меня это как друг. В этом случае ты ешь животное, с которым у тебя тесные взаимоотношения».

Другой, двадцативосьмилетний карнист заявил, что ему даже не требовалось бы быть лично знакомым с животным, чтобы ощущать дискомфорт в связи с наличием у него или нее индивидуальности: «Даже если, скажем, какое-то животное живет в клетке с сотнями других, если ты проводишь эту связь, говоря, что он или она — личность, то животное становится на один уровень с домашним питомцем. Как можно убить домашнего питомца? Как можно убить свинью, которая находится с загоне с сотнями других?»

Признание индивидуальности жертвы препятствует процессу деиндивидуализации, осложняя процесс поддержания психологической и эмоциональной дистанции, необходимой для причинения ей вреда.

ЦИФРЫ И ОНЕМЕНИЕ

Психолог Пол Слович изучил связь между множеством жертв травматических ситуаций и реакциями свидетелей на их страдания. Он обнаружил, что чем больше было жертв, тем больше их личности размывались, тем больше они деперсонализировались для свидетелей и тем меньше свидетелям было дела до происходящего — и это размывание наступало уже начиная с двух жертв. Слович утверждает, что числа и онемение идут рука об руку. Это означает, что индивидуальные жертвы,

как среди людей, так и среди животных, с куда большей вероятностью вызовут в нас сочувствие, чем группы жертв.

Взять, например, инцидент 2005 года, когда воробей залетел на конкурс домино в Нидерландах, свалив 23.000 костяшек, и в итоге был застрелен: в память о птице был сделан веб-сайт, привлекая десятки тысяч посетителей. Или взять, скажем, убийство миллионов животных в Великобритании в 2001 году, у которых подозревали ящур: несмотря на требования зоозащитников прекратить убийства, правительство отказывалось изменить политику, пока газета не напечатала фото теленка по имени Феникс. А когда писательница Энни Диллард сказала своей семилетней дочери, насколько трудно было ей представить 138.000 человек, утонувших в Бангладеш, дочь ответила: «Нет, это просто. Много-много точек в голубой воде». Мать Тереза тоже была хорошо знакома с феноменом цифр и онемения: «Если я буду смотреть на множество, я никогда не смогу действовать».

ДИХОТОМИЗАЦИЯ: ВОСПРИЯТИЕ ЖИВОТНЫХ КАК КАТЕГОРИЙ

*Не знаю, может, проще есть животных, которых
вырастили специально для того, чтобы их съели...
Когда белка бежит по заднему двору, а потом
оказывается на твоей тарелке — это как-то тревожно.
Это своего рода отличие животных,
которых ты видишь бегающими вокруг на природе:
они в безопасности от людей, которые могли бы их съесть.
—Двадцатидвухлетняя карнистка*

Дихотомизация — это процесс ментального разделения субъектов на две, зачастую противоположные категории, основанный на наших убеждениях о них. Сама по себе классификация по группам не представляет проблемы. Как мы обсуждали в первой главе, создание ментальных классификаций — это естественный процесс, который помогает нам упорядочивать получаемую информацию.

Дихотомия, однако, это не просто классификация; она дуалистична и, будучи таковой, создает картинку реальности, в которой есть только черное и белое. В итоге мир разделяется на гибкие, основанные на суждениях о ценностях категории, как правило, основанные на недостаточной или неточной информации. Тем самым дихотомизация позволяет нам разделять в уме группы людей и накапливать очень разные эмоции по отношению к ним.

Когда речь идет о мясе, в отношении животных действуют две главные категории — съедобные и несъедобные. А уже внутри этой дихотомии содержатся другие пары категорий. Например, мы едим одомашненных, а не диких животных, и травоядных, а не всеядных или плотоядных.

Большинство людей не станет есть животных, которых они считают умными (дельфины), но регулярно употребляют тех, кого считают не очень умными (коровы, свиньи). Многие американцы избегают поедания животных, которых они считают милыми (кролики), вместо этого поедая тех, кого воспринимают, как менее привлекательных (индюшки).

Являются ли категории, в которые мы поместили животных, подходящими, не так важно, как то, что мы считаем их подходящими, поскольку задача дихотомизации в данном случае сводится к дистанцированию от дискомфорта, связанного с употреблением мяса. Если мы фильтруем наше восприятие животных через категории, обремененные оценочными суждениями, мы вполне можем, например, есть бифштекс одной рукой и гладить собаку другой, не замечая последствий наших действий. Тем самым дихотомизация поддерживает оправдание; она позволяет нам чувствовать себя нормально, когда мы едим животных, на том, например, основании, что они не умные, они не домашние питомцы, они не милые.

Разумеется, не все съедобные животные четко попадают в те категории, в которые мы их заносим. И тогда для поддержания карнистского статус-кво, мы поддерживаем ложные предположения о животных, которых едим, чтобы мы могли продолжать классифицировать их, как съедобных. В результате умные свиньи и куры предстают глупыми, а симпатичные индюшки видятся уродливыми.

Однако при первом же рассмотрении подобных предположений произвольная и иррациональная природа дихотомизации становится очевидной. Чего стоит хотя бы смущение сорокатрехлетнего карниста, которого я попросила объяснить, почему он не ест ягнятину: «Ягнята — нежные создания. Как бы стыдно их убивать и есть. Существует много других нежных вещей, которые мы едим... коровы, например. Мы их едим... Я не знаю, как это описать. Похоже, все едят коров. Это дешевле. Это легко себе позволить, и их очень много. Но ягнята просто другие. Они просто меньше или более хорошенькие. Не знаю. Я бы не захотел обнять корову. Кажется, есть коров нормально, а есть ягнят — нет... Разница между ними странная, все запутано».

ТЕХНОЛОГИИ, ИСКАЖЕНИЕ И ДИСТАНЦИЯ

*О сельскохозяйственных животных
проще думать, как о чем-то абстрактном.
Это заставляет меня вспомнить цитату:
«Смерть одного человека — трагедия.
Смерть группы людей — статистика».*
—Тридцатитрехлетний карнист

Разбор когнитивного трио не был бы полным без упоминания роли технологий в психологическом искажении и дистанцировании. Технологии укрепляют трио, позволяя нам обращаться с определенными животными, как с объектами и абстракциями — объектами, потому что они буквально становятся единицами продукции на разделочной линии, а абстракциями, потому что безумное число животных, убиваемых ради мяса, неминуемо деиндивидуализирует их.

На самом деле, именно благодаря технологиям производство мяса возможно на таком масштабном уровне: современные методы позволяют нам есть миллиарды животных каждый год, не будучи свидетелями ни единого этапа процесса превращения животных в нашу пищу. Это массовое производство мяса вкупе с нашей отстраненностью от процесса производства в одночасье сделало нас одновременно более и менее

насильственными по отношению к животным, чем когда-либо: с одной стороны, мы можем убивать больше животных, а с другой, мы менее бесчувственны к убийству, то есть испытываем больший дискомфорт в связи с тем, что убиваем их. Технологии расширили брешь между нашим поведением и ценностями, тем самым усилив моральный диссонанс, который система из всех сил старается скрывать.

Но, разумеется, технологии зачастую не вырывают с корнем все следы производства мяса. И когда этого не происходит, мы можем оказаться в затруднительном положении, осознавая, что мясо попало к нам на тарелку от живого создания. Например, двадцатидвухлетняя карнистка сказала мне, что не ела свинину с рынка в ее городке, где продавались свиные ноги и целые свиньи: «Я думаю, частично потому, что это напоминает мне о том, что ты не просто ешь — словно кусок мяса не упал с неба. Это связано с целым животным... вместо аккуратно отрезанного куска, который ты ешь на ужин... тебе приходится думать о нем, как о целом создании».

ИСКАЖЕНИЯ И ОТВРАЩЕНИЕ

*Я не люблю есть куриные сердца...
Я думаю, это главным образом потому,
что видно, что это маленькое сердце.
Если бы я его съела, меня бы стошнило...
Это то, с чем мы ассоциируем сердце,
ну еще печень и все такое, знаете...
Сердце или печень — они связаны с людьми.
—Двадцатисемилетняя карнистка*

Искажая наше восприятие животных, когнитивное трио препятствует тому, чтобы мы отождествляли себя с ними. Отождествлять себя с другими означает видеть нечто от себя в них и нечто от них в себе; даже если единственная вещь, которая вас объединяет — это желание жить без страданий.

Отождествление — когнитивный процесс, и когда мы думаем о животных, как об объектах, абстракциях или единицах товара в заданных категориях, мы усекаем этот процесс. А поскольку мысли влияют на чувства, чем меньше мы отождествляем себя с другими, тем меньше мы им *сострадаем*. В психологии это называется принципом подобия: мы больше сопереживаем тем, кого мы воспринимаем более похожими на нас. Подумайте, например, над тем, как бы вы восприняли известие о смерти сотен ваших соотечественников в авиакатастрофе, и сравните эту возможную реакцию с возможной реакцией на новость об аналогичной массовой гибели жителей другой страны.

А вот что рассказал мне пятидесятивосьмилетний мясник: «Я взял сына с собой в мясную лавку — ему восемь лет. Там у нас был живой ягненок. Сын заходит, ему нравится ягненок и он спрашивает: “Что это?” Я говорю: “Ягненок”. Ну и ничего, а через пару дней я спрашиваю: “Хочешь хороший бифштекс из ягнятины?” “Нет, — говорит, — не думаю, что хочу ягнятину. Я смотрел на то животное... и оно тоже смотрело на меня”».

Так же, как степень, до которой мы отождествляем себя с другими, определяет степень нашего сострадания, так же и степень нашего сострадания во многом определяет то, насколько нам отвратительна идея

поедания этого существа⁹ (исключения могут составлять разве что некоторые животные, которых мы ментально классифицируем, как отвратительных, даже когда они живы, такие как змеи и насекомые, а также определенные виды, которых мы воспринимаем, как «грязных», например, крысы и голуби).

Тот факт, что отождествление и сопереживание конвертируются в отвращение, может служить объяснением того, почему исследователи обнаружили, что почти все отвратительные для человека объекты — животного происхождения (а те, что не животного происхождения, часто походят на таковые, как, к примеру, ил — штука, противная тем, что похожа на слизь). Данная диаграмма отображает корреляцию между отождествлением, сопереживанием и отвращением:

Причина, по которой сопереживание и отвращение столь тесно связаны, заключается в том, что сопереживание — это фундамент нашего ощущения морали, а отвращение — это нравственная эмоция. Обычно чем большее сопереживание мы испытываем к животному, тем более аморальными — и, следовательно, полными отвращения к себе — мы себя чувствуем, когда едим его. Существование связи между моралью и отвращением подтверждается многочисленными исследованиями, показавшими, что люди чувствуют отвращение при мысли об употреблении продукта, который они считают нравственно омерзительным, который нарушает их чувство чистоты. Так, например, один тридцатичетырехлетний карнист регулярно употребляет мясо, но выступает против употребления телятины по этическим соображениям: «Предположим, я пришел к вам в гости, мы поужинали... а потом вы мне говорите, что я ел телятину. Меня, наверное, вырвет. Типа, я *должен* вывести это из организма».

---

⁹ В то время как отвращение может быть врожденной реакцией, предназначенной для того, чтобы защитить нас от проглатывания опасных веществ, таких как испражнения и гнилая растительность, нет никаких сомнений в том, что это также реакция организма на чисто умозрительные, или психологические, раздражители. Умозрительное отвращение — главная тема этой книги.

ОТВРАЩЕНИЕ ОТ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Результаты недавнего исследования, проведенного учеными Университета Торонто, утверждают, что мы можем быть запрограммированы ощущать отвращение в связи с нравственными нарушениями. Исследователи присоединили электроды к лицам двадцати участников, чтобы зафиксировать изменения их мимики. Затем участников погрузили в три разные состояния: им дали выпить «отвратительные» на вкус жидкости; им показали фотографии отвратительных вещей, таких как грязные туалеты и ранения; их подвергли несправедливому обращению в рамках лабораторной игры, в которую они играли. Ученые обнаружили, что в каждом состоянии автоматические реакции лиц испытуемых были одинаковыми: у них сокращалась мышца, поднимающая верхнюю губу, отражающая чувство отвращения. Исследователи пришли к выводу, что «моральное отвращение» может, по сути, быть тесно связано с первородной, древней реакцией отвращения, защищавшей нас от поедания сгнившей или зараженной еды. Другие похожие исследования выявили аналогичные результаты.

КОНТРОЛЬ МОРАЛЬНОГО УЩЕРБА: ОТВРАЩЕНИЕ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

По любой из многочисленных причин мы можем обнаружить, что нам отвратительно мясо съедобных животных — мясо, которое не должно быть нам отвратительно. В подобных случаях, когда отвращение пробивается через защитные механизмы, которые поддерживают наше онемение, нам требуется резервная защита, действующая, как страховочная сетка; нам необходимо рационализировать иррациональное.

Рационализация — это защитный механизм, с помощью которого мы обеспечиваем рациональное объяснение чего-то нерационального. Как и в случае с другими защитными механизмами, рационализация служит для того, чтобы уберечь систему нетронутой. Когда карнистский процесс дистанцирования сорван, и появляется отвращение, мы можем отвлечь внимание от нашего морального дискомфорта тем, что перенесем наше отвращение на что-то другое, только не на тот факт, что мы едим некогда живое существо. Например, когда мы ощущаем отвращение от мяса, которое напоминает нам о его животном происхождении, мы можем приписать наше отвращение текстуре мяса или его воображаемому вреду для здоровья. Как сказала мне одна респондентка: «Я не люблю есть бекон, потому что меня как бы выворачивает. Он пропитан салом. Просто не могу представить, чтобы это было хорошо для моего тела... Видеть столько сала и жира — я думаю, меня это отталкивает». Я спросила ее, не чувствует ли она того же по отношению к картошке-фри и другим жирным продуктам, и она ответила: «Это то же самое, но там еще и виднеется сырое мясо, когда его готовишь... Готовить картошку не так противно, мне кажется. Это определенная связь, ведь мясо — это кусок чего-то, не просто какая-то штука, которую вы достали из земли».

Другой человек объяснил: «Я бы не стал есть что-то сырое или полусырое. Вид крови... мне не нравится кровь, так что я точно не хочу, чтобы она шла из моей пищи, когда я ее ем». Когда я спросила его, как его

заставляет себя чувствовать вид кровавого мяса, он ответил: «Это отвратительно. Это что-то нездоровое, хотя я знаю, что полезнее есть его с кровью, нежели хорошо прожаренное».

Поистине потрясает, как целое общество рациональных людей может поддерживать столь иррациональные шаблоны мышления, не замечая зияющих дыр в логике. И, тем не менее, этот парадокс приобретает смысл, если понимать его в контексте карнизма: поскольку его принцип работы сводится к искажению, а не к констатации реальности, система по сути своей иррациональна. А так как мы смотрим на систему изнутри — изнутри схемы, которая отражает ее, — мы принимаем ее логику за свою собственную.

ЕСТЬ ИЛИ НЕ ЕСТЬ

Зачастую утверждается, что избегание конкретной культурой определенных видов мяса рационально и продиктовано попыткой культуры уберечь себя. Мы предполагаем, например, что культура не оправдывает поедание животных, которые нечисты (проживающие в канализации крысы), полезны (быки, вспахивающие поля) или неэкономичны для выращивания и забоя (например, плотоядные животные, которые еще и опасны). Однако, хотя некоторые примеры и представляют логичную причину для культурного табу, наложенного на определенный вид животного, результаты исследований показывают, что куда чаще верно обратное: культуры попросту используют объяснения, подобные приведенным выше, как способ рационализировать свой рациональный выбор, каких животных есть.

В бесчисленном количестве культур многие виды «съедобных» животных воспринимаются как несъедобные, что в серьезной мере предполагает, что культурные предрассудки, а не логика, определяют, каким животным суждено считаться пищей. Например, индейцы намбиквара в Бразилии держат одомашненных животных, которые подходят для употребления в пищу человеком, но обращаются с ними, как с домашними питомцами, взаимодействуя с ними, как большинство американцев — с кошками и собаками; они даже не едят яйца, откладываемые их курами-наседками.

Более того, нет никаких причин, по которым американцы не должны есть лошадей, как это делают некоторые французы, или тараканов, как делают некоторые азиаты, или голубей, которых так много и которых едят в Египте. Жители Калифорнии вполне могли бы собирать улиток, перенаселяющих их садовые участки, вместо того, чтобы есть импортных улиток в дорогих ресторанах. Азиатские народы, сильно зависящие от лошадей, не запрещают употребление лошадиного мяса. Когда речь заходит о том, каких животных есть, а каких нет, похоже, эмоции берут верх над разумом.

ВЫУЖИВАЯ СОБАЧЬЕ МЯСО: ОТВРАЩЕНИЕ И ЗАРАЖЕНИЕ

Отвращение располагает тем, что психологи называют свойствами заражения. Иными словами, нечто отвратительное может сделать таким же отвратительным все, с чем вступит в контакт. Например, большинство из нас не станет есть суп, в котором плавает муха, даже если у нас есть

возможность быстро извлечь насекомое и окружавшую его жидкость. Оставшийся суп, без каких-либо следов пребывания мухи все равно безнадежно испорчен. Сам по себе суп отвратительным не был, но *мысль* о чем-то отвратительном — о мухе, — тронувшем пусть самую крохотную часть этого супа, сделало его целиком несъедобным.

Впервые я попросила вас задуматься над заражающим свойством отвращения в первой главе, когда предложила сценарий, в котором вам на званом вечере сказали, что вы отведали собачьего мяса. Потом я спросила вас, извлечете ли вы мясо из рагу и съедите ли овощи, либо оставите все блюдо нетронутым. Велика вероятность, что вам было бы отвратительно от всего, до чего дотронулось это мясо. Это возможно потому, что, в отличие от *неприятности* — неприятия вкуса продукта, — отвращение зачастую имеет *умозрительный* характер: оно может быть вызвано мыслью или убеждением относительно пищи, нежели тем, чем эта пища в действительности является. Заражающий эффект отвращения объясняет, почему большинство вегетарианцев не в состоянии есть пищу, которая была приготовлена вместе или рядом с мясом.

МАТРИЦА ВНУТРИ МАТРИЦЫ: КАРНИСТСКАЯ СХЕМА

Карнизм — это социальная система, социальная матрица. Но это также психологическая система, система мысли, *внутренняя* система. Это матрица внутри Матрицы. И психологическая матрица точно так же, как социальная, настроена на то, чтобы поддерживать брешь в нашем сознании. Эта психологическая матрица представляет собой то, что я называю карнистской схемой. Карнистская схема в большой мере состоит из когнитивного трио, но также включает другие защитные механизмы и убеждения, разбираемые в этой книге. Карнистская схема — это, в сущности, контакт, который соединяет нас с более широкой матрицей карнизма.

Вы можете помнить по первой главе, что схема — это призма, через которую мы смотрим на мир, которая служит ментальной системой классификации, которая организует и интерпретирует поступающую информацию. Наша карнистская схема диктует, какие животные съедобны, а какие — нет, и определяет, как мы себя ощущаем, когда их едим.

Схемы, однако, не только классифицируют, но и *фильтруют* информацию; мы имеем свойство замечать и запоминать только то, что подтверждает наши, уже существующие предположения. Психологи называют этот феномен *предвзятостью подтверждения*. Карнистская схема выборочно пропускает информацию, которая поддерживает брешь в нашем сознании, и искажает наше восприятие информации, которая угрожает заполнить эту брешь. Иными словами, карнистская схема определяет то, что мы замечаем, как мы интерпретируем то, что замечаем, и помним ли мы то, что заметили. Например, в ходе занятия со студентами, которое я описала во второй главе, когда они делились своими убеждениями о том, что свиньи глупые и отвратительные, некоторые студенты позже признались, что в какие-то моменты жизни они сталкивались с информацией, дискредитирующей эти убеждения. Тем не менее, эта информация быстро забылась, поскольку карнистская схема поспешно воскресила исходные представления о свиньях. Другой пример

предвзятости подтверждения — это то, как быстро «выветриваются» переживания людей, ставших свидетелями кадров жестокости к животным и испытавших страдания в связи с этим.

СИНДРОМ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Феномен предвзятости подтверждения также называют синдромом Толстого, в честь русского писателя, который описал нашу тенденцию быть ослепленными убеждениями. Толстой писал: «Я знаю, что большинство не только считающихся умными людьми, но действительно очень умные люди, способные понять самые трудные рассуждения научные, математические, философские, очень редко могут понять хотя бы самую простую и очевидную истину, но такую, вследствие которой приходится допустить, что составленное ими иногда с большими усилиями суждение о предмете, суждение, которым они гордятся, которому они поучали других, на основании которого они устроили всю свою жизнь, — что это суждение может быть ложно».

Карнистская схема, которая так искривляет информацию, что нонсенс кажется полным смысла, также объясняет, почему нам не удается видеть нелепости системы. Возьмем например, рекламные кампании, в рамках которых свинки весело танцуют на кострище, на котором их поджаривают, или куры в фартуках умоляют зрителя их съесть. Добавим к этому клятву ветеринара Американской ветеринарной ассоциации: «Я торжественно клянусь применять мои... навыки во благо... освобождения животных от страданий». Звучит интересно, особенно в контексте того факта, что подавляющее большинство ветеринаров едят плоть животных просто потому, что им нравится ее вкус. Или подумайте о том, почему люди отказываются заменять свои мясные бургеры веганскими, даже когда вкус идентичен, утверждая, что если они хорошенько постараются, они смогут уловить легкую разницу в текстуре. Только когда мы разбираем карнистскую схему, мы можем видеть всю абсурдность помещения наших кулинарных предпочтений по части структурных норм нашей пищи выше жизни и смерти миллионов живых существ.

ВЫХОД ЗДЕСЬ: ТРЕЩИНА В КАРНИСТСКОЙ МАТРИЦЕ

Карнистская система пронизана нелепостями, противоречиями и парадоксами. Она укреплена сложной сетью защитных механизмов, которые позволяют нам верить без сомнений, знать без раздумий и действовать без чувств. Это система принуждения, которая развила в нас тщательно разработанный порядок ментальной гибкости, позволяющий нам ускользать от истины. Остается лишь задаться вопросом: *к чему вся эта акробатика?* Зачем системе заходить так далеко ради выживания?

Ответ прост: потому что нам не безразличны животные, и мы стремимся к правде. А также потому, что система зависит от нашего безразличия, потому что она строится на лжи. Карнизм — это карточный домик, треснувшая и раздробленная система, которой требуется мощная крепость, чтобы защититься от своих собственных защитников — от нас.

И аналогично Матрице из фильма, матрица карнизма может пленить наши умы и сердца лишь до тех пор, пока мы сами стережем свои клетки, до тех пор, пока мы остаемся активными участниками этой игры в тюрьму.

Она может блокировать правду только пока мы мы терпим жизнь во лжи. Как Морфей объяснил Нео: «Я вижу это в твоих глазах. У тебя взгляд человека, который принимает то, что видит, потому что отказывается просыпаться... Давай я расскажу тебе, почему ты здесь. Ты здесь, потому что ты кое-что знаешь. Ты не можешь объяснить то, что знаешь, но ты это чувствуешь. Всю свою жизнь ты ощущал, что с этим миром что-то не так. Ты не знаешь, что именно, но это сидит в тебе, как заноза в мозгу... Я пытаюсь освободить твой разум, Нео. Но я могу лишь показать тебе дверь. Только ты можешь выйти через нее».

Так же, как Нео в фильме, вы сейчас здесь, читаете эту книгу, потому что знаете, что с этим миром что-то не так. Вы готовы выйти за пределы карнистской матрицы и вернуть себе сопереживание, которое система так старательно прятала от вас, то самое сопереживание, которое ведет к выходу из карнизма — сопереживание, которое поможет вам выйти через эту дверь, чтобы создать более гуманное общество.

ГЛАВА 7. ПУТЬ УЧАСТНИКА: ОТ КАРНИЗМА К СОСТРАДАНИЮ

В темное время глаз начинает видеть.

—Теодор Рётке

Однажды наши внуки спросят:

Где вы были, когда шел Холокост животных?

Что вы сделали против этих удовищных преступлений?

*И у нас уже не будет возможности оправдать себя тем,
что мы ничего не знали, во второй раз.*

—Гельмут Каплан

В ноябре 1995 года корова по имени Эмили стояла в ряду других коров на скотобойне в Новой Англии, ожидая своей очереди пройти через вращающуюся дверь в забойный цех. Быть может, это был запах крови или тот факт, что те, кто исчез за дверью, не вернулись назад, но что-то заставило Эмили выйти из очереди, рвануться на полутораметровую ограду и перекинуть свое 680-килограммовое тело через нее. Эмили неслась по лесам и уклонялась от рабочих, которые не верили своим глазам и продолжали ее преследовать.

Сорок студеной дней и ночей Эмили скрывалась от погони в лесах Хопкинтона, штат Массачусеттс, маленького городка в сердце Новой Англии. И хотя А. Арена & Sons, владельцы скотобойни, с которой сбежала Эмили, были серьезно настроены поймать ее, местные жители делали все, чтобы помочь ей сохранить свободу и жизнь. Фермеры оставляли для нее стога сена; люди умышленно дурачили полицию, сообщая ложную информацию о ее передвижениях.

Льюис и Меган Ранда, основатели близлежащего духовного и образовательного центра ненасильственной жизни «Обитель мира», узнали о судьбе Эмили. Они предложили А. Арена & Sons выкупить корову, чтобы она жила в маленьком заповеднике на территории центра. Владелец скотобойни Фрэнк Арена был тронут историей Эмили и согласился снизить номинальную стоимость коровы в \$500 всего до \$1. За этим неожиданным актом милосердия последовал другой: кинопродюсер Элен Литтл, которая приобрела у супругов Ранда права на историю Эмили и тем

самым обеспечила содержание коровы на всю жизнь, пожертвовала еще \$10.000 на постройку нового амбара для Эмили и прилегающего к нему образовательного центра, посвященного проблемам животных.

Эмили, некогда безымянная корова, стала личностью, вдохнувшей сострадание во множество жизней, которых она коснулась. Люди со всего мира сообщали, что перестали есть мясо только потому, что узнали про нее. Их карнистские защитные механизмы были разрушены и заменены состраданием. Иначе почему сообщество фермеров оказывало помощь корове в ее борьбе за свободу и жизнь? Иначе почему владелец скотобойни отдал корову, принадлежавшую ему по закону, заповеднику, к которому прибавился еще и вегетарианский образовательный центр?

Эмили прожила остаток жизни в «Обители мира» и умерла от рака матки в возрасте десяти лет. Поминальная служба в ее честь привлекла международное внимание, а прощальные речи длились больше часа. Одна такая речь особенно цепко ухватила важность истории Эмили: «Ты вдохновила создание нового сознания людей самим фактом своего существования. Один взгляд в твои большие, светящиеся карие глаза говорил намного больше, чем можно передать словами... Ты дала бессловесное доказательство срочной необходимости всеобъемлющего сострадания... Не может быть “последних знаков уважения” в память о тебе, Эмили, как не может быть прощания, пока последняя скотобойня не закроет свои двери навсегда, пока все создания не проявят сострадание друг к другу, локально и глобально. Этот процесс переживет и меня тоже. Отважное путешествие твоей жизни останется немеркнущим напоминанием о том, что мне нельзя сдаваться. Как не сдавалась ты».

Путь Эмили продолжает служить напоминанием. Он напоминает о необходимости отказываться потекать насильственной системе карнизма скрывать от нас истину, истину о бессмысленных страданиях миллиардов животных — истину, которая важна для нас.

Эмили увековечена в бронзовой статуе, выполненной в натуральную величину, которая стоит у ее могилы в «Обители мира». Эта статуя с гравировкой «Эмили, Священная Корова» возвышается свидетельством жизни и смерти миллиардов животных, жертв карнизма, и бесчисленных людей, сражающихся за их свободу. Памятник священной корове воплощает в себе священнодействие нашего участия.

ВИДЕТЬ СЕРДЦЕМ: СИЛА УЧАСТИЯ

Когда я посещала «Обитель мира» в последний раз, я стояла перед каждым из стоящих там памятников. Когда я смотрела на высшую статую Ганди, я видела мир его глазами — полный насилия и страдания, но также необычайной красоты и возможностей. Я вспомнила Соляной поход 1930 года и подумала о благородстве индийцев, отдавших свои жизни ради ненасильственного освобождения. Я в очередной раз задумалась над парадоксом человеческого опыта, когда посмотрела на похожий на надгробный камень памятник с выгравированным на нем текстом: «Невинным гражданам, убитым на войне». Я представила себе улицы Ирака, поля Камбоджи и джунгли Никарагуа, усыпанные телами всех форм, размеров, цветов и лет. Но я также вспомнила те 400.000 человек, с которыми я маршировала по мерзлым улицам Нью-Йорка 15 февраля 2003 года в ходе мирной демонстрации против вторжения в Ирак.

Потом, когда я рассматривала статую Эмили, я попыталась вообразить, каково это было для нее — явиться в этот мир, чтобы служить живой машиной. Я представила темные фабрики, ужас и беспомощность животных внутри. Но я также вспомнила о расследованиях под прикрытием, которые делали активисты, записывая на видео жестокости по отношению к животным на скотобойнях, приведшие к негодованию общественности и крупнейшему отзыву говядины с рынка в истории США. У каждого монумента я видела мир глазами того, кого он увековечил. Я стала свидетелем, участником событий.

Когда мы ощущаем силу участия, мы уже не просто действуем как наблюдатели; мы эмоционально подсоединяемся к опыту тех, свидетелями чьих жизней мы стали. Мы *сопереживаем*. И, делая это, мы заполняем брешь в нашем сознании, которая позволяет насилию карнизма выживать.

Мы обсуждали эту брешь в сознании в первой главе. Это недостающее звено в нашем восприятии, наша неспособность увязать мясо с его животным происхождением. Брешь перекрывает наше отвращение и наше сопереживание. Она перекрывает и нашу осведомленность о несовместимости наших ценностей и нашего поведения, когда речь идет об употреблении мяса. Участие заполняет эту брешь, потому что соединяет нас с истиной. Когда мы становимся участниками, мы придаем силу, или вдыхаем реальность в страдания, которые система так старательно старается скрывать; мы также придаем силу нашей подлинной реакции на них. Участие соединяет нас с правдой о карнистских практиках, равно как и с нашей внутренней правдой, нашим сопереживанием. Мы становимся участниками для других и для самих себя.

Так же, как личное участие заполняет брешь в нашем сознании, коллективное участие заполняет брешь в сознании общества. Коллективное участие ведет к формированию осведомленного общества и системы, ценности и практики которой более согласованны. Задумайтесь об этом: буквально каждое злодеяние в истории человечества стало возможным благодаря народам, которые отворачивались от реальности, казавшейся слишком болезненной, чтобы на нее смотреть, в то время как практически каждая революция во имя мира и справедливости получила шанс силами групп людей, которые выбрали участие и требовали, чтобы другие тоже избрали его для себя. Цель всех движений за справедливость — привести в действие коллективное участие, чтобы практики общества отражали его ценности. Движение добивается цели, когда достигает критической массы сторонников — числа людей, достаточного, чтобы перевесить чашу весов в сторону движения. Ввиду того, что коллективное участие — это наибольшая угроза для карнизма, вся система организована таким образом, чтобы воспрепятствовать этому процессу. В самом деле, единственная задача карнистских защитных механизмов — это не давать людям быть активными участниками происходящего.

Быть активным участником можно по-разному, включая участие в демонстрациях, дежурствах-пикетах при свечах, размещении транспарантов, чтении лекций и художественных проектах. Участие исторически было художественным актом: вспомните революционную музыку 1960-х; стеганое одеяло в память о жертвах СПИДа, которое простирается на расстояние в 83 километра и содержит 91.000 имен; огромная мемориальная стена, посвященная ветеранам войны во Вьетнаме, ежегодно притягивающая 3 миллиона человек; крупнейший

символ мира, созданный собравшимися в Итаке, штат Нью-Йорк, шестью тысячами человек; Час Земли 2008 года, в рамках которого 50 миллионов человек на семи континентах выключили все электроприборы в своих домах, демонстрируя поддержку движению в защиту окружающей среды.

Участие — это акт творчества, который представляется естественным ответом человека на разрушение, которое он старается остановить. Как пишет психиатр Джудит Герман, «стандартный ответ на злодеяния — это их изгнание из сознания... Злодеяния, однако, отказываются быть похороненными. Убеждение в том, что отрицание не работает, так же сильно, как и желание отрицать злодеяния». Далее Герман пишет о том, что способность говорить невысказанное сметает преграды отрицания и подавления, высвобождая грандиозную творческую энергию.

РОЖДЕННЫЕ СОПЕРЕЖИВАТЬ

Результаты недавнего исследования показали, что у сопереживания может быть биологическая основа. Иначе говоря, сопереживание у людей (как и у некоторых других животных) может носить врожденный характер. Ученые обнаружили, что наши зеркальные нейроны, нейроны в мозгу, которые возбуждаются в ответ на действия, могут быть активированы нами как тогда, когда мы совершаем действия, так и тогда, когда мы выступаем в роли свидетелей. Например, наблюдать за тем, как кто-то пинает мяч, плачет, страдает или ежится, когда по его или ее ноге ползет насекомое, может быть воспринято нами так же, как если бы все это происходило непосредственно с нами. Поэтому в какой-то степени мы знаем, как другие себя чувствуют не только потому, что пытаемся поставить себя на их место, но и потому, что чувствуем то же самое.

Выводы на основании этих данных можно сделать значительные. Если сопереживание встроено в наши мозги, как автоматическая реакция, то естественное состояние — чувствовать то, что чувствуют другие. Получается, что когда мы не можем испытывать сопереживание, мы фактически преодолеваем естественный импульс. Карнистские защитные механизмы, соответственно, работают против нашей природы.

ОТ АПАТИИ К ЭМПАТИИ

Все насильственные идеологии боятся массового участия, потому что их выживание зависит от прямо противоположного — от массовой *отстраненности*. Отстраненность — это главная защита карнизма, сердцевина психического онемения; все прочие защитные механизмы поддерживают этот центральный механизм. Отстраненность психологически и эмоционально отсоединяет нас от правды нашего опыта; это чувство, когда ты не полностью «присутствуешь» в реальности и не совсем пребываешь в сознании.

Как и в случае с другими защитными механизмами, отстраненность нередко может быть полезна, даже благотворна. Например, когда человек подвергается нападению, он может использовать отстраненность, чтобы его не охватил всеобъемлющий стресс. Люди описывают это состояние как «одурманенность» или «выход из тела». Но, как и другие защитные механизмы, отстраненность может применяться *неадекватно*; она может

использоваться для сохранения насилия, а не для реакции на него. В своей наиболее экстремальной форме отстраненность может позволить преступнику развить раздвоение личности, создать второе «я», которое берет верх, совершая насилие над окружающими. Психиатр Роберт Джей Лифтон описывает этот феномен в своей книге «Нацистские врачи», где приводит истории медиков, которые исполняли функции убийц каждый рабочий день, но вполне могли возвращаться домой к семьям вечером, как, казалось бы, нормальные мужья и отцы.

Большинство из нас, однако, не может отстраниться до такой степени, чтобы убивать; мы попросту отстраняемся в той мере, в какой этого достаточно для того, чтобы за нас убивали другие. Когда дело касается поедания мяса, отстраненность мешает нам связать то, что мы делаем, с тем, как мы себя должны в связи с этим чувствовать. По сути, отстраненность делает нас бессильными сделать выбор, который отражал бы то, что мы в действительности ощущаем.

Наверное, ни для кого не будет открытием тот факт, что животные, которых мы едим — далеко не единственные, кто расплачивается за нашу отстраненность. Отстраненность ограничивает наше самосознание и тем самым создает препятствие для нашего личного роста. Буквально все психологические и духовные традиции предполагают наличие самоосмысления, или *вовлеченности*, цели человеческого развития. Вовлеченность — это процесс превращения наших различных аспектов в гармоничное единое целое: тело, разум и дух; личность, эго и суперэго; ценности, убеждения и поведение; и так далее. Так же, как и отстраненность, вовлеченность не является феноменом из серии «все или ничего». Она существует постоянно и параллельно. Чем больше мы вовлечены, тем более последователен наш характер. Например, если мы адекватно вовлечены, то мы не превращаемся в принципиально разных людей на работе, дома и с друзьями.

Наше участие развивает вовлеченность, так как это акт соединения. Это происходит на индивидуальном уровне, когда мы присоединяемся к опыту окружающих. Вот почему наше участие — это ахиллесова пята карнизма: оно разгоняет отстраненность и ведет к созданию более вовлеченного общества. Вовлеченное общество не может состоять из множества людей, которые обеспокоены положением животных и при этом продолжают поддерживать повсеместную жестокость.

ОСОЗНАНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Несмотря на преобразующую силу участия, многие люди отказываются от него перед лицом реальности карнизма. Чтобы преодолеть это сопротивление, мы должны понять его источники — мы должны осознать наше сопротивление.

Наиболее очевидная причина нашего сопротивления заключается в том, что система предназначена для его укрепления. В пятой главе мы обсуждали то, как доминирующие системы формируют наши мысли, чувства и поведение, прокладывая для нас «путь наименьшего сопротивления». Этот путь диктует «нормальный» образ жизни, что означает веру и действия в соответствии с установками системы. Доминирующие системы поддерживают свое доминирование, принуждая

нас следовать их нормам. Быть участником означает уклоняться от пути наименьшего сопротивления.

Другая причина, по которой мы сопротивляемся истине, заключается в том, что правда причиняет боль. Знать о сильных страданиях миллиардов животных и нашем участии в этих страданиях означает испытывать болезненные чувства: горе и печаль за животных; ярость в связи с несправедливостью и ложью системы; отчаяние ввиду огромных масштабов проблемы; страх в связи с тем, что надежные власти и институты на самом деле неблагонадежны; и вину за участие в проблеме. Быть участником означает выбрать страдания. Не зря слово «сопереживание» образовано от слова «переживать». Выбор страданий особенно сложен в культуре, приучающей к комфорту — в культуре, которая учит, что боли нужно избегать всеми возможными способами и что невежество — это благо. Мы можем сократить наше сопротивление участию, начав ценить подлинность больше, чем личное удовольствие, а вовлеченность — больше невежества.

Еще одна причина, связанная с тем, почему мы сопротивляемся осознанию правды о карнизме, сводится к тому, что мы чувствуем себя беспомощными изменить страдания таких масштабов. Прийти в уныние очень легко, если мы уверим себя, что решение проблемы должно быть незамедлительным и полным. Однако вот вам пример Farm Sanctuary: сегодня это одна из крупнейших в стране зоозащитных организаций, занимающихся сельскохозяйственными животными, состоящая из более 200.000 активистов и сторонников. Но она началась с двух активистов, продававших вегетарианские хот-доги с микроавтобуса в 1986 году. Вообще, сам по себе акт участия — это акт расширения возможностей; помимо всего прочего, он оказывает незамедлительные перемены на *нас самих*; вовлекая в процесс наши ценности и практики. Как говорит веган-активист Эдди Лама, «Я осознаю, что животные продолжают страдать и умирать — но не из-за меня».

Есть и еще одна, пожалуй, фундаментальная причина сопротивления истине о карнизме: если мы больше не чувствуем, что наделены правом убивать и употреблять животных, тогда ставится под сомнение наша идентичность, как людей. Участие заставляет нас видеть себя волокнами в паутине жизни, а не покорителями вершины так называемой пищевой цепи. Участие бросает вызов нашему чувству человеческого превосходства; оно толкает нас к тому, чтобы признать нашу оторванность от остального живого мира, оторванность, которую наш вид тысячелетиями отрицал изо всех сил. И, тем не менее, участие в конечном счете освобождает. Когда мы признаем, что мы не изолированные фрагменты в этом раздробленном мире, а часть большого, живого коллектива, мы подключаемся к силе, куда большей, чем наша собственная. Мы больше не поддерживаем систему, которая основана на доминировании и подчинении, систему, которая следует гитлеровскому кредо «тот, кто обладает силой, утрачивает право жить». Мы учимся, как пишет Мэттью Скалли, не измерять свои жизни «тем, что присвоено, раздавлено и убито».

Парадокс кроется в том, что мы сопротивляемся правде о карнизме по той же причине, по которой желаем ее знать: потому что нам *не все равно*. Под грузом тщательно продуманных, извилистых механизмов системы лежит великая истина. И поскольку нам не все равно, мы спешим

отвернуться от нее. И поскольку нам не все равно, мы чувствуем себя обязанными узнать ее. Мы можем преодолеть этот парадокс, став участниками: *мы должны открыться правде о карнизме, открывшись самим себе*. Мы должны открыть для себя такое же сострадание к животным, какое испытываем к себе. Когда мы сострадательно относимся к себе, мы становимся свидетелями собственных чувств, но не выносим суждений. Мы осознаем себя жертвами системы, которая вывела нас на путь наименьшего сопротивления. Но мы также осознаем, что мы обладаем силой выбрать иной путь: у нас есть возможность делать личный выбор, без психологических ограничений скрытой и принуждающей системы.

ЧУВСТВУЯ ДУХ ВРЕМЕНИ

Несмотря на длинные руки карнизма, у нас есть основания считать, что система будет дестабилизироваться, и близится время перемен. Существует ряд причин, по которым можно судить о том, что крепость карнизма скоро падет: растущая осведомленность общества о кризисе окружающей среды, растущее беспокойство о положении животных, растущее доверие к веганству и его популярность, а также огромные пласты информации о карнизме и веганстве.

Широкомасштабное производство мяса — главная причина разрушения окружающей среды. Испарения метана от тысяч тонн навоза разрушают озоновый слой. Токсичные выхлопы от множества химикатов, применяемых для выращивания животных — синтетические гормоны, антибиотики, пестициды и фунгициды — загрязняют воздух и водные пути. Тысячи акров лесистых земель вычищаются для посадки зерна для прокорма скота, что ведет к разрушению почв и обезлесиванию. Из водоемов изымается больше воды, чем восполняется. А минеральные удобрения, попадающие в реки и ручьи, приводят к быстрому размножению микроорганизмов, которые стремительно уничтожают водную флору и фауну. Ведущие ученые утверждают, что система массового производства мяса не может продолжать существовать, не приводя к распаду экосистемы. Защита окружающей среды стала всевозрастающей важной проблемой на повестке дня американцев, как мы можем видеть по резкому увеличению числа «зеленых» товаров, публикаций и политических мер. По мере того, как американцы становятся все более озабоченными экологической устойчивостью, они неминуемо начинают больше тревожиться по поводу карнистских практик.

Возможно, неслучайно американцы стали больше беспокоиться и о благосостоянии животных. Это иллюстрируют бесчисленные зоозащитные организации, расплодившиеся по всей стране. И несмотря на тот факт, что под заботой о животных зачастую подразумевается защита тех из них, кого мы называем домашними питомцами, спектр интересов подобных организаций неуклонно расширяется. Так, крупнейшая зоозащитная организация в стране, Общество защиты животных США, сейчас хвастается целым подразделением, нацеленным на отстаивание интересов сельскохозяйственных животных. Всем известная и куда более радикальная PETA тоже уже у всех на слуху.

Более того, веганство, некогда считавшееся экстремальной идеологией и диетой сомнительного питательного свойства, сегодня

превращается в мейнстрим. И хотя веганы все еще представляют меньшинство среди населения, а многие профессиональные диетологи по-прежнему твердят карнистские мифы, но людей, избегающих продуктов животного происхождения, теперь куда реже считают маргиналами и социальными патологиями, чем еще десятилетие назад. Лицо веганства — это больше не лицо детей цветов 1960-х; знаменитости от Пола Маккартни до всемирно известных бодибилдеров — вот представители разноликого, растущего движения. Научные исследования, в свою очередь, раз за разом подтверждают, что растительная пища не только так же пригодна для поддержания здоровья, как и животная, но и куда полезнее. Стремительное распространение веганских изданий, продуктов и организаций говорит о том, что размеры и возможности движения растут.

О том, что время крушения карнизма пришло, говорит также тот факт, что основной защитный механизм системы — ее незаметность — заметно ослабевает. Карнистским индустриям становится все труднее скрывать от общественности свои секреты. Промышленное животноводство, которое так зависит от контроля над информацией для поддержания мифов о мясе, вынуждено сдерживать напор повсеместного, нерегулируемого источника информации — интернета. Карнизм подобен Волшебнику Изумрудного города: когда завеса спадает, вся сила исчезает на глазах.

В довершение следует добавить слова из фразы на слайде презентации «Защита животных и активизм: что вы должны знать», представленной в 2008 году на конференции по проблемам мясной промышленности в Американском институте мяса: «Угроза РЕАЛЬНА. Угроза АКТУАЛЬНА. Потенциальный эффект колоссален».

УЧАСТИЕ В ДЕЙСТВИИ: ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ

Как я упоминала ранее, быть свидетелем серьезных страданий, причиняемых карнизмом, зачастую означает ощущать себя беспомощным и подавленным. Но *есть* вещи, которые вы можете совершить, которые напрямую повлияют на вашу жизнь и жизнь животных.

Существует три важных шага, которые вы можете сделать для начала: откажитесь от употребления продуктов животного происхождения или хотя бы сведите его к минимуму, поддержите зоозащитную организацию или инициативу и продолжайте получать информацию и делиться ею с другими. Отказ от продуктов животного происхождения очень важен, но даже их сокращение в вашем рационе приведет к положительным последствиям для животных и для вас самих; например, человек, который ест мясо один или два раза в месяц, съедает куда меньше животных, чем тот, кто делает это каждый день. От этого выиграете и вы, по мере того, как будете погружаться в новые ценности и практики.

И вам не нужно стремиться к переменам в одиночку. Миллионы людей по всему миру трудятся над тем, чтобы побороть карнизм, и вам, конечно, будет проще присоединиться к ним. Если веганской группы или зоозащитной организации в вашем регионе нет, вы можете присоединиться к другим через интернет. Вовлечение в деятельность группы или организации подкинет вам различные варианты участия в процессе. Вы можете жертвовать деньги, помогать распространять информацию и делать другие вещи для сокращения страданий животных.

Возможно, самое важное, что вы можете делать — это продолжать просвещаться и просвещать других. Об этом очень легко забыть, вновь замуровать себя в коконе психического онемения. Помните: ваша карнистская схема будет толкать вас назад к карнистскому мышлению; ваша осведомленность о производстве мяса будет таять, если вы перестанете активно получать информацию и стараться углубляться в понимание проблемы.¹⁰ Пусть участие станет вашим кредо.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАРНИЗМА

Механизмы, допускающие широкомасштабное употребление мяса, не уникальны для карнизма. Как я уже писала, карнизм — это лишь одна из многочисленных укрепившихся, или доминирующих, идеологий. И любая доминирующая идеология, нуждающаяся в участии людей, которые, будь они полностью информированы, могли бы отказаться от оказания поддержки этой идеологии, использует те же механизмы, что и карнизм. Таким образом, понимание карнизма может помочь нам мыслить более критически обо всех системах, в которых мы участвуем. Взять хотя бы аргументы и психологию, которые позволяют существовать повсеместной ненависти и дискриминации в отношении гомосексуалов, глубоко укоренившейся системе апартеида или геноциду в Дарфуре. В каждом из этих примеров насилие отрицалось, оправдывалось и искажалось для получения поддержки общества.

То же самое относится и к участию в противостоянии карнизму: поскольку разрушительные идеологии имеют схожие структурные черты, осознание правды о карнизме дает нам основу для осознания правды о других системах. На самом деле, способность выйти за рамки карнизма простирается куда дальше, потому что истинное участие — это не то, что кто-то *делает*, а то, что этот кто-то *собой представляет*. Участие — это не изолированная практика, а способ связи человека с миром. Это способ жизни организовать наше взаимодействие с самими собой и с окружающими. И пределов наших возможностей участия не существует.¹¹ Вообще, поскольку участие воодушевляет, то чем больше мы участвуем, тем больше становится наша способность участвовать. Как и сострадание, наша способность участвовать повышается с практикой.

ХРАБРОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ

Участие требует храбрости. Нужна храбрость, чтобы открыть глаза на страдания других и признать тот факт, что, хорошо это или плохо, мы —

---

¹⁰ Это не означает, что вам необходимо постоянно смотреть кадры жестокости к животным. Единжды увидев их страдания, вы не должны подвергать себя получению потенциально травмирующей информации в дальнейшем.

¹¹ Несмотря на то, что участие порой может быть болезненным, оно никогда не должно заставлять вас чувствовать себя эмоционально незащищенным. Участвовать значит эмоционально и ментально открыться своему опыту и опыту других; это не значит заставлять себя глубоко окунается в угнетающую информацию. Многие зоозащитники получают психологические травмы из-за чрезмерного погружения в ужасы производства мяса и других форм насилия над животными: подобный способ участия не требуется и совершенно контрпродуктивен.

часть системы, в которой страдания имеют место быть. Вот что сказал об этом Джеймс О’Ди, бывший директор правозащитной организации Amnesty International: «Свидетель, как участник, внутренне встает рядом с теми, кому больно и с теми, кого обижают; свидетель обладает сверхъестественной способностью выстоять в пламени ненависти и насилия, не увеличивая эти элементы. Вообще, глубочайшая форма участия — это сострадание всем живым существам... На самом деле, мы никогда не бываем сторонними наблюдателями. Все мы получаем раны. Просто кто-то это чувствует, а кто-то онеменел к ним. Мы все вместе находимся внутри мира, который обязательно нужно изменить».

Участие требует храбрости отказаться идти путем наименьшего сопротивления. Так же, как корову Эмили, нас выстроили в линию, научили следовать маршрутом, проложенным для нас. Но, так же как Эмили, мы можем решиться выйти из ряда вон и сместить траекторию нашей жизни. Знали вы раньше правду о карнизме или нет, но тот факт, что вы решили прочитать эту книгу, уже свидетельствует о вашей храбрости и готовности идти менее изведанной дорогой. Информация, изложенная здесь, провокационна, противоречива, местами крайне неприятна и требует храбрости для ее восприятия.

Нужна храбрость и для осознания потенциала человеческого духа. Участие требует от нас призвать на помощь лучшие качества нашего биологического вида, такие как убежденность, вовлеченность, сопереживание и сострадание. Куда проще поддерживать атрибуты карнистской культуры — апатию, самодовольство, эгоизм и «блаженное» неведение. Я написала эту книгу, — что само по себе акт участия, — потому что я верю, что, как люди, мы обладаем фундаментальным желанием стараться стать лучше. Я верю, что каждый из нас обладает способностью действовать, как могучий участник, в мире, который попал в большую беду. Я имею возможность взаимодействовать с тысячами людей посредством моей работы преподавателя, писателя и спикера, и в личной жизни тоже. Я многократно становилась свидетельницей храбрости и сострадания так называемых среднестатистических американцев — некогда апатичных студентов, ставших страстными активистами; карнистов с многолетним стажем, которые открыто рыдали, наблюдая кадры жестокости к животным, и больше никогда не притрагивались к мясу; мясников, которые внезапно связывали плоть с живыми существами и больше не могли выполнять свою работу; а также сообщества карнистов, которое помогало сбежавшей корове не попасть обратно на бойню.

В конце концов, участие требует храбрости занять достойную сторону. Перед лицом масштабного насилия мы неминуемо примем на себя роль — жертвы или преступника. Джудит Герман настаивает на том, что любой свидетель вынужден занять чью-то сторону, действием или бездействием, и что не существует такой вещи, как моральный нейтралитет. Как сказал Эли Визель, нобелевский лауреат, переживший Холокост: «Нейтралитет помогает угнетателю и никогда — его жертве. Молчание на руку палачу и никогда — мученику». Участие позволяет нам самим выбрать роль, не давая кому-то выбрать ее за нас. И хотя те из нас, кто выберет встать на сторону жертвы, могут страдать, но, как говорит Джудит Герман, «нет ничего более почетного».